

**ИЗВЕСТИЯ
ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ**

**Северо-Кавказский
регион**

**ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
2024**

3

Журнал основан в 1972 г. Ю.А. Ждановым

Главная редакция:

М.А. Боровская (главный редактор),
Е.Н. Макаренко (заместитель главного редактора, председатель редколлегии),
Е.А. Шинкаренко (ответственный секретарь)

Редакционная коллегия:

М.А. Боровская – главный редактор, чл.-кор. РАО, доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.Н. Макаренко – председатель редколлегии, доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
И.М. Узародов – заместитель председателя, доктор исторических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Х. Акаев – доктор философских наук, профессор, Академия наук Чеченской Республики, Россия
О.А. Алимуратов – доктор филологических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, Россия
А.У. Альбеков – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
С.Н. Астапов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
В.Д. Бакулов – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Б.Б. Булатов – доктор исторических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, Россия
Ю.Г. Волков – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Г.В. Драч – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Н.Н. Евченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
А.Г. Иванов – доктор исторических наук, профессор, Кубанский государственный университет, Россия
Н.В. Изотова – доктор филологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Ю.С. Колесников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
С.И. Лукьяшко – доктор исторических наук, профессор, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, Россия
А.А. Магомедов – доктор исторических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Россия
А.В. Матецкая – доктор философских наук, доцент, Южный федеральный университет, Россия
Н.А. Мининков – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.М. Ниворожкин – доктор экономических наук, PhD (доктор экономики), UCL School of Slavonic and East European Studies, Лондон, Англия
Л.И. Ниворожкина – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.Н. Овчинников – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Е.А. Паламарчук – доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Россия
И.А. Полякова – доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Россия
В.И. Пржиленский – доктор философских наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Россия
М.Д. Розин – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Р.Д. Хунагов – доктор социологических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
И.К. Шевченко – доктор экономических наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия
Э.А. Шеуджен – доктор исторических наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Россия
Е.А. Шинкаренко – ответственный секретарь журнала, Южный федеральный университет, Россия
О.М. Штомпель – доктор философских наук, профессор, Южный федеральный университет, Россия

Учредители:

Дагестанский государственный технический университет,
Дагестанский государственный университет,
Донской государственный технический университет,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Кубанский государственный технологический университет,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Южно-Российский государственный политехнический университет им. М.И. Платова,
Южный федеральный университет

Journal was founded in 1972 by Yu.A. Zhdanov

Main Edition:

M.A. Borovskaya (Editor-in-Chief),
E.N. Makarenko (Deputy Editor-in-Chief, Chairman of the Editorial Board),
E.A. Shinkarenko (Assistant Editor)

Editorial Committee:

M.A. Borovskaya - Editor-in-Chief, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.N. Makarenko - Chairman of the Editorial Board, Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
I.M. Uznarodov - Deputy Chairman, Doctor of History, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.H. Akayev - Doctor of Philosophy, Professor, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Russia
O.A. Alimuradov - Doctor of Philology, Professor, Pyatigorsk State University, Russia
A.U. Al'bekov - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
S.N. Astapov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
V.D. Bakulov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
B.B. Bulatov - Doctor of History, Professor, Dagestan State University, Russia
Yu.G. Volkov - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
G.V. Drach - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
N.N. Evchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
A.G. Ivanov - Doctor of History, Professor, Kuban State University, Russia
N.V. Izotova - Doctor of Philology, Professor, Southern Federal University, Russia
Yu.S. Kolesnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
S.I. Lukyashko - Doctor of History, Professor, Federal Research Centre The Southern Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Russia
A.A. Magometov - Doctor of History, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Russia
A.V. Matetskaya - Doctor of Philosophy, Associate Professor, Southern Federal University, Russia
N.A. Mininkov - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
E.M. Nivorozhkin - Doctor of Economics, PhD, UCL School of Slavonic and East European Studies, London, England
L.I. Nivorozhkina - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.N. Ovchinnikov - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Palamarchuk - Doctor of History, Professor, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice, Russia
I.A. Polyakova - Doctor of Economics, Professor, Rostov State University of Economics, Russia
V.I. Przhilensky - Doctor of Philosophy, Professor, Kutafin Moscow State University of Law, Russia
M.D. Rosin - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia
D.V. Sen' - Doctor of History, Professor, Southern Federal University, Russia
R.D. Hunagov - Doctor of Social Sciences, Professor, Adyghe State University, Russia
I.K. Shevchenko - Doctor of Economics, Professor, Southern Federal University, Russia
E.A. Sheudzhen - Doctor of History, Professor, Adyghe State University, Russia
E.A. Shinkarenko - Executive Secretary of the Journal, Southern Federal University, Russia
O.M. Shtompel' - Doctor of Philosophy, Professor, Southern Federal University, Russia

The Founders:

Dagestan State Technical University,
Dagestan State University,
Don State Technical University,
Berkbekov Kabardino-Balkarian State University,
Kuban State Technological University,
Rostov State Transport University,
Rostov State University of Economics,
Platov South Russian State Polytechnic University,
Southern Federal University

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН

BULLETIN OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. NORTH CAUCASUS REGION

Doi: 10.18522/2687-0770-2024-3

*Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77 – 76978 от 28.10.2019,
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций
Научный журнал
Издается с 1973 г.
Периодичность серии 4 номера в год
№ 3 (223) 2024 г.*

*Registration certificate
PI No. FS 77 - 76978 dated 10/28/2019,
issued Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media
Science magazine
Published since 1973.
4 issues per a year
No. 3 (223) 2024*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

SOCIAL SCIENCE

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

К 110-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЮФУ

TO THE 110th ANNIVERSARY OF SFEDU

Кислицын С.А. Юрий Жданов – гений места
(genius loci): Ростова, Дона и Северного Кавказа ... 4

Kislitsyn S.A. Yury Zhdanov – genius of the place
(genius loci): Rostov, Don and the North Caucasus 4

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCE

Акаев А.В. Духовно-культурное наследие
народов Северного Кавказа в условиях совре-
менной цивилизации: проблемы сохранения и
изучения 17

Akaev A.V. Spiritual and Cultural Heritage of the
Peoples of the North Caucasus in the Conditions of
Modern Civilization: Problems of Preservation and
Study 17

Золотухин А.А. Анализ профессиональной куль-
туры сотрудников органов внутренних дел: фило-
софско-антропологический ракурс 24

Zolotukhin A.A. Analysis of Professional Culture
of the Employees of the Internal Affairs Bodies:
Philosophical and Anthropological Perspective 24

Пилавов Г.Ш. Шахматы как отражение культур-
ного пространства Арабского халифата 31

Pilavov G.Sh. Chess as a Reflection of the Cultural
Space of the Arab Caliphate 31

Плеханов И.Н. Философско-антропологическая
проблематика в работе М. Хоркхаймера и
Т. Адорно «Диалектика Просвещения» 37

Plekhanov I.N. Philosophical and Anthropological
Problems in the Work of M. Horkheimer and
T. Adorno “Dialectics of Enlightenment” 37

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCE

Агафонов А.И. Герб на графское Российской
империи достоинство и его версии генерала от
кавалерии, атамана Донского Войска графа
М.И. Платова 43

Agafonov A.I. The Coat of Arms of the
Count's Russian Empire Dignity and Its Ver-
sion of the General of Cavalry, Ataman of the
Don Army Count M.I. Platov 4/3

Гапсаламов А.Р. Проблемы эффективности совет-
ской индустрии в 1920-е годы: региональный аспект
53

Gapsalamov A.R. Problems of Efficiency of So-
viet Industry in the 1920s: Regional Aspect 53

Козлов С.С. К вопросу об озеленении города
Нахичевани-на-Дону в XIX – начале XX века ... 60

Kozlov S.S. On the Issue of Landscaping in Nakh-
chevan-on-Don in the 19th and early 20th Century 60

Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Толоченко О.В. Социально-правовые аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России (X – XVIII века) 67	
Сень Д.В. Новые данные о походе султанов Бахты-Гирея (Дели-султана) и Мурад-Гирея на Кабарду весной 1729 года 74	

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Османова М.М. Специфика ведения учета непроизведенных активов в бюджетных учреждениях 84	
--	--

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Кислицын С.А. Новое исследование истории казачества и Донского края (<i>Тикиджьян Р.Г.</i> Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939 гг.). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2024. 334 с.) 91	
---	--

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Исраилова Э.А., Мезинова И.А., Узнардов И.М. II Всероссийская конференция с международным участием «Черноморский регион и Кавказ в международных отношениях» (Ростов-на-Дону, 23–24 мая 2024 г.) 98	
Сухов Р.И. Итоги проведения Международной научно-практической конференции «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено» (Ростов-на-Дону, 3–4 апреля 2024 г.) 102	

Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Tolopchenko O.V. Social and Legal Aspects of Protecting the Rights of Orphans and Children Left without Parental Care in Russia (10th-18th Centuries) 67	
Sen' D.V. New Data on the Campaign of Sultans Bakhty-Giray (Delhi-Sultan) and Murad-Giray against Kabarda in the Spring of 1729 74	

ECONOMIC SCIENCE

Osmanova M.M. Specifics of Accounting for Non-Produced Assets in Budgetary Institutions 84	
---	--

BOOKS REVIEW

Kislitsyn S.A. A New Study of the History of the Cossacks and the Don Region (<i>Tikidzh'yan R.G.</i> Don Cossacks and Peasantry at the Turning Point of Historical Epochs: Between Imperial and Soviet Socialist Modernization (1855-1939). Rostov-on-Don: DSTU Press; 2024. 334 p.) 91	
--	--

SCIENTIFIC LIFE

Israilova E.A., Mezinova I.A., Uznarodov I.M. 2nd All-Russian Conference with international participation “The Black Sea Region and the Caucasus in International Relations” (Rostov-on-Don, May 23-24, 2024) 98	
Sukhov R.I. Results of the International Scientific and Practical Conference “Tourism and hospitality industry: all inclusive” (Rostov-on-Don, April 3-4, 2024) 102	

К 110-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЮФУ TO THE 110th ANNIVERSARY OF SFEDU

Персоналии

УДК 94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-4-16

ЮРИЙ ЖДАНОВ – ГЕНИЙ МЕСТА (GENIUS LOCI): РОСТОВА, ДОНА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Сергей Алексеевич Кислицын

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
Kislitsyn-sa@ranepa.ru

Аннотация. Освещаются основные события ростовского периода жизни и деятельности выдающегося организатора науки, общественно-политического деятеля и ученого Ю.А. Жданова в контексте понятия «гений места». Проведенный анализ позволил выявить на примере его биографии объективные и субъективные факторы, сочетание которых делает возможным преобразование индивидуальной деятельности гения места в позитивные эффекты места – города Ростова-на-Дону, Ростовской области, Северо-Кавказского региона. Рассмотрены ключевые позиции понимания личности Жданова как гения места: региональная идеологическая идентификация, вклад в развитие территории, в формирование социокультурной идентичности и историческая реконструкция основных событий. Показано, как научная и общественная деятельность Ю.А. Жданова способствовала процессу изменений в науке, образовании и культуре в локальных донском и северокавказском сообществах. Сделана попытка соотнести содержательные моменты произведений гения места и его биографии с базовыми, основными элементами истории и культуры Дона и Северного Кавказа. Сбор данных осуществлялся посредством анализа научной периодики, материалов СМИ и публикаций в социальных сетях, воспоминаний жителей и представителей региональной власти, а также личных наблюдений автора.

Ключевые слова: Ю.А. Жданов, биография, научная и общественная деятельность, ректор РГУ, гений места

Для цитирования: Кислицын С.А. Юрий Жданов – гений места (genius loci): Ростова, Дона и Северного Кавказа // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 4–16.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Personalities

YURY ZHDANOV – GENIUS OF THE PLACE (GENIUS LOCI): ROSTOV, DON AND THE NORTH CAUCASUS

Sergey A. Kislitsyn

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
Kislitsyn-sa@ranepa.ru

Abstract. The article highlights the main events of the Rostov period of the life and work of the outstanding organizer of science, socio-political figure and scientist I.A. Zhdanov in the context of the concept of the “genius of the place”. The analysis made it possible to identify, using the example of his biography, common objective and subjective factors, the combination of which makes it possible to transform the individual ac-

tivity of the genius of the place into positive effects of the city of Rostov-on-Don, the Rostov region, and the North Caucasus region. The key positions of understanding Zhdanov's personality as the genius of the place are considered: regional ideological identification, contribution to the development of the territory, socio-cultural identity, historical reconstruction of the main events. It is shown how the scientific and social activities of Yu.A. Zhdanov contributed to the process of changes in the local Don and North Caucasian communities. An attempt was made to correlate the substantive aspects of the works of the genius of the place and his biography with the basic, fundamental elements of the history and culture of the Don and the North Caucasus. Data collection was carried out through the analysis of scientific periodicals, media materials and publications on social networks, memories of residents and representatives of regional authorities, as well as personal observations of the author.

Keywords: Yu.A. Zhdanov, biography, scientific and public activity, rector of Rostov State University, genius of the place

For citation: Kislitsyn S.A. Yury Zhdanov – genius of the place (genius loci): Rostov, Don and the North Caucasus. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):4-16. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

В античности гений места – это дух-покровитель того или иного конкретного места (genius loci). В современном прочтении – это творец, чья жизнь, работа и произведения связаны с данным местом и могут служить частью его образа. Выражение применяется к человеку, ревностно оберегающему неповторимую атмосферу места. Образ знаменитой личности может стать элементом территориальной идентичности. На уровне официальной идеологии связь места и гения обычно закрепляется посредством присвоения имени героя улицам, школам, районам и т. д. Идеологическая идентификация места с определенным персонажем зачастую связана с попытками в той или иной форме возродить традиции. Гений «входит» в образ места не сам по себе, а как демиург, если он является творцом чего-либо выдающегося. На уровне бытовой идентификации происходит «мифологизация» гения, которая может быть элементом и официального культа гения. Путь исторической реконструкции образа гения места требует объективности, непредвзятости в выявлении того, какую роль сыграло то или иное место в биографии известной личности [1, 2].

Проследим названные позиции в биографическом пути и творческом наследии Ю.А. Жданова. Следует иметь в виду, что на Донской земле это понятие заслуженно применялось к М.А. Шолохову. Выдающийся ученый и мыслитель Юрий Андреевич Жданов был тесно связан и с нашим краем, и с самим М.А. Шолоховым. Он сыграл очень заметную роль в жизни Донского края и даже Северного Кавказа. Это объясняется многими объективными и субъективными обстоятельствами, относящимися к месту жизнедеятельности, имеющему значение в его творческой биографии.

В яркой и сложной общественной и научной биографии Юрия Андреевича Жданова прослеживается два основных этапа. Первый – московский – связан с его учебой в МГУ, участием в Великой Отечественной войне, становлением как химика-органика и философа, а также с его работой на посту заведующего отделом науки ЦК ВКП(б). Вторым этапом – это ростовский, руководство Ростовским государственным университетом до вынужденной отставки в 1988 г. и его деятельность во главе СКНЦ ВШ вплоть до ухода из жизни в 2006 г. Ю.А. Жданов в своей мемуарной книге «Взгляд в прошлое» подчеркивал неразрывную связь научно-организационной деятельности в Ростове-на-Дону со своим московским партийно-политическим прошлым. Все этапы его жизнедеятельности являются органически взаимосвязанными, каждый из них непосредственно связан с предыдущим и последующим и включает в себя их элементы.

Мы уже неоднократно пытались выделить основные черты каждого этапа его биографии и в целом значение его деятельности, исходя из понимания его принадлежности к политической и научной элите страны [3–9]. Довелось неоднократно дискутировать с ним по различным проблемам политической истории СССР и КПСС, которую он хорошо знал и лично принимал участие в ряде событий.

Так, в СКАГСе (теперь ЮРИУ РАНХиГС при Президенте РФ) под нашим руководством была защищена кандидатская диссертация по политическим наукам о генезисе и эволюции общественно-политических взглядов Ю.А. Жданова [10]. Диссертация и ряд наших статей вызвали немалый интерес у научной общественности. Когда нами была опубликована в издательстве URSS первая биографическая книга о Жданове (отмеченная дипломом ИППК ЮФУ), мы помимо рецензии получили много дополнительных сведений различного характера. Наиболее полными и обстоятельными оказались откровенные беседы с профессорами А.М. Юрковым, Г.И. Колесником и Я.А. Переховым, которые с увлечением рассказывали много неожиданных фактов и подробностей. Выслушивали также и сложные оценки людей, обиженных на Юрия Андреевича за свои несостоявшиеся карьеры, невключение в списки награждений, критические высказывания в свой адрес. Один автор был недоволен отзывом о его стихах, другой – что он недооценивал его талант, третий считал, что Жданов всем обязан элитному происхождению, четвертый даже заявил об искусственном культивировании и мифологизации этой личности и др. Но все они тем не менее отмечали значимость Ю.А. Жданова как крупного общественно-политического деятеля, выдающегося организатора науки, ученого-химика и философа.

Попытаемся в целом оценить взаимосвязи биографии Жданова и Ростова-на-Дону, Донского, Северо-Кавказского регионов. Следует особо отметить, что на Дон Ю.А. Жданов прибыл в качестве известного в стране отставного крупного партийного руководителя советской науки, представителя сталинской политической элиты. Его предыдущая должность – заведомо естественных наук – приравнивалась к рангу министра. Кроме того, он был сыном очень высокого партийного руководителя, члена политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, а также зятем самого Сталина. Вождь связывал определенные надежды с Юрием Ждановым не только как с химиком-технократом, но и как с партийно-политическим организатором в области естественных наук.

Уже тогда Ю.А. Жданов проявил себя на этом посту не только как партчиновник, выполнявший личные распоряжения И.В. Сталина и делавший политическую карьеру, но и как творческий человек, равнодушный к главной функции науки – познанию научной истины. Он внес известный позитивный вклад в защиту ученых-генетиков, подвергавшихся политизированной антинаучной разоблачительной критике в этот период. Хотя после вмешательства Сталина Ю.А. Жданов был вынужден написать покаянное письмо, он сохранил уважение многих биологов. На своем посту он пытался бороться против начетничества и догматизма, против субъективистских извращений в естественных науках. Конечно, в условиях того времени эта деятельность не имела результата, но именно в ЦК правящей партии Ю.А. Жданов получил тот опыт и закалку, которые позволили ему в дальнейшем занять ведущие позиции и на периферии.

После смерти Сталина его отправили по инициативе М.А. Суслова и с санкции Н.С. Хрущева, очень не любившего Сталина, в Ростов-на-Дону как в некую «ссылку» на рядовую по кремлевским критериям должность заведомо науки и культуры Ростовского обкома КПСС. Он так и воспринимал этот сюжет до конца жизни, хотя Ростов-на-Дону должен быть благодарен судьбе, что получил такого выдающегося человека.

Ростов не был для него чужим городом – это был город детства. Он ребенком в 1927 г. проживал в Ростове, в доме, расположенном в центре города, учился в школе, которая находилась в городском парке и была полностью разрушена во время войны, о чем он вспоминал в своей мемуарной книге. И когда пришла пора выбора места «ссылки», он без колебаний выбрал Ростов-на-Дону. Этот этап научно-организаторской деятельности Ю.А. Жданова, непосредственно связанный с нашим городом и Северным Кавказом, является, вероятно, лучшим периодом его жизни и, может быть, всего научного Ростова.

Надо подчеркнуть, что на Дон прибыл уже состоявшийся партийно-политический руководитель и ученый, кандидат философских наук. Конечно, в кругу партийных партаппаратчиков, воспитанных и выросших в сталинскую эпоху, зять Сталина имел особую известность и вес. Хотя, с другой стороны, ряд партработников в обкоме и преподавателей в вузах первое время воспринимали его сомнительно-критически. Но именно здесь первоначально развернулся талант Юрия Андреевича как организатора науки, просвещения и культуры. Он занимался строительством Ростовского цирка, восстановлением из руин после бомбёжек Ростовского драматического театра, организацией выступления в Большом театре Москвы ансамбля донских каза-

ков после завершения XX съезда партии. В 1957 г. он был награжден орденом «Знак Почета» за участие в организации освоения целинных и залежных земель [11]. Но Жданов понимал, что ему принципиально необходимо продолжать активно заниматься конкретной наукой для дальнейшей самореализации и как ученого, и как руководителя, и как личности.

В 1957 г. он защитил давно начатую кандидатскую диссертацию по химическим наукам «Методы синтеза и свойства углерод-замещенных углеводов». Вскоре был назначен ректором Ростовского государственного университета, каковым являлся почти 33 года, вплоть до 1988 г. Ректор естественным образом впитал в себя лучшие традиции университета, достижения виднейших ученых и преподавателей, особую атмосферу вузовской жизни. Здесь он стал доктором химических наук, профессором, заведующим кафедрой химии природных и высокомолекулярных соединений университета. Научный и организаторский талант Юрия Андреевича будировал и раскрывал исследовательский потенциал университета. РГУ в это время превратился из второстепенного вуза в крупнейший региональный научно-учебный центр со своими научными институтами и лабораториями. При его руководстве РГУ был награжден 28.03.1966 г. орденом Трудового Красного Знамени. Сам Жданов был награжден двумя орденами Ленина и другими орденами за большие заслуги в подготовке специалистов и научных кадров. Перечислять все научные заслуги Ю.А. Жданова нет смысла, так как они подробно освещены и конкретно проанализированы в научной литературе [12–24].

Было общепризнано, что имя Ю.А. Жданова является центральной и главной составляющей прежде всего научного имиджа Донского региона. С его именем связан так называемый золотой век РГУ, который занимал в советское время четвертую строку в рейтинге ведущих университетов РСФСР. При его жизни, и особенно после его смерти, вышел целый ряд крупных работ, посвященных его научной и общественной деятельности. А.В. Белов показал стиль его руководства огромным коллективом научного сообщества, мощнейший интеллектуальный потенциал ученого, философа, культуролога, универсалистский стиль мышления, государственный подход к любому начинанию, нацеленность на воплощение научных изысканий [25, 26]. Н.С. Авдулов, Ю.Г. Волков, Г.В. Драч А.В. Кокин, Г.А. Матвеев, М.Д. Розин, С.Я. Суций, М.В. Таланов, М.М. Шульман, А.М. Юрков и многие другие глубоко раскрыли различные аспекты научного творчества Ю.А. Жданова [27–30].

Мы отметим несколько принципиальных моментов, важных для понимания роли Жданова в Донском регионе. Совместно с Л.П. Олехновичем и В.И. Минкиным он был соавтором открытия в области динамической химии, которое послужило началом целого ряда практических разработок. Авторский коллектив под руководством Ю.А. Жданова (И.И. Ворович, Э.В. Макаров, С.П. Воловик, А.Б. Горстко, А.М. Брофман, Ю.А. Домбровский, Ф.А. Сурков, А.Я. Алдакимова) был удостоен в 1983 г. Государственной премии СССР за работу «Создание математической имитационной модели экосистемы Азовского моря».

Известный ростовский партийный деятель Н.Д. Пивоваров рассказывал, как он обратился за помощью к Ю.А. Жданову и ученым РГУ для разработки технологии изготовления строительных материалов из сгоревших пород терриконов угольных предприятий. И под контролем Жданова ученые университета совместно со строителями создали такую математическо-химическую формулу добавок в сгоревшую породу, что появилась возможность получать дешевые и крепкие шлакоблоки и другие строительные материалы, из которых строились производственные и другие объекты, многие из которых служат до сих пор. При руководящем участии Жданова были разработаны программы «Развитие производительных сил Ростовской области», «Научно-техническая организация работ на строительстве завода “Атоммаш”», «Электровоз», «Порошковая металлургия», «Технологическое обоснование нового зерноуборочного комбайна». Тресту «Донецкуголь» были переданы результаты петрографического изучения нового пласта углей, «Ростсельмашу» – итоги исследования силикатных масс, применяемых для изготовления литейных форм, ДГТФ – результаты электронно-микроскопического исследования производственной пыли [31]. В целом Жданову принадлежит одна из центральных ролей в стратегическом планировании развития Азово-Черноморской территории, что четко зафиксировано в его работах [32, 33]. Уже этого было вполне достаточно для закрепления имени Ю.А. Жданова на первых позициях в списке ведущих деятелей Дона.

Жданов способствовал широкой популяризации в научной среде значения творчества великого донского писателя М.А. Шолохова, был инициатором присвоения ему учёным советом РГУ звания почётного доктора филологии, приглашал в университет для публичных выступлений. Он обеспечил организацию приезда на Дон авторитетного на Западе писателя лорда Ч. Сноу, который номинировал М.А. Шолохова на Нобелевскую премию. Жданов входил в состав правления Ростовского отделения Фонда им. М.А. Шолохова и в своих статьях и выступлениях подчеркивал уникальную роль произведений Шолохова в раскрытии народного духа, русской национальной идеи, казачества как квинтэссенции русского национального характера [34].

Следует отметить, что Жданов своеобразно понимал роль и значение казачества, считая, что казачество Дона исторически является выразителем идей революционно-демократического характера. По его мнению, сословный элемент в идентичности казачества носил временный, преходящий характер и стал проявлять себя лишь на более позднем этапе формирования казачества, до XVIII в. он практически отсутствовал и оформился позже. Исторически сословный момент всегда преодолевался в ходе общественного развития. В этом нет ничего специфически российского; сословное деление во всем мире обречено исторически. Оно почти повсеместно пало в Европе под влиянием Великой французской революции, вообще отсутствовало в истории США. В то же время преодоление сословности ни в коей мере не может задеть историко-культурного своеобразия казачьего субэтнуса, культурных и передовых исторических традиций. Жданов считал, что революционно-демократические традиции казачества в первую очередь связаны с мятежными казачье-крестьянскими движениями Болотникова, Разина, Пугачева и др. Казаки Ермак, Дежнев сыграли выдающуюся роль в освоении новых территорий Российского государства, совершив свой исторический маршрут даже в глубины Северной Америки. Ю.А. Жданов подчеркивал, что в любом народе, этносе замысловато переплетаются самые разнообразные исторические, социальные и культурные традиции. Встречаются среди них прогрессивные, жизнеутверждающие, творческие, бывают и иные: архаические, консервативные, темные. Их соотношение и взаимное влияние по-разному могут оцениваться исследователями. Социальные бури и трагедии, пронесшиеся над страной, сложно отразились на истории казаков, нередко ломая быт и судьбы. Но бессмертен патриотический вклад казачьих войск в общегосударственное дело защиты Отечества. Ю.А. Жданов подчеркивал, что в 1936 г. были сформированы кавалерийские казачьи соединения, завоевавшие боевую славу в годы Великой Отечественной войны под командованием генералов Доватора, Плиева, Кириченко, Белова, Селиванова.

М.П. Астапенко вспоминает, что, когда в 1970 г. М.А. Шолохов задумал создать в Старочеркаске историко-архитектурный музей-заповедник и искал историческое обоснование своей задумки, чтобы убедить Совет министров РСФСР издать такое постановление, ректор РГУ способствовал созданию комиссии, которая подготовила обстоятельную историческую справку, на ее основе последовало постановление Совета министров РСФСР от 30.12.1970 г. об образовании Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника. Ю.А. Жданов первым официально призвал восстановить в Новочеркаске памятник Платову [35].

Но надо признать, что Ю.А. Жданов не придавал исключительного значения казачеству. Для него приоритетом были достижения В.И. Вернадского, М.И. Глинки, А.С. Пушкина, М.А. Шолохова как великих выразителей культуры России в целом. Он восхищался остатками древнегреческой культуры в регионе – Танаисом, но не называл его памятником донской истории.

Начиная с 1970-х гг. Ю.А. Жданов в своей деятельности отдавал приоритет научно-организационному направлению, совершив в определенной степени общественный подвиг, учитывая имевшийся в стране масштаб бюрократизма и консерватизма. Ю.С. Колесников осветил ситуацию, когда Жданов предложил создать на Юге России академическую региональную структуру, действующую в системе академической науки. Однако на заключительном совещании выступил министр высшего и среднего специального образования СССР В.П. Елютин с предложением учредить не региональный центр АН СССР, а Северо-Кавказский научный центр высшей школы в системе учебных учреждений РСФСР. Как пишет Ю.С. Колесников, эта ситуация возложила на Жданова колоссальную нагрузку по созданию новой системы мотивации для развития партнерских взаимодействий с ректорами и ведущими учеными вузов Северного Кавказа, которые первоначально весьма ревностно отнеслись к появлению этого центра [36].

Постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 28.08.1969 г. был создан Северо-Кавказский научный центр высшей школы. А 24.11.1970 г. общее собрание Академии наук избрало Жданова членом-корреспондентом АН СССР по отделению общей и теоретической химии на вакансию для СКНЦ ВШ. В итоге он реализовал концепцию, в соответствии с которой центр создавался на базе РГУ, а в его структуре были классические научно-исследовательские институты по техническим и естественным наукам, в 1986 г. – Северо-Кавказский НИИ экономических и социальных проблем. РГУ получил статус единственного получателя выделенных под создание СКНЦ ВШ ресурсов. Ю.С. Колесников пишет, что, «опираясь на социальный (репутационный) капитал, колоссальный опыт и мощный интеллект, творческую неутомимую энергию и поддержку коллег, соратников и друзей в Ростове-на-Дону, Москве и на Северном Кавказе, Жданов сумел создать в системе высшей школы уникальный научно-образовательно-культурологический комплекс, функционирующий по существу в режиме государственно-общественного партнерства» [36, с. 31]. Таким образом, Жданов на базе РГУ практически отработал инновационную модель синтеза вузовской науки и образования. В дальнейшем он пытался распространить на СКНЦ ВШ ряд полномочий хозрасчетного научного объединения, но натолкнулся на ряд серьезных препятствий, ограничивающих полномочия СКНЦ ВШ по солидарной поддержке исследований вузов.

Чтобы понять роль и значение СКНЦ ВШ, надо подчеркнуть, что центр имел двойственную структуру. С одной стороны, он определенным образом, в основном неформально-концептуально, научно-идеологически, концентрировал вокруг РГУ другие университеты и институты Северного Кавказа, предметно координировал всю вузовскую научную жизнь. Под непосредственным руководством Ю. А. Жданова именно здесь были разработаны программы развития энергетики Северного Кавказа, развития экономики Ростовской области и Краснодарского края, комплексная программа научно-технического прогресса Северного Кавказа, формировалась программа его экономического и социально-политического развития. С другой – этот центр можно рассматривать как элемент структуры гражданского общества, так как вокруг СКНЦ ВШ формировалось информационное поле, различные позиции, точки зрения, взгляды, направления научной мысли.

Несомненно, что, будучи известным ученым, занимая высшее положение в научной иерархии как ректор РГУ и председатель Северо-Кавказского центра высшей школы, Юрий Андреевич Жданов являлся неформальным руководителем всей южнороссийской региональной научной общественности, или, как теперь принято говорить, лидером общественного мнения. Это определение аргументируется тем, что Ю.А. Жданов был председателем Северо-Кавказской академической ассоциации, объединяющей отраслевые академии наук и ряд институтов. С 1972 г. Жданов являлся создателем и главным редактором журнала «Известия СКНЦ ВШ». С 1995 г. возглавил возникшие на базе этого журнала 2 научных издания – «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» и «Научная мысль Кавказа». По его инициативе были созваны съезды кавказоведов, объединяющие ученых Кавказа. При его непосредственном участии была создана Энциклопедия культур народов Юга России. Помимо научных организаций, Ю.А. Жданов возглавлял общественные организации – Донское Пушкинское общество, Южно-Российскую лигу защиты культуры и т.д. Он был активным участником работы Ассоциации социального и экономического сотрудничества республик, краев и областей Северного Кавказа, членом президиума Совета ректоров вузов Ростовской области. Как почетный гражданин города Ростова-на-Дону, он входил в инициативную группу граждан по присвоению Ростову-на-Дону почетного звания «Город воинской славы».

Надо особо отметить партийно-политический фактор, который, как правило, обходят многочисленные новоявленные биографы Жданова. Как подчеркивал Жданов, цитируя К. Маркса, «чтобы судить о правительствах и их делах, надо подходить к ним с меркой их эпохи и понятий их современников» [37, с. 65]. На наш взгляд, некорректны попытки абстрактно, академически характеризовать творчество этого выдающегося организатора науки в отрыве от его общественно-политической и научно-административной деятельности, так как она была тем конкретным полем, в котором реализовывались его проекты и идеи.

Все свои идеи, замыслы он реализовывал во многом и прежде всего благодаря вхождению в высшие партийные и государственные структуры. Он был членом ЦК КПСС (1952–1956), делегатом XX – XXVI съездов КПСС, депутатом Верховного Совета РСФСР 11-го созыва, членом Областного комитета КПСС, депутатом Областного совета народных депутатов, членом Госплана РСФСР, членом Комитета по Государственным премиям СССР в области науки, а также Межреспубликанского РСФСР и УССР комитета по проблемам Дона и Северского Донца, членом правления общества «Знание» РСФСР. Это позволяло ему прямо и непосредственно без бюрократических проволочек привлекать внимание органов власти к проблемам науки и образования в регионе. Следует отметить, что его вхождение в партийную номенклатуру не сопровождалось особым славословием в адрес высших деятелей партии и государства, более того, он позволял себе в узком кругу и критические суждения. На наш взгляд, Ю.А. Жданов был представителем рационально мыслящей, технократической части партийной элиты, которая, к сожалению, постепенно теряла свои позиции в руководстве страны. Он был избран действительным членом общественных научных объединений – Российской академии естественных наук, Международной академии наук высшей школы, Российской экологической академии, Академии гуманитарных наук России, Академии энергоинформационных наук, Международной академии экологии и безопасности жизнедеятельности, почетным членом Инженерной академии России. Входил в редакционно-издательский совет международного теоретического и общественно-политического журнала «Марксизм и современность». Участие в работе многочисленных и разнообразных организаций было для ученого не дежурным процессом и тем более не удовлетворением его личных амбиций, а реализацией внутренней потребности всемерно способствовать консолидации общественных сил. Он стремился привлечь к работе в СКНЦ ВШ лучшие научные силы, не обращая внимания на их карьерные проблемы (ситуация с философом М.К. Петровым).

Занимая большое количество почетных общественных должностей и став фактически лидером научного сообщества Юга России, Ю.А. Жданов продолжал заниматься наукой, точнее научной публицистикой. Он придавал большое значение роли научной общественности как части гражданского общества. На наш взгляд, очевидно, что, когда в речах и книгах Ю.А. Жданова речь идет о культуре в деятельностном смысле слова, он имеет в виду развитие гражданской политической культуры, которая является основой гражданского общества: «Только объединенные усилия всей научной общественности, творческой интеллигенции нашего края помогут... создать, испытать, проверить на деле, сформировать первый в стране вузовский научный центр» [38, с. 379]. Он ставил задачи устойчивого развития экономики, культуры, науки и других сфер жизнедеятельности «на основе консолидации интеллектуальных сил региона, на принципах сотрудничества и взаимной помощи» [39, с. 363]. Ю.А. Жданов дает наказ молодым ученым: «Вступающее в строй новое поколение ученых должно преемственно воспринять от старшего поколения гуманистические традиции и идейный фундамент науки... воспитание молодежи в духе гуманизма, в духе замечательных традиций науки – важнейшая задача старшего поколения ученых» [40, с. 130]. Также он подчеркивает: «Гражданское общество есть элемент нравственной субстанции, который включает и семейные отношения, общество и даже государство. Поэтому в гражданском обществе заложены противоречия, которые могут привести к расколу, распаду, утрате нравственного единства» [41, с. 17–18]. Такой диалектический подход более чем актуален и сегодня, когда гражданское общество находится в состоянии раскола и шатаний.

В работах Ю.А. Жданова речь идет о гуманистической гражданской самодеятельности и самовыражении, труде, долге, службе, заботе о ближних, творчестве и других повседневных проявлениях функционирования личностей в социуме. Это все есть выражение имманентного морально-нравственного категорического императива гражданина, и поэтому гражданское общество – понятие не только юридическое, но и духовное, не только капиталистическое, но и социалистическое. Ю.А. Жданов был достаточно свободен в определенных пределах в своем волеизъявлении, как неформальный лидер специфического советского гражданского общества. Поэтому обоснованно его понимание под гражданским обществом совокупности социальных субъектов, обладающих внутренней свободой, ответственностью и гражданским духом, безотносительно к основным чертам социально-экономического строя. Несомненно, одной из важ-

ных характеристик динамики общественности Ростовской области и всего Северного Кавказа является мощная, постоянно действующая *гражданская инициатива* Ю.А. Жданова, его повседневная осознанная и активная деятельность во благо общества. В сочетании с такими нравственными категориями, как гражданский долг, гражданская совесть, она служила надежным средством дальнейшего поступательного развития гражданского общества в регионе. Вся деятельность Ю.А. Жданова как выдающегося донского просветителя на заключительном этапе его жизни была направлена на укрепление подлинно гуманистического гражданского общества на Юге России.

Следует отметить, что Ю.А. Жданов руководил РГУ исходя из требований, предъявляемых к нему как к вузу так называемой передовой социалистической культуры. Это не означало, что ректор требовал идеологической ангажированности своих сотрудников, хотя он уделял и по долгу своей службы и партийной программы много внимания и парткому, и кафедрам общественных наук. Юрий Андреевич понимал эту проблему гораздо шире и глубже официальных идеологов КПСС.

Поэтому в РГУ была организована первая среди университетов страны кафедра теории культуры. Ю.А. Жданов и В.Е. Давидович дали развернутое теоретическое обоснование сущности культуры на основе марксистской концепции деятельности, осветили историю понятия «культура», определили его место в системе категорий исторического материализма, проанализировали феномен культуры, рассматриваемый как развивающаяся система, соотнесли понятия культуры и социального прогресса [42].

Будучи идейным марксистом и атеистом-материалистом, он пытался убедить общественность в правоте марксизма, в неизбежности возрождения в каком-то будущем идеалов коммунистического общества. Ю.А. Жданов писал, что на Западе за внешним благополучием и рекламной видимостью прослеживаются черты критического развития американской цивилизации, включающие как стремительный рост, так и признаки упадка. По его мнению, на новом современном материале подтверждается актуализированный им древнегреческий миф об Эрисихтоне, который погубил себя в ходе самопожирания. Он сформулировал так называемый комплекс Эрисихтона о печальной участи общественного социума, основанного на антагонистической и паразитической парадигме.

Но Ю.А. Жданов отнюдь не дистанцировался от проблем нового постсоветского общества, которое он как марксист воспринимал критически. Когда Полпредство Президента РФ в ЮФО решало проблемы сепаратизма и терроризма на Северном Кавказе, Ю.А. Жданов возглавил Совет старейшин ЮФО и был в составе экспертной группы по подготовке стратегии России на Кавказе. Он не разделял постмодернистского представления о невозможности теоретически обоснованной стратегии развития России, в том числе ориентации исключительно на ситуативные, реактивные методы и технологии политики. Юрий Андреевич подготовил доклад «Кавказский вектор в развитии Ростова», в котором, опираясь на идеи Вернадского, призвал всех ученых объединиться для общей и планомерной работы с целью духовного возрождения России, развития русской культуры – основного оплота единства России и защиты российской нации. При этом Жданов категорически осуждал известные депортации народов Северного Кавказа в 1943–1944 гг. и возлагал персональную ответственность за эти акции лично на Л.П. Берия. Как интернационалист, Ю.А. Жданов одним из первых поставил вопрос о взаимовлиянии и взаимопроникновении русской и кавказской культур в регионе, причем он стал рассматривать и обратное влияние культур народов Кавказа на русскую культуру. Ю.С. Колесников пишет, что Жданов «наполнял солидаристские научно-образовательные практики удивительно высокой идейной привлекательностью, придав гражданской северокавказской идентичности новые смыслы и черты благородства, деятельное единство национальных культур и исторических судеб народов Северного Кавказа» [36, с. 35]. В научной периодике опубликован цикл статей о направляющей роли Жданова в развитии на Дону исследований истории и культуры Кавказа [43–45].

Жданов много сделал для разработки Концепции кавказской политики России, включавшей взаимовыгодное сотрудничество, межнациональное согласие, совместные усилия в области человеческих взаимоотношений, науки, культуры, образования, экологии, спорта и др. Ю.А. Жданов постоянно держал в центре внимания подготовку фундаментального исследова-

ния «История народов Северного Кавказа». Он считал Кавказ «солнечным сплетением Евразии», которая была (по Вернадскому) «государством-континентом». Активно участвовал в создании Кабардино-Балкарского, Кубанского, Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского университетов. И на Кавказе Юрия Андреевича считали своим представителем в Ростове-на-Дону и вообще в России. О его тесных связях с учеными региона восторженно писали В.Х. Акаев, А.А. Абилов, М.Р. Гасанов, В.Д. Дзидзоев, М.Ч. Залиханов, Б.С. Карамурзов, Х.Б. Мамсиров, А.А. Магомедов, Х.Г. Тхагапсоев, Р.Д. Хунагов, В.В. Черноус, Э.А. Шеуджен, и многие др. [46–55]. Мы считаем, что он был своеобразным и необыкновенным, инициативным послом России на Северном Кавказе и, наоборот, послом Кавказа в России.

Нельзя не отметить личные качества Юрия Андреевича, который, не обладая выразительной внешностью и голосовыми данными, был признанным лидером, прекрасным лектором, ярким оратором, привлекающим к себе слушателей и поклонников его разнообразных талантов. Он обладал той самой харизматичностью, которой иногда награждает человека природа или Всевышний.

На наш взгляд, ярче всего, тонко и образно отразил тип ждановской одаренности А.П. Чехов, когда устами своей героини в пьесе «Дядя Ваня» сформулировал такой образ: «...А ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... Посади деревцо и уже загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уже мерещится ему счастье человечества. Такие люди редки, их нужно любить» [56, с. 307]. Смелость научного поиска, глубина мышления, широчайший размах жизнедеятельности, патриотизм и гуманизм, социально-исторический оптимизм и верность коммунистическим идеалам – вот, на наш взгляд, главные качества этой яркой, креативной и подлинно пассионарной личности. Ю.А. Жданов был не просто химиком и философом, крупным организатором науки и неформальным лидером гражданского общества в регионе, но прежде всего яркой личностью в истории Ростова-на-Дону, настоящим донским просветителем.

В 2016 г. в здании СКНЦ ВШ был открыт мемориальный кабинет. На доме, где он жил, установлена мемориальная доска его памяти. Он был удостоен звезды на «Аллее звезд» и персонального бюста на Пушкинской улице, перед библиотекой ЮФУ, носящей его имя. Мы вслед за профессором В.И. Седлецким считаем, что было бы логично в свое время присвоить РГУ имя Ю.А. Жданова. Но поезд ушел...

Образ личности легендарного деятеля и ученого, почетного гражданина Ростова-на-Дону Ю.А. Жданова по всем вышеприведенным культурологическим и историческим параметрам, несомненно, стал значимым элементом, образом территориальной идентичности Дона и Юга России и в полном смысле – гением места (*genius loci*).

Список источников

1. Алексеева В. Л. Структура концепта «гений места» // Изв. вузов. Серия: Гуманит. науки. 2015. Т. 6, № 2. С. 88–91.
2. Вайль П. Гений места. М.: CORPUS, 2010. 448 с.
3. Кислицын С.А. Юрий Жданов. Рядом со Сталиным, Шолоховым, Ильенковым... М.: URSS, 2013. 212 с.
4. Кислицын С.А. Юрий Андреевич Жданов – выдающийся представитель общественно-политической и научной элиты СССР второй половины XX в. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2007. № 6. С. 50–55.
5. Кислицын С.А. Научная элита в системе политической власти. 3-е изд. М., 2012.
6. Кислицын С.А. Ю.А. Жданов как историк (навстречу 100-летию со дня рождения) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2017. № 1. С. 87–95.
7. Кислицын С.А., Степаненко Н.В. Актуальные аспекты политической философии Ю. А. Жданова (к 95-летию со дня рождения) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2014. № 3. С. 25–30.
8. Кислицын С.А. Ю.А. Жданов: выдающийся организатор науки, видный учёный-марксист // Политическое просвещение. 2016. № 6 (95). С. 93–99.
9. Кислицын С.А., Колесник Г.И. Элитарная личность всероссийского масштаба // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2019. № 2. С. 113–121.
10. Степаненко Н.А. Генезис и эволюция общественно-политических теорий и практик Ю.А. Жданова : дис. ... канд. полит. наук. Ростов н/Д., 2014. 158 с.
11. Молот. 1957. 17 янв.

12. Симкин Я.Р., Филоненко В.И. Ю.А. Жданов // Путиами познания. Ростов н/Д.: РГУ, 1985. С. 86–97.
13. Ю.А. Жданов. Этапы научной деятельности: библиогр. указатель. К 75-летию со дня рождения. Ростов н/Д., 1994.
14. Индикова В.Г., Крамарова Е.Н. Дни Юрия Андреевича Жданова в ИППК Южного федерального университета // Гуманитарий Юга России. 2012. № 4. С. 189–200.
15. Ю. А. Жданов и Кавказ (к 85-летию со дня рождения) // Научная мысль Кавказа. 2004. № 3. С. 3–31.
16. Белоконь А. В. Созидатель: у истоков Южного научного центра РАН // Научная мысль Кавказа. 2004. № 3. С. 3–11.
17. Волков Ю.Г. Ю.А. Жданов, наука, образование и культура // Жданов Ю.А. Проблемы теории и истории культуры. Ростов н/Д.: Наука-пресс, 2005. С. 3–21.
18. Минкин В.И. Метод Жданова // Научная мысль Кавказа. 2007. Спецвып. памяти Ю. А. Жданова. С. 10–16.
19. Олехнович Л. П. «В движении счастье мое» // Научная мысль Кавказа. 2007. Спецвып. памяти Ю. А. Жданова. С. 16–25.
20. Давидович В.Е. Культурологические штудии Юрия Жданова // Научная мысль Кавказа. 2007. Спецвып. памяти Ю. А. Жданова. С. 46–49.
21. Патракова В.Ф., Черноус В.В. «Не все ученые путают науку с хлебом» // Научная мысль Кавказа. 1999. № 1. С. 85–90.
22. Патракова В.Ф., Черноус В.В. Ю.А. Жданов и развитие исторической науки в Ростовском госуниверситете // Научная мысль Кавказа. 2010. № 1. С. 10–17.
23. В кругу Ю. А. Жданова: учителя, сподвижники, ученики / отв. ред. Ю.Г. Волков. М.; Ростов н/Д.: Соц.-гуманит. знания, 2013. 389 с.
24. Смольянинова С. Жданов и традиция // Академия. 2013. № 2. 19 янв.
25. Белов А. В. Ю.А. Жданов – ученый-универсалист, организатор науки и образования на Юге России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 6. С. 234–252.
26. Белов А.В. Юрий Андреевич Жданов: очерки социальной и научной биографии. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2015. 327 с.
27. Ю.А. Жданов: вклад в разработку методологических проблем научного творчества и развитие инновационной деятельности в Южно-Российском регионе : междунар. науч. Ждановские чтения. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2010. 220 с.
28. Научное наследие Ю.А. Жданова и современные проблемы моделирования сложных социосистем (на материалах Юга России). Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ ЮФУ, 2012. 244 с.
29. Ю.А. Жданов о ценностях науки и образования. Ростов н/Д.: ЮФУ, 2011. 154 с.
30. Волков Ю.Г. Ю.А. Жданов и его воспоминания // Жданов Ю.А. Взгляд в прошлое: воспоминания очевидца. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. С. 376–396.
31. Пивоваров Н. Д. Слово о Жданове. К 100-летию со дня рождения Юрия Андреевича Жданова // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 2. С. 233–247.
32. Жданов Ю.А., Домбровский Ю.А., Сурков Ф.А. Азовское море: проблемы и решения. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1987. 140 с.
33. Жданов Ю.А., Колесников Ю.С., Зинченко В.А. Северо-Кавказский экономический район: проблемы ускорения (опыт регион. исслед.) / отв. ред. В. И. Седлецкий. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988. 73 с.
34. Ю.А. Жданов о культуре / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: ГЮР, 2014. 176 с.
35. Астапенко М. П. Ю.А. Жданов и история донского казачества // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 4. С. 39–41.
36. Колесников Ю.С. Ю. А. Жданов и Северо-Кавказский научный центр высшей школы: замысел, стратегии и драмы реализации // Научная мысль Кавказа. 2019. № 3. С. 29–38.
37. Жданов Ю.А. Во мгле противоречий // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 65–92.
38. Жданов Ю.А. Центр северокавказской науки // Избранное : в 3 т. Т. 3. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2009. 400 с.
39. Жданов Ю.А. Интеграция интеллектуального потенциала Юга России // Избранное : в 3 т. Т. 2. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2009. 368 с.
40. Жданов Ю.А. Гуманизм и наука // Избранное : в 3 т. Т. 1. Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ, 2009. 400 с.
41. Жданов Ю.А. Противоречия гражданского общества и глобальный кризис сознания // Современное общество на Юге России: основные тенденции развития : сб. докл. Всерос. науч. конф. «Пути фор-

мирования гражданского общества в полиэтничном южнороссийском регионе / отв. ред. А. В. Белокоп, Ю. Г. Волков. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. гос. ун-та, 2001.

42. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры. Ростов н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1979. 264 с.
43. Крамарова Е. Н. Издательство М. и В. Котляровых: двадцать лет формирования историко-культурного образа Кавказа // Гуманитарий Юга России. 2012. № 3. С. 193–200.
44. Крамаров Н. И. Первый съезд ученых-кавказоведов // Научная мысль Кавказа. 1999. № 4. С. 91–92.
45. Патракова В. Ф. Историческое кавказоведение: от бескомпромиссной полемики к конструктивному диалогу // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2014. № 2. С. 109–113.
46. Акаев В. Х., Дьяченко А. Н. На пути к научной биографии Юрия Андреевича Жданова // Гуманитарий Юга России. 2014. № 3. С. 183–193.
47. Хунагов Р. Д. Ю. А. Жданов и Адыгейский госуниверситет // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 3. С. 15–16.
48. Шеуджен Э. А. «Золотые яблоки Ю. А. Жданова» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 3. С. 17–19.
49. Крамарова Е. Н. Осмысление истоков духовной культуры народов Кавказа (А. М. Гадагаты и Ю. А. Жданов) // В кругу Ю. А. Жданова: учителя, сподвижники, ученики. М.; Ростов н/Д.: Соц.-гуманит. знания, 2013. С. 109–116.
50. Абилов А. А. Универсальный человек XX в. // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 3. С. 19–21.
51. Залиханов М. Ч. Мой наставник // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 3. С. 26–27.
52. Магомедов А. А. Большой друг осетинских ученых // Научная мысль Кавказа. 2007. Спецвып. памяти Ю. А. Жданова. С. 63–67.
53. Борликов Г.М. Почетный профессор калмыцкого университета // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 1999. № 3. С. 14–15.
54. Акаев В. Х. «Лишь разум человечности оплот» // Научная мысль Кавказа. 2004. № 3. С. 24–27.
55. Тхагапсоев Х. Г., Черноус В. В. Реинтеграция постсоветской России: преграды и пути преодоления // Научная мысль Кавказа. 2013. № 4. С. 15.
56. Чехов А.П. Собр. соч. : в 12 т. Т. 9 : Пьесы. 1886–1904. М.: Гослитиздат, 1956. 499 с.

References

1. Alekseeva V. L. The structure of the concept the “genius of the place”. *Izv. vuzov. Seriya: Gumanit. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. Series: Humanities.* 2015;6(2):88-91. (In Russ.).
2. Vayl' P. *Genius of the place.* Moscow: CORPUS Publ.; 2010. 448 p. (In Russ.).
3. Kislitsyn S.A. *Yury Zhdanov. Next to Stalin, Sholokhov, Il'enkov...* Moscow: Librokom Publ.; 2013. 212 p. (In Russ.).
4. Kislitsyn S.A. Yury Andreevich Zhdanov – an outstanding representative of the socio-political and scientific elite of the USSR in the second half of the 20th century. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2007;(6):50-55. (In Russ.).
5. Kislitsyn S.A. *Scientific elite in the system of political power.* 3rd ed. Moscow, 2012. (In Russ.).
6. Kislitsyn S.A., Yu.A. Zhdanov as a historian (towards the 100th anniversary of his birth). *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2017;(1):87-95. (In Russ.).
7. Kislitsyn S.A., Stepanenko N.V. Actual aspects of the political philosophy of Yu. A. Zhdanov (on the 95th anniversary of his birth). *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2014;(3):25-30. (In Russ.).
8. Kislitsyn S.A. Yu.A. Zhdanov: an outstanding organizer of science, a prominent Marxist scientist. *Politicheskoe prosveshchenie = Political Education.* 2016;(6):93-99. (In Russ.).
9. Kislitsyn S.A., Kolesnik G.I. Elite personality of the all-Russian scale. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2019;(2):113-121. (In Russ.).
10. Stepanenko N.A. *Genesis and evolution of socio-political theories and practices of Yu.A. Zhdanov.* Dissertation. Rostov-on-Don, 2014. 158 p. (In Russ.).
11. *Molot = Hammer.* 1957. 17th January. (In Russ.).

12. Simkin Ya.R., Filonenko V.I. Yu.A. Zhdanov. *Paths of knowledge*. Rostov-on-Don: Rostov State University Press; 1985:86-97. (In Russ.).
13. Yu.A. Zhdanov. *Stages of scientific activity: bibliographic index*. On the 75th anniversary of his birth. Rostov-on-Don, 1994. (In Russ.).
14. Indikova V.G., Kramarova E.N. Days of Yury Andreevich Zhdanov at the IRAT of the Southern Federal University. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2012;(4):189-200. (In Russ.).
15. Yu.A. Zhdanov and the Caucasus (on the 85th anniversary of his birth). *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2004;(3):3-31. (In Russ.).
16. Belokon' A.V. Creator: at the origins of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2004;(3):3-11. (In Russ.).
17. Volkov Yu.G. Yu.A. Zhdanov, science, education and culture. Zhdanov Yu.A. *Problems of theory and history of culture*. Rostov-on-Don: Nauka-Press Publ., 2005:3-21. (In Russ.).
18. Minkin V.I. Zhdanov's Method. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. Special issue in memory of Yu.A. Zhdanov. 2007:10-16. (In Russ.).
19. Olekhovich L.P. My happiness is in motion. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. Special issue in memory of Yu.A. Zhdanov. 2007:16-25. (In Russ.).
20. Davidovich V.E. Cultural studies of Yury Zhdanov. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. Special issue in memory of Yu.A. Zhdanov. 2007:46-49. (In Russ.).
21. Patrakova V.F., Chernous V.V. Not all scientists confuse science with bread. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 1999;(1):85-90. (In Russ.).
22. Patrakova V.F., Chernous V.V. Yu.A. Zhdanov and the development of historical science at Rostov State University. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2010;(1):10-17. (In Russ.).
23. Volkov Yu.G., resp. ed. *In the circle of Yu.A. Zhdanov: teachers, associates, students*. Moscow, Rostov-on-Don: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya Publ.; 2013. 389 p. (In Russ.).
24. Smol'yaninova S. Zhdanov and Tradition. *Akademiya = Academy*. 2013;(2). 9th January. (In Russ.).
25. Belov A.V. Yu.A. Zhdanov – a universal scientist, organizer of science and education in the South of Russia. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2018;7(6):234-252. (In Russ.).
26. Belov A.V. *Yury Andreevich Zhdanov: essays on social and scientific biography*. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2015. 327 p. (In Russ.).
27. Yu.A. Zhdanov: contribution to the development of methodological problems of scientific creativity and the development of innovative activities in the South-Russian region. *International Scientific Zhdanov Readings*. Rostov-on-Don: North Caucasus Science Center of Higher School, Southern Federal University Press; 2010. 220 p. (In Russ.).
28. *Scientific heritage of Yu.A. Zhdanov and modern problems of modeling complex sociosystems (based on materials from the South of Russia)*. Rostov-on-Don: North Caucasus Science Center of Higher School, Southern Federal University Press; 2012. 244 p. (In Russ.).
29. Yu.A. Zhdanov on the values of science and education. Rostov-on-Don: Southern Federal University Press; 2011. 154 p. (In Russ.).
30. Volkov Yu.G. Yu.A. Zhdanov and his memories. Zhdanov Yu.A. *A look into the past: eyewitness memories*. Rostov-on-Don: Feniks Publ.; 2004:376-396. (In Russ.).
31. Pivovarov N.D. A Word about Zhdanov. On the 100th Anniversary of the Birth of Yury Andreevich Zhdanov. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2019;8(2):233-247. (In Russ.).
32. Zhdanov Yu.A., Dombrovsky Yu.A., Surkov F.A. *The Sea of Azov: problems and solutions*. Rostov-on-Don: Book Publishing House; 1987. 140 p. (In Russ.).
33. Zhdanov Yu.A., Kolesnikov Yu.S., Zinchenko V.A. *North Caucasian economic region: problems of acceleration (experience of regional research)*. Ed. by V.I. Sedletsky. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University; 1988. 73 p. (In Russ.).
34. Volkov Yu.G., ed. *Yu.A. Zhdanov on culture*. Rostov-on-Don: GYUR Publ.; 2014. 176 p. (In Russ.).
35. Astapenko M.P. Yu. A. Zhdanov and the history of the Don Cossacks. *Gumanitarii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2019;8(4):39-41. (In Russ.).
36. Kolesnikov Yu.S. Yu.A. Zhdanov and the North Caucasus Scientific Center of Higher Education: concept, strategies and dramas of implementation. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2019;(3):29-38. (In Russ.).

37. Zhdanov Yu.A. In the darkness of contradictions. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1993;(7):65-92. (In Russ.).
38. Zhdanov Yu.A. Center of North Caucasus Science. *Selected*: in 3 vols. Rostov-on-Don: North Caucasus Science Center of Higher School Press; 2009. Vol. 3. 400 p. (In Russ.).
39. Zhdanov Yu.A. Integration of the intellectual potential of the South of Russia. *Selected*: in 3 vols. Rostov-on-Don: North Caucasus Science Center of Higher School Press; 2009. Vol. 2. 368 p. (In Russ.).
40. Zhdanov Y.A. Humanism and science. *Selected*: in 3 vols. Rostov-on-Don: North Caucasus Science Center of Higher School Press; 2009. Vol. 1. 400 p. (In Russ.).
41. Zhdanov Yu.A. Civil society contradictions and global crisis of consciousness. *Modern society in the South of Russia: main development trends*. Collection of reports of the All-Russian Scientific Conference "Ways of formation of civil society in the polyethnic South Russian region". A. V. Belokon, Yu. G. Volkov (eds.). Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University; 2001. (In Russ.).
42. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. *The essence of culture*. Rostov-on-Don: Publishing House of Rostov University; 1979. 264 p. (In Russ.).
43. Kramarova E.N. Publishing House of M. and V. Kotlyarov: twenty years of formation of the historical and cultural image of the Caucasus. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2012;(3):193-200. (In Russ.).
44. Kramarov N.I. The First Congress of Caucasian scientists. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 1999;(4):91-92. (In Russ.).
45. Patrakova V.F. Historical Caucasian studies: from uncompromising polemics to constructive dialogue. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2014;(2):109-113. (In Russ.).
46. Akaev V.Kh., D'yachenko A.N. Towards Scientific Biography of Yury Andreevich Zhdanov. *Gumanitarnii Yuga Rossii = Humanitarian of the South of Russia*. 2014;(3):183-193. (In Russ.).
47. Khunagov R.D. Yu.A. Zhdanov and Adygea State University. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1999;(3):15-16. (In Russ.).
48. Sheudzhen E.A. Golden apples of Yu.A. Zhdanov. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1999;(3):17-19. (In Russ.).
49. Kramarova E.N. Understanding the origins of the spiritual culture of the peoples of the Caucasus (A.M. Gadagati' and Yu.A. Zhdanov). *In the circle of Yu.A. Zhdanov: teachers, associates, students*. Moscow, Rostov-on-Don: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya Publ.; 2013:109-116. (In Russ.).
50. Abilov A.A. Universal man of the 20th century. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1999;(3):19-21. (In Russ.).
51. Zalikhanov M.Ch. My mentor. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1999;(3):26-27. (In Russ.).
52. Magometov A.A. A great friend of Ossetian scientists. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. Special issue in memory of Yu.A. Zhdanov. 2007:63-67. (In Russ.).
53. Borlikov G.M. Honorary Professor of Kalmyk University. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 1999;(3):14-15. (In Russ.).
54. Akaev V.Kh. Only reason is the stronghold of humanity. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2004;(3):24-27. (In Russ.).
55. Tkhaqapsoev H.G., Chernous V.V. Reintegration of post-Soviet Russia: barriers and ways to overcome them. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific Thought of the Caucasus*. 2013;(4):15. (In Russ.).
56. Chekhov A.P. *Collected works*: in 12 vols. Vol. 9: *Plays. 1886-1904*. Moscow: Goslitizdat Publ.; 1956. 499 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.А. Кислицын – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

S.A. Kislitsyn – Doctor of Science (History), Professor.

Статья поступила в редакцию 18.08.2024; одобрена после рецензирования 07.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 18.08.2024; approved after reviewing 07.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ PHILOSOPHICAL SCIENCE

Научная статья

УДК 304.2

doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-17-23

ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ

Асламбек Вахидович Акаев

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН, Грозный,
Чеченская Республика, Россия

lamroaslan@mail.ru

Аннотация. Рассматривается духовно-культурное наследие народов Северного Кавказа, исследование которого является важнейшей теоретической и практической задачей в современных условиях социокультурного развития России. При этом следует учитывать воздействие на страну глобальных, цивилизационных процессов, происходящих в мире. Духовно-культурное наследие региона имеет свои особенности в силу различных языковых, этнографических, духовных, ментальных ценностей. И они многогранны, в том числе собственно этнические компоненты, а также влияние духовно-культурных ценностей русской культуры. В этой связи необходим широкий культурологический анализ и выявление соответствующих моделей социокультурных репрезентаций.

Исследователи культурного наследия уделяют значительное внимание анализу духовно-культурных ценностей, требующих новых подходов, понимания, реконструкции, противодействия радикальным проявлениям. Специфичны духовно-культурные ценности ингушей, осетин, кабардинцев, карачаевцев, чеченцев, в мировоззрении которых сочетаются древние языческие, религиозные, современные ценности, образующие духовно-культурный симбиоз разнообразных неоднородных компонентов. Всякие попытки унификации духовно-культурных ценностей народов Северного Кавказа в условиях современной глобализации контрпродуктивны, более того, они могут привести к этнокультурной деградации. Важно добиться сохранения этнокультурного, регионального многообразия в тесной взаимосвязи с ценностями русской культуры, формируя общероссийскую идентичность.

Ключевые слова: Северный Кавказ, культура, русская культура, война, сохранение культурного наследия, либерализация, цивилизация

Для цитирования: Акаев А.В. Духовно-культурное наследие народов Северного Кавказа в условиях современной цивилизации: проблемы сохранения и изучения // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 17–23.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SPIRITUAL AND CULTURAL HERITAGE OF THE PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE CONDITIONS OF MODERN CIVILIZATION: PROBLEMS OF PRESERVATION AND STUDY

Aslambek V. Akaev

Ibragimov Integrated Research Institute, Russian Academy of Sciences, Grozny, Chechen Republic,
Russia

lamroaslan@mail.ru

Abstract. The spiritual and cultural heritage of the peoples of the North Caucasus is considered, the study of which is a major theoretical and practical task in the current conditions of socio-cultural development of Russia. At the same time, it is necessary to take into account the impact of global, civilizational processes occurring in the world on the country. The spiritual and cultural heritage of the region has its own characteristics due to various linguistic, ethnographic, spiritual, mental values. And they are multifaceted, including the very ethnic components, as well as the influence of spiritual and cultural values of Russian culture. In this regard, a broad cultural analysis and identification of appropriate models of socio-cultural representations are necessary.

Researchers of cultural heritage pay considerable attention to the analysis of spiritual and cultural values that require new approaches, understanding, reconstruction, and counteraction to radical manifestations. The spiritual and cultural values of the Ingush, Ossetians, Kabardians, Karachays, and Chechens are specific; their worldview combines ancient pagan, religious, and modern values, forming a spiritual and cultural symbiosis of diverse heterogeneous components. Any attempts to unify the spiritual and cultural values of the peoples of the North Caucasus in the context of modern globalization are counterproductive; moreover, they can lead to ethnocultural degradation. It is important to preserve ethnocultural and regional diversity in close connection with the values of Russian culture, forming an all-Russian identity.

Keywords: North Caucasus, culture, Russian culture, war, preservation of cultural heritage, liberalization, civilization

For citation: Akaev A.V. Spiritual and Cultural Heritage of the Peoples of the North Caucasus in the Conditions of Modern Civilization: Problems of Preservation and Study. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):17-23. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Народы Северного Кавказа являются уникальным антропосоциоэтническим феноменом, образовавшимся на основе географического ландшафта, этнических, исторических, социальных, духовно-культурных, миграционных процессов, сформировавших многообразие народов с их различными культурами. В нем переплелись языковые, этнические, исторические, религиозные, культурные ценности. Формирование такого этнокультурного многообразия происходило на основе общей территории, образа жизни, мифокультурных, мировоззренческих ценностей, социально-политических контактов, языкового многообразия.

Как отмечал Ю.А. Жданов, Кавказ является регионом, где переплелись множество культур, языков, народов, обычаев, традиций. По его мнению, «из глубин веков тянутся в народное сознание Северного Кавказа традиции нартского эпоса, древнеиранской Авесты, восточного Ренессанса, калмыцкого эпоса “Джангар”. Для русской культуры наш край стал откровением и источником вдохновения в творчестве Грибоедова, Пушкина, Глинки, Лермонтова, Толстого, Верещагина» [1, с. 332].

Глубокие культурные традиции и многообразное наследие Кавказа можно рассматривать и как протест против современности, где индивидуализм, безответственная свобода слова, нравов непрерывно навязываются. Это и культурно-метафизический протест против западного мира с его гей-парадами, однополыми браками, новой тенденцией семейных отношений, нередко формируемых посредством инцеста [2, с. 538].

Тема Кавказа в русской литературе, культуре занимает особое место. Так, первооткрывателем Кавказа в русской литературе был А.С. Пушкин, а в творчестве М.Ю. Лермонтова она становится поэтической родиной. Тема Кавказа и России, Востока и Запада – фундаментальная проблема, которая в различных ракурсах получила освещение в трудах отечественных и зарубежных исследователей. А в современных условиях она требует основательного осмысления в контексте столкновения цивилизаций, а также нового прочтения.

Ю.А. Жданов писал, что «Кавказ вскормил вольнолюбивую музу Лермонтова, творчество которого нерасторжимо связано с судьбой, борьбой, традициями и опытом кавказских народов... многолетняя творческая работа Лермонтова над поэмой о Демоне увенчалась успехом лишь тогда, когда он перенес действие в пределы Кавказа. И это не случайно. Лермонтовский замысел создать образ мятежного духа, воплощающего в себе утверждение и отрицание, страстное стремление к счастью и понимание его невозможности, желание отдать и боязнь по-

терять себя, образ, впитывающий и преодолевающий одновременно и Фауста, и Мефистофеля, мог воплотиться лишь в краю вольнолюбивых людей, борцов и мечтателей» [3, с. 45].

Передовое русское искусство создало образы, навеянные культурой Кавказа. М.И. Глинка как основоположник русской музыки вводит лезгинку в оперу «Руслан и Людмила». М.А. Балакирев, опираясь на кабардинские напевы, создает музыкальную фантазию «Исламей», лермонтовская «Бэла» получила несколько музыкальных воплощений, кавказские мелодии звучат в симфонической поэме Римского-Корсакова «Шехерезада», опере Рубенштейна «Демон» [3, с. 46]. Русский художник Василий Верещагин дважды совершил путешествие на Кавказ и в Закавказье. Кавказский период его творчества представлен в основном графикой. Это портреты местных жителей, бытовые сцены и пейзажи, отраженные в следующих картинах: «Религиозная процессия на празднике Мохаррем в Шуше»; «Лезгинка»; «Стрижка овец»; «Представление начальству (Русский офицер и кавказцы)»; «Остатки замка царицы Тамары в ущелье Дарьяла»; «Армянин из Моздока»; «Прапорщик Гассан-Бек Джагранов»; «Лезгин Шаджи Муртуз Ага из Дагестана»; «Старуха-агаларка в национальном головном уборе».

Описание русскими художниками природы, образов, быта народов Кавказа художественными средствами – важнейшей фактор его изучения, а осмысление его способствует успешному пониманию российско-кавказских культурных ценностей.

Современные глобализационные процессы, унифицирующие, стандартизирующие экономические и социальные процессы, развитие современной цивилизации актуализируют проблему сохранения и изучения российских этносов, их языкового, духовно-культурного наследия, а рассмотрение ее – важнейшая исследовательская и практическая задача. Как известно, с распадом СССР в России происходили процессы унификации, навязывания либерально-демократических ценностей, равноправия, выражающиеся в свободе слова, толерантности и т. д. Под равноправием понимается скорее однотипность бытия, заявлялось о равенстве возможностей людей в обществе, что, конечно, утопично. Думается, для многих российских граждан еще не сложились равные возможности. Ведь узкий круг людей сумел приобрести колоссальные материальные средства, когда преобладающая часть населения страны оказалась в очень тяжелом материальном положении. Такая ситуация была создана А. Чубайсом и его сторонниками, которые открыто заявляли, что главная задача для приватизаторов, т. е. для него и таких, как он, – уничтожение коммунизма. А. Чубайс открыто заявлял: «Мы знали, что каждый проданный завод – это гвоздь в крышку гроба коммунизма». Сюда вписывалась и продажа культурных ценностей страны. Ему приписывают циничную фразу, высказанную 1 января 2004 г.: «Что вы волнуетесь за этих людей? Ну, вымрет тридцать миллионов. Они не вписались в рынок».

В связи с этим вспоминаются слова отечественного философа А.А. Зиновьева: целились в коммунизм, а попали в Россию [4]. Отечественные исследователи считают, что впереди самый страшный этап антирусского проекта, касающегося присутствия русских в истории человечества. Суть этого проекта – постепенное искажение и занижение вклада русских в историю, вычеркивание из памяти человечества всех следов их пребывания в истории вообще. По мнению А.А. Зиновьева, делается это педантично и планомерно. Тем самым русский мыслитель выражает экзистенциальную тревогу об истории, культурном наследии и перспективах развития народа, которому он принадлежит.

Сегодня культурное и историческое наследие давно стало предметом купли-продажи. И как здесь не вспомнить библейское «продажа первородства за чечевичную похлебку». Есть опасность, что продолжение такой ситуации может привести страну к развалу. Мы должны отметить и то, что большинство людей с уважением относятся к культурному и историческому наследию, им чужда сама идея продажи и предательства памяти. Однако силы коммерции, разрушения грандиозны.

Многолетнее навязывание обществу ценностей купли-продажи, антикультурных, антинародных ценностей совершенно не улучшило жизнь и благополучие граждан России, они не стали совершеннее, возвышеннее. Наркотики, воровство, грабежи, нарушение прав человека, эгоизм, индивидуализм, психология культа силы, успешности, а точнее, мошенничества – это то, что разрушительно отражается на культуре народов страны, на их этнокультурных параметрах, а также на их традиционных религиозных ценностях.

Современные постмодернистские тенденции, культурная унификация – это смерть для этносов, локальных культур. Вовлеченные в глобальные процессы, они теряют свою значимость, материальную и духовную специфику, культурные традиции, которые веками формировались, не подвергаясь существенным изменениям.

Сохранение, сбережение, приумножение, развитие культурного наследия – важнейшая задача бытия любого этноса. Игнорирование же их приводит к потере памяти. В советской литературе этот процесс отражен в феномене манкуртизации, образно описанном в романе «Буранный полустанок» («И дольше века длится день...») (1980 г.) киргизского писателя Чингиза Айтматова.

За время развала СССР выросли поколения, которые под воздействием либеральных ценностей, новой системы образования забыли свою историю, прекрасные обычаи и традиции, сохраненные народами, культуру, взаимную дружбу.

Прошлое и современность знают преднамеренное и систематическое уничтожение культурного наследия. В истории известно немало таких примеров. Вспомним, как ограбили и сожгли Александрийскую библиотеку, в которой содержалось 700 тыс. книг. Фашисты сжигали книги на улицах Германии. Во время депортации чеченцев и ингушей (1944 г.) в Грозном во двор Дома пионеров свозились арабо-графические тексты, которые обнаруживались у чеченцев, и подвергались аутодафе. В ходе депортации народов Северного Кавказа и калмыков были уничтожены истанги (ковровые изделия), арабо-графические рукописи, а из пушек расстреливались башни, сохранившиеся веками. Это варварство мотивировалось тем, что они могут стать прибежищем для бандитов. К категории последних были отнесены те, кто в ходе депортации остался на недоступных для транспорта хуторах, а некоторые из них после совершения насилия над целым народом вынуждены были взяться за оружие.

В ходе военных действий в Чеченской Республике в 90-х гг. XX в. уничтожены библиотеки, архивы, музеи, научные, культурные центры, созданные многими поколениями. Потребовались колоссальные усилия и затраты для восстановления разрушенного, воссоздания социокультурной сферы Чеченской Республики.

Еще примеры. В феврале 2015 г. боевики ИГИЛ (запрещенная в России террористическая организация) взорвали центральную библиотеку Мосула, уничтожив от 8 до 10 тыс. книг, среди которых – древние труды по философии, истории, культуре. Во дворе библиотеки религиозные фанатики устроили костер из книг и рукописей. Кроме того, боевики кувалдами и дрялями уничтожили ряд экспонатов музея города Мосула. В июне 2017 г. были взорваны мечеть и минарет XII в. ан-Нури в Мосуле. Война разрушает культуру, разлагает нравственность. И эта тенденция сегодня ясно просматривается.

Проблема войны и культуры, безусловно, требует основательного исследования, глубокого анализа. В этом плане в нашей стране до сих пор нет серьезных исследований, хотя такая попытка была представлена в работах В.А. Тишкова [5, 6]. Он пишет о мародерстве: «Мародерство – особая тема, тщательно скрываемая официальной версией или стыдливо оправдываемая. Причем это относится в равной мере к обеим воюющим сторонам» [5, с. 289].

У чеченцев есть поговорка: «ТIамо кIант ца во, кIант воь» («война сына не рождает, а сына убивает»). И эту укорененную в национальном самосознании поговорку часто в своих речах вспоминал президент Чеченской Республики А.-Х. Кадыров. Действительно, законы войны страшны, история дает нам немало примеров, мы их наблюдали и сегодня наблюдаем. «На войне проявляется человеческая низость, безрассудная иррациональность. Война игнорирует и уничтожает вечные ценности, перечеркивает Божественные заповеди. На войне царит полный произвол, человек превращается в безрассудное животное» [7]. В этом высказывании подчеркивается разрушительная роль войны, хотя в социологии и культурологии нередко высказывают и парадоксальную точку зрения: война – источник новых научных открытий, война – это мать литературы, ибо только война вдохновила на первые эпические поэмы и фольклорные песни, отражающие организованную силу. Война – источник всякого лиризма. Что же касается мира, то он «выступает в одежде бедного родственника», не дающего нам славы [8]. Здравый смысл далеко не всегда может согласиться с такого рода суждениями.

Метафизически мыслящие авторы часто расценивают войну и как причину высоких моральных качеств людей. Австрийский социолог В. Краус пишет, что отсутствие войн «ведет к

накоплению у молодежи запаса агрессивности», к утрате моральных ценностей, росту отрицательных явлений, рождению эгоизма, частного интереса, забвению общественного долга [8].

В ходе войны гибнут многие материальные и духовные ценности, созданные отдельными народами. Иных из них они навсегда лишаются. Остается память о них, которая иногда воспроизводится в высказываниях историков, писателей, политических деятелей, но чаще всего напрочь забывается.

Культурное наследие народов – это национальный культурный опыт, способ их существования. Оно сохраняется у многих поколений, в ходе его изучения извлекаются новые смыслы, идеи, ценности, сохраняющиеся в культуре. И на их основе люди, народы строят свою жизнь, часто и достойную, формируют новые ценности. Культурное наследие – это достояние всех людей, которое необходимо сохранить, осмыслить, умело применять на практике. Интеллигенции, ученым, общественным деятелям важно мобилизовывать свои усилия для сохранения и приумножения культурного наследия своих народов. Эта задача актуальна для всех народов страны, особенно для тех, где трепетно относятся к своим этническим культурам. А такая ситуация выражено бытует у народов Северного Кавказа.

Современный очевидец столкновения цивилизаций, межгосударственных конфликтов, войн видит неразборчивое использование современного оружия, уничтожение грандиозных мостов, заводов, создаваемые угрозы взрыва АЭС, разрушаемые дома, когда тысячи и тысячи людей остаются без жилья, гибнут дети, старики.

В условиях современных антропогенных кризисов, военных столкновений, являющихся фантазмагорией, на ум приходят слова незабвенного стихотворения «Валерик» М.Ю. Лермонтова:

*А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек
Сверкал glavой остроконечной.
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?*

Эти поэтические строки рождены 184 года тому назад, после жестокого сражения чеченцев и солдат на реке Валерик. В контексте современных событий они глубоко экзистенциальны, метафизичны, пробуждают глубинные сущностно-нравственные качества человека. Хотя и прошло столько лет, но до сих пор нет ответа на лермонтовский вопрос – зачем беспрестанно и напрасно во всей природе враждует человек.

Культурное наследие народов России, в том числе народов Северного Кавказа, многообразно, грандиозно, духовно, а сбережение его, целенаправленное исследование – важнейшая задача культурной политики страны в целом и ее регионов в частности. Но возможно ли это в современных условиях бесчеловечной капитализации государства? Капиталисты строят высотки, небоскребы в центре Москвы, во многих других российских городах. Эти сооружения теснят, а порою и уничтожают исторические памятники, созданные прошлыми поколениями. Все чаще россияне обращаются к культурному наследию своих народов, локальным этнокультурным ценностям. Между тем это означает реакцию на негативные явления современной глобальной цивилизации, унифицирующей и стандартифицирующей социальные и культурные процессы. «В современном мире складывается парадоксальная ситуация, когда диалогу религий, культур, цивилизаций предпочитают социально-политические конфликты, насилие, войны, экстремизм, терроризм и т. д.» [9, с. 17].

Глобализация порождает новую культуру межчеловеческих отношений, она способствует распространению так называемой гендерной культуры. Так, в США широко обсуждается вопрос, может ли мужчина родить ребенка, а Д. Трамп выступает перед многочисленными сту-

дентами: «Вы не можете учить Библию, но вы можете учить детей тому, что Америка – это зло и что мужчины могут забеременеть. Мы верим в два гендера. Есть мужчины и есть женщины» [10]. В 2021 г. в США впервые выдали паспорт с отметкой о третьем гендере. Первым гражданином США, получившим паспорт с отметкой о гендере X, стал Дана Ззиим, «интерсексуал с небинарной гендерной принадлежностью», который ранее служил в американских ВМС.

В Колумбийском университете США широко изучаются гендерные процессы, которые приобретают опасный в социальном, культурном и духовном отношении характер. Так, изучается трансгендерный переход – процесс приведения гендерной роли и тела человека в соответствие с его внутренним самоощущением – гендерной идентичностью. Трансгендерный переход допускает как социализацию новой гендерной роли, смену паспортного имени и юридического пола, так и медицинские процедуры по изменению внешних физиологических признаков.

В Европе трансгендерная культура нацелена на уничтожение традиционной семьи. Компания Mattel продает «гендерно-нейтральных» кукол Барби, которых ребёнок, имеющий эту игрушку, может по желанию трансформировать в мальчика или девочку. Есть основания полагать, что такой культурой дети мигрантов вполне могут быть ассимилированы. Подобные процессы для России, отстаивающей свои исторические традиции, культурные ценности своих народов, неприемлемы, порождают у людей протестные антиглобализационные настроения, усиливают духовно-нравственный поиск.

Глобальные процессы, происходящие в мире, различного рода их проявления, в том числе и негативные, вызывают выраженный интерес к локальной культуре, локальной идентичности. Активизируется необходимость сохранения традиций, что порождает протесты традиционных культур против гендерных новаций. Это и вызов, предполагающий усиление суверенитета человека, этноса, культуры, а также стремление реализовать в новых условиях исторически сложившийся консерватизм, характерный для многих народов России. Между тем это политические и культурные позиции людей, призванные противодействовать «новациям» глобализма, ограничивая его, сохраняя при этом культурное наследие прошлого, устанавливая баланс между ним и современными культурными, политическими, технологическими новациями.

Список источников

1. *Жданов Ю.А.* Избранное: в 3 т. Ростов н/Д.: Изд-во СНКЦ ВШ ЮФУ, 2009. Т. 3. 412 с.
2. *Акаев В.Х.* Русско-кавказское культурное взаимодействие: статика, динамика, синтез // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия. М.: Краснодар, 2015. С. 535–550.
3. *Жданов Ю.А.* Кавказ и передовая русская культура // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа (XVI – 70-е годы XX в.): материалы Всерос. науч. конф., 2–3 октября 1979 г. Грозный: Чечено-Ингушское книжное изд-во, 1982. С. 38–47.
4. Завтра. 1993. № 2.
5. *Тишков В.А.* Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М.: Наука, 2001. 533 с.
6. *Тишков В.А.* Война и культура // Культура Чечни: история и современные проблемы. М.: Наука, 2002. С. 6–14.
7. *Акаев В.Х.* Война – агрессивная суть человечества. URL: <https://proza.ru/2011/10/06/440> (дата обращения: 11.05.2024).
8. *Вотановская А.Н.* Война и культура: параметры взаимодействия. URL: https://studylib.ru/doc/2321757/vojna-i-kul._tura--parametry-vzaimodejstviya-votanovskaya-an (дата обращения: 11.05.2024).
9. *Акаев В.Х.* Экзистенциальные проблемы в современной культуре и пути их преодоления // Кавказ: история и современность: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 сентября 2013 г. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2014. Т. 2. С. 15–18.
10. Трамп выступил против третьего пола. URL: <https://upl.uz/world/26538-news.html> (дата обращения: 11.05.2024).

References

1. Zhdanov Yu.A. *Selections*: in 3 vols. Rostov-on-Don: North Caucasus Center of Higher Education of the Southern Federal University Press; 2009. Vol. 3. 412 p. (In Russ.).
2. Akaev V.Kh. Russian-Caucasian cultural interaction: statics, dynamics, synthesis. *Cultural heritage of the North Caucasus as a resource of interethnic harmony*. Moscow: Krasnodar Publ.; 2015:535-550. (In Russ.).
3. Zhdanov Yu.A. The Caucasus and advanced Russian culture. *The Great October Revolution and advanced Russia in the historical destinies of the peoples of the North Caucasus (16th century - 70s of 20th century)*. Materials of the All-Russian Scientific Conference, October 2-3, 1979. Grozny, Chechen-Ingush Book Publishing House; 1982:38-47. (In Russ.).
4. *Zavtra = Tomorrow*. 1993;(2). (In Russ.).
5. Tishkov V.A. *Society in armed conflict (ethnography of the Chechen war)*. Moscow: Nauka Publ.; 2001. 533 p. (In Russ.).
6. Tishkov V.A. War and culture. *Culture of Chechnya: history and modern problems*. Moscow: Nauka Publ.; 2002:6-14. (In Russ.).
7. Akaev V.Kh. *War is the aggressive essence of humanity*. Available from: <https://proza.ru/2011/10/06/440> [Accessed 11th May 2024]. (In Russ.).
8. Votnovskaya A.N. *War and culture: parameters of interaction*. Available from: https://studylib.ru/doc/2321757/vojna-i-kul._tura--parametry-vzaimodejstviya-votnovskaya-an [Accessed 11th May 2024]. (In Russ.).
9. Akaev V.Kh. Existential problems in modern culture and ways to overcome them. *Caucasus: history and modernity*. Materials of the III International Scientific and Practical Conference. September 26-27, 2013. Pyatigorsk: Caucasian Mineral Waters Advertising and Information Agency; 2014. Vol. 2:15-18. (In Russ.).
10. *Trump spoke out against the third gender*. Available from: <https://upl.uz/world/26538-news.html> [Accessed 11th May 2024]. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Акаев – младший научный сотрудник лаборатории филологии и культурологии.

Information about the author

A.V. Akaev – Junior Researcher of the Laboratory of Philology and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 05.06.2024; одобрена после рецензирования 25.08.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 05.06.2024; approved after reviewing 25.08.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-24-30

АНАЛИЗ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Александр Андреевич Золотухин

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия
alexander.zolotukhin97@gmail.com

Аннотация. Представлен анализ профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел с позиции философско-антропологического ракурса. Отмечается, что в структуре профессиональной культуры могут быть определены два элемента – профессиональная компетентность и личностные качества. Характеризуется каждый из указанных элементов. Отмечается, что именно философско-антропологический ракурс позволяет полно проанализировать сущность личностного элемента в структуре определенного вида профессиональной культуры. С позиции философско-антропологического ракурса выделено три принципа, на которых она основывается, – единство нормативности и инициативности; единство динамичности и статичности; потребность в систематическом информационном обмене. Эти принципы имеют диалектическую природу и являются определяющими, отличающими профессиональную культуру сотрудников органов внутренних дел от иных её видов. Личностный компонент оказывается первостепенным, влияющим на принятие решения в конкретной ситуации. Намечаются пути дальнейшего исследования профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональная культура, сотрудники органов внутренних дел, сотрудники полиции, философская антропология, структура профессиональной культуры

Для цитирования: Золотухин А.А. Анализ профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел: философско-антропологический ракурс // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 24–30.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ANALYSIS OF PROFESSIONAL CULTURE OF THE EMPLOYEES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

Alexander A. Zolotukhin

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia
alexander.zolotukhin97@gmail.com

Abstract. The article provides an analysis of the professional culture of employees of internal affairs agencies from a philosophical and anthropological perspective. The work notes that two elements can be defined in the structure of professional culture - professional competence and personal qualities. A general description of each of these elements is given. It is noted that it is the philosophical and anthropological perspective that allows us to fully analyze the essence of the personal element in the structure of a certain type of professional culture. From the philosophical and anthropological perspective, three principles on which it is based have been identified: the unity of normativity and initiative; the unity of dynamism and statics; the need for systematic information exchange. These principles are of a dialectical nature and are defining, distinguishing the professional culture of employees of internal affairs agencies from other types.

The personal component turns out to be of primary importance, influencing decision-making in a specific situation. Paths for further research into the professional culture of employees of internal affairs agencies are outlined.

Keywords: professional culture, employees of the internal affairs bodies, police officers, philosophical anthropology, structure of professional culture

For citation: Zolotukhin A.A. Analysis of Professional Culture of the Employees of the Internal Affairs Bodies: Philosophical and Anthropological Perspective. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):24-30. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Профессиональная культура является относительно новым научным феноменом, вошедшим в философское исследовательское поле сравнительно недавно. Это объясняется несколькими причинами. Прежде всего, долгое время профессиональная культура рассматривалась как элемент трудовой дисциплины, достаточно чётко фиксируемый в нормативных актах (преимущественно локальных). Более того, достаточно часто понятия «трудовая дисциплина» и «профессиональная культура» отождествляются, что, очевидно, не вносит ясности и конкретики в их определения. К тому же рассмотрение профессиональной культуры как элемента трудовой дисциплины вводит в это понятие практикоориентированную коннотацию, представляет профессиональную культуру как нечто заранее строго определённое, то, чем следует непременно руководствоваться при исполнении обязанностей. Оно долгое время затрудняло переход к известному абстрагированию, характерному для философского знания.

Другая причина явно недостаточной изученности этого феномена в российском философском знании связана с тем, что долгое время вопросы, имеющие отношение к культуре в отечественной гуманитарной традиции, изучались преимущественно в рамках наук об искусстве, а в сферу философии входили опосредованно. Собственно последнее и стало одной из причин того, что культурология как самостоятельная отрасль научного знания оформляется в нашей стране только в 1980-е гг. под наименованием «культуроведение».

Сегодня феномен профессиональной культуры прочно занял место в ряду исследовательских полей российской гуманитаристики. Оставаясь родственным прежде всего этической проблематике среди современных отраслей философского знания, он становится объектом изучения и иных направлений философии, например философии культуры и философской антропологии. В первом случае речь может идти о включении этого феномена в какую-либо культурно-философскую модель, а во втором – о роли профессиональной культуры в жизни и деятельности человека, общества и о соответствующем всестороннем её осмыслении.

Проанализируем с позиции философской антропологии профессиональную культуру сотрудников органов внутренних дел, имея в виду сотрудников полиции.

Следование требованиям профессиональной культуры в их среде имеет принципиальное значение для обеспечения безопасности государства, поскольку именно конкретный сотрудник полиции обеспечивает поддержание правопорядка в стране. Очевидно, что к работникам органов внутренних дел предъявляются повышенные требования, поскольку они являются непосредственными представителями власти на той или иной территории. Гражданин может не знать народного избранника (депутата) от своего территориального образования, например, в силу того, что не интересуется политикой, но своего участкового он знать должен. Это первый представитель власти, работающий с населением. И сам полицейский, особенно участковый, должен постоянно держать руку на пульсе, следить за любыми изменениями, свершающимися на вверенной ему территории.

Высокое звание сотрудника полиции обеспечивается при строгом и неукоснительном соблюдении требований профессиональной культуры. Современные исследователи предлагают различные в содержательном отношении определения сущности профессиональной культуры [1–4]. Однако все эти определения объединяет выделение двух ключевых составляющих – профессиональных компетенций и личных качеств работника. Первая фактически представляет собой те знания и умения, которыми владеет работник. Эта составляющая по своей природе

имеет достигаемый характер и означает, что будущий сотрудник органов внутренних дел приобретает соответствующие компетенции в процессе профессионального обучения, профессиональной переподготовки, а также при прохождении курсов повышения квалификации. Процесс обучения в профильном вузе или на юридическом факультете иного вуза предполагает овладение универсальными, общепрофессиональными и профессиональными компетенциями. Последние вуз устанавливает самостоятельно, с учётом профиля (направленности) обучения.

Профессиональная переподготовка представляет собой вид дополнительного образования, получаемого на основе уже имеющегося уровня (среднее специальное или бакалавриат). Это обучение нацеливает сотрудника на выполнение нового вида профессиональной деятельности или на приобретение новой квалификации. Наконец, курсы повышения квалификации предполагают получение знания о последних инновациях (организационных, юридических и иных) в профессиональной сфере. Овладение соответствующими компетенциями осуществляется целенаправленно, специально подготовленными для этого людьми. Иными словами, если сотрудник полиции не владеет какой-то компетенцией или не владеет ею на достаточном уровне, то практически всегда этот пробел может быть успешно восполнен.

Однако решение этой проблемы представляется трудноосуществимым, если речь идёт о второй составляющей в структуре профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел – личных качествах. Если, как отмечено выше, профессиональная компетентность – достигаемый уровень профессиональной культуры, то личные качества – врождённый. Это означает, что профессиональные умения и навыки при должном трудолюбии и усердии сотрудник всегда способен потенциально получить/усвоить. С другой стороны, личные качества закладываются при рождении, их чрезвычайно сложно изменить в дальнейшем (хотя, признаем, что такие попытки предпринимаются). От степени развитости личной ответственности, от неукоснительности следования нормам и правилам, а также от исполнительности сотрудников органов внутренних дел в конечном счёте зависит эффективность их работы.

Сотрудник может в совершенстве владеть профессиональными умениями и навыками, досконально знать законодательные акты. Однако реализации этих умений и знаний могут мешать его личные качества, что может проявиться в неисполнении профессиональных обязанностей или же в их исполнении с нарушениями соответствующих требований. Именно поэтому не только при приёме на работу, но и при поступлении в профессиональный вуз чрезвычайно важно проведение предварительного тестирования на личностное и психологическое соответствие службе.

Личностный компонент в профессиональной культуре наиболее ярко проявляется при принятии профессиональных решений. С позиции философской антропологии его реализация возможна при действии принципов профессиональной культуры, которые базируются на диалектических основаниях и выстраиваются на основе вскрываемых противоречий, наличествующих в профессиональной культуре сотрудника полиции. Каждый сотрудник органов внутренних дел в процессе своей деятельности, следуя требованиям профессиональной культуры, принимает профессиональное решение в этом диалектическом противостоянии, в первую очередь в соответствии с личной составляющей профессиональной культуры.

Проведя аналитику специализированных исследований [5–8], отметим, что первым принципом выступает единство нормативности и инициативности. Следуя ему и учитывая степень ответственности, деятельность сотрудника полиции достаточно строго регламентируется соответствующими нормативно-правовыми актами. Эти законодательные документы предполагают описание большинства типичных ситуаций, с которыми может столкнуться сотрудник в процессе исполнения своих профессиональных обязанностей. Однако очевидно, что наиболее вероятные случаи уже известны в правоохранительной практике.

Реальная профессиональная деятельность сотрудника полиции изобилует множеством частных, подчас уникальных эпизодов, которые не способны всецело вписаться в положения соответствующего нормативно-правового акта. Тут на смену нормативности приходит инициативность, вступая с ней в известное противоречие. Иными словами, действует внутреннее побуждение человека разрешить проблему, опираясь на свои личные качества. С одной стороны, нужно следовать требованиям закона, с другой – не всегда реальные ситуации, с которыми

приходится сталкиваться, фиксируются в правовых актах. Несомненно, в этом случае сотрудник полиции обязан опираться на имеющуюся юридическую практику, однако окончательное решение зависит от его личных качеств. Это предполагает и неукоснительное следование требованию закона, и обязательный учёт всех обстоятельств конкретной ситуации. Причём и первое, и второе реализуются в единстве.

Следующий принцип, применяемый в процессе действия профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел, – динамичность и статичность. Он имеет непосредственное отношение к содержательному компоненту профессиональной культуры. В своей текущей профессиональной деятельности сотрудник полиции обязан руководствоваться требованиями, строго фиксируемыми в различных документах. Тем самым обеспечивается стабильность/статичность в его деятельности. Данные документы достаточно чётко фиксируют вариативность действий сотрудника, определяют принципы и порядок поведения в большинстве возможных профессиональных ситуаций. Благодаря такой достаточно жёсткой регламентации достигается постоянство/стабильность и системность в работе.

Реализация идеи статичности оказывается принципиально важной, поскольку она задаёт основу поведения в сознании конкретного работника. Это тот своеобразный мировоззренческий фундамент, на который полицейский опирается при решении профессиональных задач.

Безусловно, как и всякое мировоззренческое основание, этот фундамент изменяется во времени благодаря второй составляющей анализируемого принципа – динамичности – по той причине, что социокультурная действительность по своей природе динамична. Изменения в окружающей действительности выступают атрибутивной характеристикой этой среды.

Следовательно, динамичностью (в значении «изменяемость») должна обладать и профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел. Динамичность позволяет ей адаптироваться к свершающимся внешним изменениям, соответствовать трансформировавшимся реалиям. Это сначала затрагивает формальную сторону профессиональной деятельности, что проявляется, например, в совершенствовании законодательных актов, приведении их в соответствие с требованиями изменившихся условий жизни. Типичным примером выступает появление в последнее время в законодательных актах разделов/статей или самостоятельных документов, юридически регламентирующих отношения в сфере информационных технологий. Ещё три десятка лет назад в этом, очевидно, не было необходимости, поскольку не существовало понятия «информационные технологии» в том смысле, который в него вкладывается сегодня. Динамичность социокультурного бытия заставила внести соответствующие изменения в законодательство, позволяющие регламентировать профессиональную деятельность сотрудника органов внутренних дел. В этой связи заметим, что сегодня вопросом, который ждёт юридической регламентации, выступают отношения в сфере технологии блокчейн. Определённая работа в этом направлении ведётся, однако вопрос пока далёк от своего разрешения.

Итак, в дальнейшем формальная сторона профессиональной деятельности (внешние изменения) включается в систему профессиональной культуры, изменяя нормы и принципы поведения конкретного сотрудника (внутренние изменения).

Принцип динамичности и статичности профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел призван, с одной стороны, сохранять стабильность этого вида культуры, а с другой – обеспечивать его адаптивность к изменяющимся условиям, в которых этот феномен существует.

Третий выявленный нами принцип профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел – потребность в систематическом информационном обмене. В данном случае речь идёт о профессиональном общении. Выше мы уже отмечали, что сотрудник полиции, прежде всего участковый, должен держать руку на пульсе, знать обо всех изменениях, происходящих на вверенном участке работы. Именно поэтому необходим систематический информационный обмен, позволяющий получать такую информацию.

Этот принцип так же, как и два предыдущих, выстраивается на диалектическом противоречии. С одной стороны, есть информационная база, составленная на основе имеющегося опыта работы, с другой – эта база систематически обновляется, в неё поступают новые сведения: уже имеющиеся обновляются, а какие-то за ненадобностью удаляются. Принцип потребности в си-

стематическом информационном обмене обеспечивает эффективность функционирования профессиональной культуры сотрудника органов внутренних дел как феномена социокультурной действительности.

Таким образом, философско-антропологический ракурс анализа профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел позволяет показать не просто значение, но и принципиальность/важность личностного компонента в её структуре, вскрыть принципы, на которых этот вид профессиональной культуры зиждется. Перспективы настоящего исследования видятся в изучении влияния современного социокультурного перехода, в котором находится Российская Федерация и о котором много говорят исследователи [9–14], на трансформацию профессиональной культуры сотрудников органов внутренних дел.

Список источников

1. Ганиева А.Р., Гайсина Г.И. Клиентоцентрированная технология как средство формирования профессиональной культуры будущих специалистов по социальной работе // Актуальные проблемы современного образования и практики социальной работы : материалы VI Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Бирск: Уфимский ун-т науки и технологий, 2024. С. 15–19.
2. Кожанова И.В. Человекоцентричность как новый подход к формированию организационной культуры органов государственной власти // Психология инновационного управления персоналом в контексте традиционных общественных ценностей : сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Нац. исслед. Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2024. С. 437–440.
3. Мусийчук С.В. Методологические основания формирования профессиональной культуры будущих специалистов технологии продукции и организации общественного питания в экообразовательной среде вуза. Краснодар: Новация, 2024. 197 с.
4. Степенко Э.А. Педагогические условия формирования в военном вузе профессиональной культуры будущих военных дирижеров/музыкантов // Повышение качества профессиональной подготовки трудовых ресурсов: полипарадигмальный подход : материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар: Перспектива, 2024. С. 163–167.
5. Дудкина Е.И. Личностно-ориентированная подготовка курсантов и слушателей в образовательных учреждениях МВД России. Воронеж: Изд-во ВИ МВД России, 2002. 76 с.
6. Корсун А.А. Особенности коммуникативного взаимодействия сотрудника полиции с обществом // Юридическая лингвистика в образовательных организациях системы МВД: проблемы и перспективы развития : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Омск: Омская академия МВД РФ, 2024. С. 121–123.
7. Морозова Н.М. Профессиональная культура сотрудников органов внутренних дел // Полиция и общество: проблемы и перспективы взаимодействия. 2019. № 1 (3). С. 153–156.
8. Чибисов В.А. Профессиональная культура сотрудника органов внутренних дел (полиции) // Академическая мысль. 2020. № 2 (11). С. 143–145.
9. Когай Е.А. Регионы России в современном социальном государстве // Вызовы современного мира в рамках социально-гуманитарного знания : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. Ижевск: Ижевский гос. техн. ун-т им. М.Т. Калашникова, 2023. С. 210–212.
10. Ромах О.В. Культурологическое образование в процессах глобализации // Фундаментальные исследования. 2007. № 7. С. 69–72.
11. Тарасов А.Н. Влияние дигитализации на ракурс современной философско-антропологической проблематики // Гуманитарные Губкинские чтения – Человек в координатах современной цивилизации и культуры : сб. материалов VIII Междунар. науч. конф. М.: Рос. гос. ун-т нефти и газа (нац. исслед. ун-т) им. И.М. Губкина, 2024. С. 245–248.
12. Тарасов А.Н. Специфика этической медиариторики в виртуальной реальности видеоигровых миров // Риски и уязвимости современной социокультурной трансформации : материалы V Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 186–191.

13. Тарасов А.Н., Черникова Д.А., Еремеева А.О., Егупова Т.М., Коробова Е.Н. Семейные ценности в системе современной российской культуры: культурфилософский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 1-1. С. 102–108.

14. Фролова Н.А. Земский учитель – феномен русской культуры // Традиции и инновации в пространстве современной культуры : материалы VI Всерос. науч.-практ. конф. Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 121–123.

References

1. Ganieva A.R., Gaisina G.I. Client-centered technology as a means of developing the professional culture of future social work specialists. *Current problems of modern education and practice of social work*. Materials of the 6th All-Russian (National) Scientific and Practical Conference. Birk: Ufa University of Science and Technology Press; 2024:15-19. (In Russ.).

2. Kozhanova I.V. Person-centricity as a new approach to the formation of organizational culture of public authorities. *Psychology of innovative personnel management in the context of traditional public values*. Collection of articles of the 3rd International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod: Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University Press; 2024:437-440. (In Russ.).

3. Musiichuk S.V. *Methodological grounds for the formation of the professional culture of future specialists in product technology and catering in the environmental educational environment of the university*. Krasnodar: Novatsiya Publ.; 2024. 197 p. (In Russ.).

4. Stepenko E.A. Pedagogical conditions for the formation of the professional culture of future military conductors/musicians in a military university. *Improving the quality of professional training of labor resources: a multi-paradigm approach*. Materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Krasnodar: Perspektiva Publ.; 2024:163-167. (In Russ.).

5. Dudkina E.I. *Personality-oriented training of cadets and students in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. Voronezh: Publishing House of the Voronezh Institute, Ministry of Internal Affairs of Russia; 2002. 76 p. (In Russ.).

6. Korsun A.A. Features of communicative interaction between a police officer and society. *Legal linguistics in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs: problems and development prospects*. Materials of the International Scientific and Practical Conference. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Press; 2024:121-123. (In Russ.).

7. Morozova N.M. Professional culture of employees of internal affairs bodies. *Politsiya i obshchestvo: problema i perspektivy vzaimodeistviya = Police and Society: Problems and Prospects of Interaction*. 2019;(1):153-156. (In Russ.).

8. Chibisov V.A. Professional culture of an employee of internal affairs bodies (police). *Akademicheskaya mysl' = Academic Thought*. 2020;(2):143-145. (In Russ.).

9. Kogai E.A. Regions of Russia in a modern social state. *Challenges of the modern world within the framework of social and humanitarian knowledge*. Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Izhevsk: Kalashnikov Izhevsk State Technical University Press; 2023:210-212. (In Russ.).

10. Romakh O.V. Cultural education in the processes of globalization. *Fundamental'nye issledovaniya = Fundamental Research*. 2007;(7):69-72. (In Russ.).

11. Tarasov A.N. The influence of digitalization on the perspective of modern philosophical and anthropological issues. *Gubkin Humanitarian Readings - Man in the coordinates of modern civilization and culture*. Collection of materials of the 8th International Scientific Conference. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University) Press; 2024:245-248. (In Russ.).

12. Tarasov A.N. Specifics of ethical media rhetoric in the virtual reality of video game worlds. *Risks and vulnerabilities of modern sociocultural transformation*. Materials of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Lipetsk: Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University Press; 2024:186-191. (In Russ.).

13. Tarasov A.N., Chernikova D.A., Eremeeva A.O., Egupova T.M., Korobova E.N. Family values in the system of modern Russian culture: cultural and philosophical analysis. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*. 2024;13(1-1):102-108. (In Russ.).

14. Frolova N.A. Zemsky teacher - a phenomenon of Russian culture. *Traditions and innovations in the space of modern culture*. Materials of the 6th All-Russian Scientific and Practical Conference. Lipetsk: Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University Press; 2024:121-123. (In Russ.).

Информация об авторе

А.А. Золотухин – аспирант кафедры философии, политологии и теологии.

Information about the author

A.A. Zolotukhin – Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Political Science and Theology.

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья
УДК 1+130.2
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-31-36

ШАХМАТЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА АРАБСКОГО ХАЛИФАТА

Георгий Шаликович Пилавов

Луганский государственный аграрный университет им. К.Е. Ворошилова, Луганск, Россия
Pilav29@mail.ru

Аннотация. Исследуется феномен культуры шахмат в эпоху Арабского халифата. Показано, что золотой век шатранджа (арабского варианта шахмат) совпадал по времени с бурным развитием арабской культуры и науки, отображая таким образом социокультурные реалии того времени. Выявлено, что трактат «Этика шахмат» арабского мыслителя Рагиба Исхафани демонстрирует философские идеи применительно к шахматной игре. Отмечена популярность шатранджа, проявившаяся в интересе со стороны лидеров государства, а также в проведении первых в истории соревнований по шахматам, акцентировано внимание на причине его широкого распространения. Продемонстрировано сходство правил шахмат и религиозных воззрений мутазилитов, проявляющееся в концепции свободы выбора. Объяснены причины, препятствующие дальнейшему развитию шатранджа в Арабском халифате. Данный факт был обусловлен религиозной ментальностью арабо-исламского типа культуры и медлительным характером развития социальных институтов Востока. Отмечено, что дальнейшая филиация идей из арабского мира в Европу привела к развитию шахмат не только как игры, но и как модели, отображающей культурные и социальные процессы, происходящие в обществе.

Ключевые слова: Арабский халифат, культура, философия, шахматы, шатрандж, Рагиб Исхафани, ислам, мутазилиты

Для цитирования: Пилавов Г.Ш. Шахматы как отражение культурного пространства Арабского халифата // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 31–36.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

CHESS AS A REFLECTION OF THE CULTURAL SPACE OF THE ARAB CALIPHATE

Georgy Sh. Pilavov

Voroshilov Lugansk State Agrarian University, Lugansk, Russia
Pilav29@mail.ru

Abstract. The article examines the phenomenon of chess culture in the era of the Arab caliphate. It is shown that the golden age of shatranj (the Arabic version of chess) coincided with the rapid development of Arabic culture and science, thus reflecting the socio-cultural realities of that time. It is revealed that the treatise “The ethics of Chess” by the Arab thinker Raghīb Ishafani demonstrates philosophical ideas in relation to the game of chess. The popularity of shatranj, which was demonstrated by the interest of state leaders and the holding of the first chess competitions in history, is noted, and attention is focused on the reason for its widespread use. The similarity of the rules of chess and the religious beliefs of the mutazilites, manifested in the concept of freedom of choice, is demonstrated. The reasons preventing the further development of the shatranj in the Arab caliphate are explained. It is shown that this fact was due to the religious mentality of the Arab-Islamic type of culture and the slow nature of the development of the social institutions of the East. It is noted that the further filiation of ideas from the Arab world to Europe led to the development of chess not only as a game, but also as a model reflecting the cultural and social processes taking place in society.

Keywords: Arab caliphate, culture, philosophy, chess, shatranj, Raghīb Ishafani, Islam, mutazilites

For citation: Pilavov G.Sh. Chess as a Reflection of the Cultural Space of the Arab Caliphate. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(3):31-36. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Шахматы, объединяющие в себе элементы искусства, науки и спорта, с полным основанием могут считаться феноменом культуры. Более того, «шахматы на протяжении всей истории человечества повторяют, а зачастую и предвосхищают процессы, происходящие в социокультурной и общественно-политической сфере, в научной и философской мысли» [1, с. 13]. Данное явление можно охарактеризовать термином «социосимметрия». Изучая динамику изменения концепций шахматной игры в процессе развития нашей цивилизации, представляется обоснованным рассмотреть, как эволюционировали шахматы в социокультурном пространстве Арабского халифата.

После завоевания арабами государства Сасанидов шахматы получили широкое распространение в Арабском халифате. Это было время бурного расцвета культуры и науки – математики, астрономии, философии. При арабах шатрандж, как тогда назывались шахматы, окончательно трансформировался в своеобразную абстрактную модель социума, в динамике развития которого можно найти несомненные аналогии с культурными, общественно-политическими и социально-философскими процессами, происходящими в арабском мире того времени.

Шахматы (под названием чатуранга) возникли в Индии VI в. Оттуда вместе с другими достижениями индийской культуры и науки они проникли в Персию. После завоевания Персии арабами в VIII в. шахматы (персидское название чатранг) попадают в культурное пространство Арабского халифата. Как уже отмечалось, «прежде чем уйти в небытие, сасанидский Иран передал чатранг арабскому миру» [2, с. 323].

После образования Арабского халифата в нём начался так называемый золотой век шатранджа, продолжавшийся на протяжении примерно двухсот лет – от знакомства с шахматами в покоренной Персии в середине VIII в. примерно до середины X в., когда проблемная социально-политическая, духовная и культурная ситуация дала начало череде цивилизационных кризисов, продолжающихся до самого падения халифата. Примечательно, что эти сроки совпадают с общепринятой периодизацией золотой эры арабской культуры и науки, подтверждая тем самым тезис о социосимметрии динамики развития шахмат с общественно-политическими и социокультурными процессами.

Как отмечал крупный советский и российский арабист О.Г. Большаков, «до второй половины XI в. наука на арабском языке шла в авангарде мировой культуры» [3, с. 5]. Бурное развитие арабской науки применительно к шахматам заключается прежде всего в появлении специализированной литературы. Существенным вкладом в развитие шахмат было изобретение способа записи сыгранных партий, так называемой описательной нотации. С её помощью можно было записывать и воспроизводить сыгранные партии, подвергать анализу проблемные позиции и создавать основу для накопления теоретической составляющей шахмат. Это, несомненно, было значительным шагом вперед по трансформации шатранджа из шахматной игры в шахматную науку. Шатрандж оставил после себя немало памятников литературы, которая, как отмечал Ф.С. Бондаренко, «...появилась в VIII – IX веке» [4, с. 7]. Наличие литературы, насыщенной специализированной терминологией, является одним из признаков научности, и этот прогресс был достигнут в результате детерминирующего воздействия на шатрандж передовой арабской науки той эпохи.

Следует отметить, что в посвященных шатранджу манускриптах той эпохи внимание акцентуализировалось не только на шахматной составляющей. Уже в то время шахматы можно было трактовать как полидисциплинарный феномен, содержащий в себе фрагментальные компоненты разнообразных наук. Так, М. Багери отмечает, что в арабской шахматной литературе встречаются несколько математических головоломок, основанных на перемещении шахматных фигур по доске. Одна из них – очень популярная, называемая «задача о ходе коня», известная как задача Эйлера [5, с. 143]. Следует отметить, что Л. Эйлер сформулировал данную проблему более чем семь столетий спустя.

В манускриптах той эпохи можно обнаружить подходы, интерпретирующие шатрандж в качестве части философско-культурной парадигмы. Как отмечают современные исследователи шахмат, «предпринимались также попытки осмыслить игру философски, определить её место в человеческой культуре» [6, с. 484]. В данном направлении прежде всего обращает на себя внимание трактат «Этика шахмат», написанный арабским философом и учёным Рагибом Исфакхани в начале XII в. В отличие от трудов, наполненных шахматным контентом, в его работе нет ни одной мансубы или диаграммы.

Арабский мыслитель рассматривает шахматы в контексте их природы, значимости и связи с жизнью человека. Рагиб Исфакхани в своем трактате даёт советы не конкретно-шахматного, а общего характера, т.е. он не учит, как нужно играть, а учит, как нужно мыслить, чтобы хорошо играть: «Сидя за доской, нужно соблюдать пять правил: лови удобный случай, ибо он скоропреходящ; выноси решение у головы дела, а не у хвоста его; берегись обнаружить слабость, ибо слабость – самое ненадежное верховое животное; берегись вмешиваться в то, в исходе чего для тебя есть опасность; придержишься и того, чему учил Сократ: основательным размышлением доходят до правильного мнения» [цит. по: 7, с. 43].

Как видим, советы арабского мыслителя касались не шахматных, а универсальных категорий бытия, при этом автор обращался к авторитету древнегреческих мыслителей. Как отмечал известный историк шахмат Ю.Л. Авербах, Рагиб Исфакхани тем самым утверждал, что «...шахматы не только модель войны, но и модель жизни» [7, с. 43]. Это был, безусловно, не только новый подход к осмыслению роли шахмат в социуме, но и признание социосимметричности шахмат с различными гранями жизни человека и развития общества.

Как отмечает З.Е. Халилова, «воззрения Рагиба очень близки к философии европейского писателя Ж.-Ж. Руссо» [8, с. 86]. Этот факт заслуживает внимания по той причине, что французский философ был большим любителем шахмат и неоднократно упоминал о них в своих произведениях. Не исключено, что некоторые идеи арабского и французского мыслителей имеют общие, шахматные корни.

Уже к IX в. шатрандж прочно занял значимое место в культурном и социальном пространстве Арабского халифата. Его популярность во всех сферах общества доказывает прежде всего возникновение первой в истории шахмат квалификационной системы, с разделением игроков на различные классы согласно их силе игры. Безусловно, такая типизация могла возникнуть лишь в обществе, где шахматная игра имела массовое распространение.

Один из важнейших факторов, способствовавших популяризации шатранджа, был связан с религиозными установками. Как известно, в соответствии с нормами ислама запрещены изображения живых существ. По этой причине внешний вид шахматных фигур был упрощен и схематизирован. Как отмечала П. Абдинова, «эти фигуры изготавливались из глины и стоили недорого, а это привело к широкому распространению шатранджа среди простого народа» [9, с. 13].

В 819 г. при дворе халифа аль-Мамуна в Хорасане прошёл первый в истории шахмат турнир трёх сильнейших алиев (шахматистов) того времени: Джабира аль-Куфи, Абу л' Джафара ан-Сари и Зайраба Катая. Необходимо отметить, что халиф не только интересовался шатранджем в контексте игры, но и рассматривал шахматы как аналогию общественно-политическому миропорядку. Как писал в XVIII в. выдающийся английский историк Э. Гиббон, «халиф ал-Мамун мог с гордостью утверждать, что ему легче управлять Востоком и Западом, чем хорошо управлять шашками на шахматной доске в два квадратных фута; но я подозреваю, что в этих обеих играх он делал много пагубных ошибок» [10, с. 168]. Из вышеприведенной цитаты можно сделать вывод, что социосимметрию шахматной игры и общественно-политической картины мира наблюдали еще в IX в. в Арабском халифате.

В контексте положительного отношения аль-Мамуна к шахматам представляется обоснованным предложить новую интерпретацию религиозной политики халифата во время его правления. Аль-Мамун поддерживал деятельность мутазилитов – представителей первого крупного религиозно-философского течения в исламе. Как отмечал современный американский исследователь Ф. Старр, мутазилиты «...заявляли, что созданное Богом было доступно для человеческого разума, что Бог наделил мужчин и женщин свободой выбора, что зло происходит скорее от неудачного выбора, чем от природы вещей» [11, с. 160]. В вышеперечисленных религиозных

концепциях мы можем видеть зеркальное отображение концепции шахмат, в которых есть свобода выбора хода, в зависимости от правильности либо неправильности сделанного выбора происходит добро либо зло (поражение или победа), и в которых открыты возможности познания для человеческой мысли. Таким образом, социосимметрия шахмат актуализировалась не только в общественно-политических, но и в философско-религиозных реалиях той эпохи.

Не обошли вниманием арабские мыслители и сходство шахматной и военной стратегий. Так, живший в X – XI вв. философ и историк Ибн Мисхавейх отмечал, что искусство полководца, как и искусство шахматного игрока, определяется его способностью предвидеть характер дальнейшего развития событий и сообразовать с этим свои действия [12, с. 21]. В частности, критически высказываясь об одном из решений персидского военачальника Бахтияра, Ибн Мисхавейх писал: «Если бы он умел играть в шахматы, то никогда не допустил бы столь нелепой ошибки» [цит. по: 12, с. 21]. В целом можно констатировать, что в Арабском халифате шахматы были интегрированы практически во все сферы общества.

Обращение к историческим источникам показывает, что шатрандж в эпоху халифата продолжил распространяться по всему цивилизованному миру. Так, уже в 803 г., пытаясь пересмотреть отношения Византии с Арабским халифатом, установленные во время правления императрицы Ирины, император Никифор I в письме знаменитому халифу Гарун аль-Рашиду писал: «Королева считала вас за ладью, а себя за пешку» [цит. по: 10, с. 154]. Использование в межгосударственной дипломатической переписке шахматной терминологии говорит о том, что шахматы к тому времени прочно вошли в повседневную жизнь Византийской империи.

Несмотря на ряд усовершенствований, внесенных персидскими и арабскими мыслителями в правила шахмат, шатрандж имел ряд недостатков. Историки шахмат отмечают «несовершенство шатранджа и его медлительный характер» [13, с. 291]. Ограничение подвижности слона и ферзя, отсутствие двойного хода пешкой и правила рокировки приводили к отсутствию динамики, к медлительности и затянутости шахматных партий. Арабским мыслителям не удалось эксплицитно раскрыть потенциал шахматной мысли. Советский шахматист и литератор Н.А. Новотельнов задавался вопросом: «...непонятно, почему мастера Ирана, Арабского и Среднего Востока, во многом смело и решительно изменившие игру, отказались от дальнейших радикальных решений. Уж не опасались ли, что слишком крупные преобразования лишат игру мудрой простоты и всеобщей доступности?» [14, с. 32]. Представляется обоснованным предположение, что медлительность шатранджа была конгруэнтна неторопливому характеру развития социальных институтов Востока в целом и консерватизму общества в Арабском халифате в частности. Необходимо учитывать и религиозную ментальность арабо-исламского типа культуры. Как отмечает современный исследователь Е.В. Кухарева, «неспешность, даже медлительность арабов объясняется тем, что поспешность от шайтана, а медлительность от Всевышнего» [15, с. 87]. Всё вышеперечисленное не позволило арабским шахматным мыслителям завершить трансформацию шатранджа как в рамках совершенствования правил самой игры, так и в контексте создания более совершенной модели социума.

Упадок, а в дальнейшем (XIII в.) и падение Арабского халифата привели к стагнации культуры и науки Востока. Однако еще в IX в., во время расцвета династии Аббасидов, через завоеванную арабами Испанию вместе с другими достижениями античной и арабской науки шатрандж достиг средневековой Европы. Как писал британский учёный и социолог Дж. Бернал, «...в этот мир ограниченной и жадной интеллектуальной деятельности была привнесена арабская ученость» [16, с. 177]. В Европе шатрандж впоследствии был актуализирован в виде современной шахматной игры, ставшей социосимметричным отражением культурной, общественно-политической и социально-философской проблематики.

Список источников

1. Пилавов Г.Ш. Шахматы как отражение социально-философских концепций эпохи Просвещения // Гуманит. вестн. Донского гос. аграр. ун-та. 2023. № 1. С. 12–19.
2. Пилавов Г.Ш. Социокультурная значимость шахмат в империи Сасанидов // Науч. вестн. Луганского гос. аграр. ун-та. 2023. № 3–4 (20–21). С. 320–324.
3. Очерки истории арабской культуры (V – XV вв.) / отв. ред. О.Г. Большаков. М.: Наука, 1982. 440 с.

4. Бондаренко Ф.С. Становление шахматного этюда. Киев: Здоровье, 1980. 176 с.
5. Багери М. Комбинаторные задачи на шахматной доске в Иране в X в. // Вопросы истории естествознания и техники. 2015. Т. 36, № 1. С. 143–147.
6. Шахматы : энциклопедический словарь / гл. ред. А.Е. Карпов. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 621 с.
7. Авербах Ю.Л. В поисках истины: от чатуранги до наших дней. Павловский Посад: Акварель, 2017. 240 с.
8. Халилова З.Е. Некоторые размышления о взаимодействии образования и религии в восточной философии // Богословское наследие мусульман России : сб. науч. докл. IV Междунар. форума, 16–21 мая 2022 г. Болгар, 2022. Т. 1. С. 84–93.
9. Абдинова П. Шатрандж – предшественник шахмат // IRS Heritage. 2015. № 3 (75). С. 12–16.
10. Гиббон Э. История упадка и разрушения великой Римской империи: закат и падение Римской империи : в 7 т. М.: ТЕРРА – книжный клуб, 2008. Т. 6. 592 с.
11. Старр Ф. Утраченное просвещение: золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Талейрана. М.: Альпина Паблишер, 2017. 574 с.
12. Александрович Г.С., Столяр Е.С. Многоликая Каисса. М.: ФиС, 1989. 240 с.
13. Майзелис И.Л. Шахматы. М.: Детгиз, 1960. 391 с.
14. Новотельнов Н.А. Знакомьтесь: шахматы. М.: ФиС, 1981. 256 с.
15. Кухарева Е.В. Арабский мир: как его видят россияне // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. XII межвузовский семинар по лингвострановедению : сб. ст. : в 2 ч. М.: МГИМО-Университет, 2015. Ч. 2. С. 82–95.
16. Бернал Дж. Наука в истории общества. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1956. 735 с.

References

1. Pilavov G.Sh. Chess as a reflection of socio-philosophical concepts of the Enlightenment. *Gumanitarnyi vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Humanitarian Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2023;(1):12-19. (In Russ.).
2. Pilavov G.Sh. The socio-cultural significance of chess in the Sassanid Empire. *Nauchnyi vestnik Luganskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Scientific Bulletin of the Lugansk State Agrarian University*. 2023;(3-4):320-324. (In Russ.).
3. Bol'shakov O.G., ed. *Essays on the history of Arab culture (5th-15th centuries)*. Moscow: Nauka Publ.; 1982. 440 p. (In Russ.).
4. Bondarenko F.S. *The formation of a chess study*. Kiev: Zdorov'e Publ.; 1980. 176 p. (In Russ.).
5. Bageri M. Combinatorial problems on a chessboard in Iran in the 10th century. *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki = Questions of the History of Natural Science and Technology*. 2015;36(1):143-147. (In Russ.).
6. Karпов A.E., ed. *Chess: an encyclopedic dictionary*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.; 1990. 621 p. (In Russ.).
7. Averbakh Yu.L. *In search of truth: from chaturanga to the present day*. Pavlovsky Posad: Akvarel' Publ.; 2017. 240 p. (In Russ.).
8. Khalilova Z.E. Some reflections on the interaction of education and religion in Eastern philosophy. *Theological heritage of Muslims of Russia*. Collection of scientific reports of the 4th International Forum, 16th-21st May 2022. Bolgar, 2022;1:84-93. (In Russ.).
9. Abdinova P. Shatranj – the predecessor of chess. *IRS Heritage*. 2015;(3):12-16. (In Russ.).
10. Gibbon E. *The history of the decline and destruction of the great Roman Empire: the decline and fall of the Roman Empire*: in 7 vols. Moscow: TERRA Book Club Press; 2008. Vol. 6. 592 p. (In Russ.).
11. Starr F. *The Lost Enlightenment: The Golden Age of Central Asia from the Arab Conquest to the Time of Talleyrand*. Moscow: Alpina Publisher; 2017. 574 p. (In Russ.).
12. Alexandrovich G.S., Stolyar E.S. The many faces of Kaissa. Moscow: FiS Publ.; 1989. 240 p. (In Russ.).
13. Maizelis I.L. *Chess*. Moscow: Detgiz Publ.; 1960. 391 p. (In Russ.).
14. Novotel'nov N.A. *Meet: chess*. Moscow: FiS Publ.; 1981. 256 p. (In Russ.).
15. Kukhareva E.V. The Arab world: how Russians see it. *Linguistic and regional studies: methods of analysis, learning technology*. 12th Interuniversity Seminar on Linguistic and Regional Studies. Collection of articles in 2 parts. Moscow: MGIMO University Press; 2015;2:82-95. (In Russ.).

16. Bernal J. *Science in the history of society*. Moscow: Publishing House of Foreign Literature; 1956. 735 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Ш. Пилавов – кандидат философских наук, доцент кафедры философии.

Information about the author

G.Sh. Pilavov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 27.08.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 27.08.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья
УДК 130.2
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-37-42

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В РАБОТЕ М. ХОРКХАЙМЕРА И Т. АДОРНО «ДИАЛЕКТИКА ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Илья Николаевич Плеханов

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,
Липецк, Россия
plehanov353@gmail.com

Аннотация. Анализируется работа теоретиков Франкфуртской школы М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты» в философско-антропологическом ракурсе. Указанные мыслители получили известность прежде всего как представители социологического знания. Проведённое исследование показало, что в их наследии поднимается и философско-антропологическая проблематика. В работе «Диалектика Просвещения» авторы предлагают оригинальную концепцию истории европейской культуры, поданную с позиции эволюции бытия и сознания индивида. Они убеждены, что вся история европейской культуры предстаёт как разграничение человека и природы, выведение естественно-природного из сознания индивида. Современная культура М. Хоркхаймером и Т. Адорно рассматривается как апогей этого социокультурного кризиса, после которого, по их утверждению, наступает «небытие». На основании представленной оценки теоретиков Франкфуртской школы делается вывод об обоснованности понимания современного кризиса европейской культуры (кризис XX в.) как социокультурной трансформации, знаменующей выход на новый этап динамики стран этого региона.

Ключевые слова: «Диалектика Просвещения», М. Хоркхаймер, Т. Адорно, философская антропология, социокультурная трансформация

Для цитирования: Плеханов И.Н. Философско-антропологическая проблематика в работе М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 37–42.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PROBLEMS IN THE WORK OF M. HORKHEIMER AND T. ADORNO “DIALECTICS OF ENLIGHTENMENT”

Илья Н. Plekhanov

Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia
plehanov353@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the analysis of the work of the Frankfurt school theorists M. Horkheimer and T. Adorno “Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments” from a philosophical and anthropological perspective. These thinkers became famous primarily as representatives of sociological knowledge. The study showed that their heritage also raises philosophical and anthropological issues. The work shows that in “Dialectics of Enlightenment” the authors offer an original concept of the history of European culture, presented from the perspective of the evolution of being and consciousness of the individual. Thinkers are convinced that the entire history of European culture appears as a distinction between man and nature, the removal of the natural from the consciousness of the individual. Modern culture is considered by M. Horkheimer and T. Adorno as the

apogee of this sociocultural crisis, after which, according to them, “non-existence” comes. Based on the present assessment of theorists of the Frankfurt School, a conclusion is made about the validity of understanding the current crisis of European culture (crisis of the 20th century) as a sociocultural transformation, marking the entrance to a new stage in the dynamics of the countries of this region.

Keywords: “Dialectics of Enlightenment”, M. Horkheimer, T. Adorno, philosophical anthropology, sociocultural transformation

For citation: Plekhanov I.N. Philosophical and Anthropological Problems in the Work of M. Horkheimer and T. Adorno “Dialectics of Enlightenment”. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):37-42. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Глобальная системная трансформация, охватившая современный мир, чрезвычайно актуализировала изучение проблем, связанных как с процессами динамики культуры, так и с положением человека в условиях качественных изменений. Отмеченные процессы трансформации отражаются буквально во всех сферах жизни современного общества [1–6]. Например, в экономике это проявляется в смене мирового экономического лидера – уже сегодня Соединённые Штаты Америки теряют первенство в этом вопросе. В системе международных отношений вполне корректно говорить об идущих процессах геополитической трансформации, суть которых заключается в постепенном переходе от однополярного к многополярному миру. Глобальная системная трансформация своеобразно проявляется и в сфере культуры, фактически отражаясь во всех её формах – науке, религии, искусстве и философии.

В таких условиях потенциал философского знания, характеризующегося прогностической функцией, оказывается чрезвычайно востребован. Этим мы склонны объяснять стремительное развитие философии культуры и философской антропологии, наблюдаемое сегодня, на что обращают внимание многие исследователи [7–10]. В частности, оно проявляется в значительно возросшем количестве научных мероприятий, публикаций и защит диссертационных исследований в рамках данных направлений философского знания в последние десятилетия.

Тем интересней оказывается изучение наследия тех мыслителей, которые обращались к анализу динамики социокультурного развития в XX в., выявлению тех причин, каковые в конечном счёте и привели к современной глобальной трансформации. В ряду этих работ несомненный интерес представляет «Диалектика Просвещения. Философские фрагменты», авторами которой являются немецкие мыслители Макс Хоркхаймер и Теодор Адорно. Они разрабатывали свою тему в период Второй мировой войны, а официальное издание состоялось в 1947 г. Их исследование стоит изучать хотя бы по той причине, что подготовлено оно было ведущими представителями Франкфуртской школы и в определённой степени явилось теоретико-методологическим основанием, заложившим вектор для всех последующих работ в рамках данного научного образования.

Структурно труд состоит из набора фрагментов, разноплановых по своей предметной ориентированности. Заметим, что Т. Адорно и М. Хоркхаймер известны в научном мире прежде всего как представители социологического знания, а потому анализ «Диалектики Просвещения» в философско-антропологическом ракурсе будет интересен для философии.

Общий посыл книги преисполнен негативного отношения к евроатлантической социокультурной действительности XX в. Более того, в современной российской гуманитаристике исследователи достаточно часто склонны проводить параллели с «Закатом Европы» О. Шпенглера [11, 12]. Соглашаясь с подобной оценкой, уточним, что работа Шпенглера была подготовлена под влиянием событий Первой мировой войны, в то время как идейным детерминантом «Диалектики Просвещения» стала Вторая мировая война. Несомненно, события такого глобального масштаба всегда знаменуют новый этап мирового развития. Проводимые параллели между этими работами позволяют выявить и имеющиеся различия. Для темы настоящего исследования принципиальным оказывается тот факт, что в «Диалектике Просвещения» её авторы подробно анализируют не только культуру (чему преимущественно посвящён «Закат Европы»),

но и человека, его индивидуальность. Более того, можно утверждать, что М. Хоркхаймер и Т. Адорно исследуют динамику европейской культуры через эволюцию бытия человека.

Характеризуя современное европейское социокультурное развитие, авторы приходят к выводу о невозможности существования индивида в этих условиях [13]. Поясним, что индивидуальность в анализируемой работе понимается как хранилище всех тех достижений и форм культурно-цивилизационного развития, каковые накапливались веками. Не просто раскрытию и развитию потенциала индивидуальности, но её существованию сегодня мешают те условия, в которых человек вынужден находиться. Подробному анализу представителей Франкфуртской школы в этой связи подвергаются глобальные войны, тотальное господство государства над человеком, а также целенаправленное воздействие на массовое сознание, в том числе осуществляемое посредством массовой культуры.

Многие исследователи «Диалектики Просвещения» совершенно корректно отмечают отсутствие в работе позитивных явлений, которые характеризовали бы динамику современного европейского социокультурного развития [14, 15]. Если попытаться объяснить именно такую «негативистскую» позицию М. Хоркхаймера и Т. Адорно, то, полагаем, истоки её следует искать в тех идейных установках, в которых формировались их воззрения. В период их интеллектуального становления такой установкой была концепция «смерти Бога» Ф. Ницше.

Фактическое отсутствие надежды на выход из социокультурного кризиса заставило идеологов Франкфуртской школы заявить о регрессе в европейском социокультурном развитии – европейцы деградируют, двигаясь к стадии варварства. Примером такого регресса является фашизм, заставивший весь мир содрогнуться [13, с. 215]. Именно фашизм выступил ознаменованием поражения культуры и индивидуальности. При этом анализ «Диалектики Просвещения» заставляет нас сделать вывод о том, что хронологически фиксируемый социокультурный кризис зарождается с начала XX в. Обратим внимание, что такая хронологическая рамка, а также существо процессов, описываемых М. Хоркхаймером и Т. Адорно, вполне корректно позволяют характеризовать свершающиеся изменения не просто как кризис, но и как социокультурную трансформацию. Последнюю следует понимать как завершение одного большого этапа в динамике культуры европейских государств и переход к следующему, в частности, как завершение «проекта модерна». Более того, факт победы над гитлеровской Германией для авторов «Диалектики Просвещения» не является основанием видеть надежду на выход из начавшейся глобальной трансформации. Они убеждены, что и после окончания Второй мировой войны человек не сможет выйти из этих системных изменений. Причина в том, что фашизм ушёл, но на смену ему активно внедряется поздний капитализм.

Несомненная особенность работы М. Хоркхаймера и Т. Адорно заключается в том, что через призму этого «негативистского» вывода они проводят ретроспективный анализ динамики европейской культуры. Именно эта часть исследуемой работы представляет для нас интерес, поскольку авторы убеждены, что динамика европейской культуры может быть понята исключительно через анализ эволюции бытия человека и индивидуальности в западноевропейской традиции.

Проводя ретроспективный анализ, теоретики Франкфуртской школы приходят к выводу, что причина кризиса европейской индивидуальности и культуры кроется в подавлении и низложении природы в человеке. Более того, как представители неомарксизма, они утверждают, что начало индивидуализации породило так называемый принцип буржуазности, детерминировавший, в свою очередь, появление капитализма.

Из всех эпох, выделяемых в динамике социокультурного развития, соответствующим природе выступает только период матриархата. В это время личностное начало в сознании индивида полностью отсутствовало, а отношение к окружающей действительности носило подражательный характер – «миметический», человек стремился подражать природе. Благодаря акту мимезиса он сохранял единство с природным началом, находился в гармонии, а потому и кризисов в это время, по мысли М. Хоркхаймера и Т. Адорно, не существовало. Начало отделения человека от этого природного единства знаменовало собой запуск «проекта просвещения» [13, с. 64]. Этот выход из природного, «миметического» состояния проявился в стремлении человека овладеть природой, для чего требовалось поставить под контроль *ratio* чувства, эмоции и

мысли индивида. В результате сознание человека, его представление о самом себе выделило «природное» и «неприродное» начала. При этом чем активнее и масштабнее он овладевает природой, тем дальше от неё отдаляется, что и способствует постепенному обострению кризиса. Расхождение/отчуждение человека от природы, как считали мыслители, породило не просто фиксируемый в XX в. кризис, но и культивируемый в сознании индивидов страх, переходящий в ужас.

Этот страх/ужас был известен ещё с эпохи матриархата, но он преодолевался посредством миметического отношения к природе. Более поздний человек такую способность утратил, средством защиты от этого страха/ужаса для него выступили различные формы культуры, специально придумываемые для борьбы со страхом. Авторы «Диалектики Просвещения» делают трагический вывод: движение по пути создания новых форм культуры для борьбы со страхом перед природой – это не решение проблемы, но лишь её откладывание. Такими формами культуры фактически выступают все известные в исторической ретроспективе.

М. Хоркхаймер и Т. Адорно достаточно подробно анализируют развитие соответствующих форм культуры. Первой среди таковых выступает миф. Будучи синергетической формой культуры, миф объясняет (иррационально) закономерности и причинно-следственные связи, фиксируемые в окружающей действительности. Реализуя функцию овладения природой, миф выступает и формой искусства – литературного творчества, утверждая идею власти человека над природой. Миф может быть интерпретирован и как первая форма религиозного знания, позволяющая объяснить таинственное.

Немецкие мыслители останавливаются на древнегреческой мифологии, интерпретируя её как специфическую форму просвещения [13, с. 69–76]. Итак, уже предантичное и раннее античное время явили собой реализацию просвещенческого проекта в истории европейской культуры, что понимается как процесс отделения природного от человека, по мысли М. Хоркхаймера и Т. Адорно. В этом отношении апогеем борьбы человека и природы может быть рассмотрена олимпийская мифология. Именно последняя культивирует победу человека над своими природными основаниями. Преодоление их, с одной стороны, знаменовало начало низложения природного в сознании человека, а с другой – закладывало основы культа, на который индивид ориентировался в дальнейшем.

Следующим этапом реализации просвещенческого проекта стал выход к рациональной форме объяснения действительности – философии и, как следствие, становление научного знания на новых (рациональных) основаниях. Появление научного знания, а затем и техники ещё более усилило позиции индивида в его стремлении не зависеть от природного начала. Фактически это знаменовало качественно иной этап культа независимости. Теперь человек отгораживался от природы искусственно созданной средой, расширяя границы пропасти, создавая иллюзию преодоления страха, переходящего в ужас [13, с. 117].

Характеризуя в этой парадигме современность, М. Хоркхаймер и Т. Адорно утверждают, что человек живёт в условиях «завершения бытия» – между бытием и небытием. Они очень подробно анализируют действительность позднего капитализма, ретранслируя своё негодование на современную культуру [13, с. 178–192]. Последовательная, подчас жёсткая критика современного социокультурного европейского развития становится магистральной темой во всей «Диалектике Просвещения». На этапе современности человек достиг конечной стадии расхождения с природным. Далее только аннигиляция.

Вместе с тем в поиске выхода из этой ситуации М. Хоркхаймер и Т. Адорно предлагают обратиться к потенциалу искусства. Оно, по их мысли, должно стать средством противопоставления культуре [13, с. 197]. В этом, по нашему мнению, проявляется определённая противоречивость концепции теоретиков Франкфуртской школы, поскольку, строго говоря, искусство есть одна из форм культуры. Однако данный посыл немецких авторов был воспринят и на теоретическом уровне – их последователями и в реальной жизни. Фактически этот тезис способствовал появлению и философскому обоснованию неоавангарда, а в дальнейшем – постмодернизма.

Итак, работа М. Хоркхаймера и Т. Адорно «Диалектика Просвещения» являет собой пример исследования, в котором проведён глубокий анализ истоков современного европейского социокультурного кризиса. Его характеристики, которые даются авторами, позволяют рассматривать

его как социокультурную трансформацию. Несмотря на то что традиционно авторы предстают как социологи, тем не менее у них мы встречаем и глубокие теоретические выводы и обобщения, связанные с философско-антропологической проблематикой. Они предлагают оригинальную философско-антропологическую концепцию. Фактически, как показал проведённый анализ, в «Диалектике Просвещения» мы встречаемся с раскрытием проблем динамики европейской культуры через эволюцию бытия человека, что позволяет утверждать: культурфилософская концепция М. Хоркхаймера и Т. Адорно раскрывается через философско-антропологический ракурс анализа.

Список источников

1. Когай Е.А. Счастье и социальное благополучие в региональном измерении // Актуальные вопросы устойчивого развития современного общества и экономики : сб. науч. ст. III Всерос. науч.-практ. конф. : в 2 т. 25 апреля 2024 г. Курск: Университетская книга, 2024. С. 206–209.
2. Ромах О.В. Колонка редактора // Аналитика культурологии. 2016. № 1 (34). С. 4.
3. Тарасов А.Н., Гоас Ю.В., Емельянова А.А. К вопросу о влиянии культуры на менталитет: социально-философский аспект // Современные исследования социальных проблем. 2024. Т. 16, № 1–2. С. 62–66.
4. Тарасов А.Н. К вопросу о кризисе культурологии в России // Труды кафедры философии, политологии и теологии. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. Вып. 19. С. 64–67.
5. Тарасов А.Н., Черникова Д.А., Еремеева А.О., Егунова Т.М., Коробова Е.Н. Семейные ценности в системе современной российской культуры: культурфилософский анализ // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2024. Т. 13, № 1-1. С. 102–108.
6. Фролова Н.А. Политическая коммуникация в XXI веке: переплетение традиций и инноваций // Риски и уязвимости современной социокультурной трансформации : материалы V Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 196–199.
7. Богомолов Н.А. Философия культуры: от истоков до посткантианства // Религия, философия, культура, язык в России и за рубежом : сб. тез. выступлений по материалам II Междунар. науч.-практ. конф. Нижний Новгород: Нижегородская духовная семинария Нижегородской епархии Русской православной церкви, 2024. С. 14–18.
8. Кусова Д.Е. Философские аспекты воспитания // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 52–55.
9. Перевозчиков М.А. Философия корпоративной культуры // Современные проблемы науки : сб. науч. тр. аспирантов по итогам ежегодной науч.-практ. конф. М.: Науч.-исслед. ин-т организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, 2024. С. 53–57.
10. Сидоренко И.Н. Феномен города в проблемном поле философии культуры и философии насилия // Современная урбанистика: социальное благополучие и цифровая трансформация города : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Минск: Министерство образования Республики Беларусь, Белорусский гос. ун-т, 2024. С. 372–377.
11. Тетенков Н.Б. «Тайна» псевдонимов Кьеркегора // Вестн. Северного (Арктического) федерального ун-та. Серия: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 106–112.
12. Tsaregradskaya T.V. The Music of Fausto Romitelli: Concerning the Question of «Musical Material» // Music Scholarship. 2024. № 1. P. 81–90.
13. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М. Кузнецова. М.; СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.
14. Кондакова А.С. «Прошрое» и его критика в истории философии XX века // Studia Culturae. 2019. № 41. С. 39–46.
15. Михайлов И.А. Новая публичность: современные дискуссии в Германии // Философская мысль. 2023. № 12. С. 42–52.

References

1. Kogai E.A. Happiness and social well-being in the regional dimension. *Current issues of sustainable development of modern society and economy*. Collection of scientific articles of the 3rd All-Russian Scientific and Practical Conference: in 2 vols. 25th April 2024. Kursk: Universitetskaya kniga Publ., 2024:206-209. (In Russ.).

2. Romakh O.V. Editor's column. *Analitika kul'turologii = Cultural Studies Analytics*. 2016;(1):4. (In Russ.).
3. Tarasov A.N., Goas Yu.V., Emel'yanova A.A. On the question of the influence of culture on mentality: social and philosophical aspect. *Sovremennye issledovaniya sotsial'nykh problem = Modern Studies of Social Problems*. 2024;16(1-2):62-66. (In Russ.).
4. Tarasov A.N. On the issue of the crisis of cultural studies in Russia. *Proceedings of the Department of Philosophy, Political Science and Theology*. Lipetsk: Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University Press; 2024;(19):64-67. (In Russ.).
5. Tarasov A.N., Chernikova D.A., Eremeeva A.O., Egupova T.M., Korobova E.N. Family values in the system of modern Russian culture: cultural and philosophical analysis. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke = Context and Reflection: Philosophy about the World and Man*. 2024;13(1-1):102-108. (In Russ.).
6. Frolova N.A. Political communication in the 21st century: the interweaving of traditions and innovations. *Risks and vulnerabilities of modern sociocultural transformation*. Materials of the 5th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Lipetsk: Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University Press; 2024:196-199. (In Russ.).
7. Bogomolov N.A. Philosophy of culture: from origins to post-Kantianism. *Religion, philosophy, culture, language in Russia and abroad*. Collection of abstracts of speeches based on the materials of the 2nd International Scientific and Practical Conference. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Theological Seminary of the Nizhny Novgorod Diocese of the Russian Orthodox Church Press; 2024:14-18. (In Russ.).
8. Kusova D.E. Philosophical aspects of education. *Current problems of philosophical anthropology and philosophy of culture*. Materials of the 2nd All-Russian Scientific and Practical Conference. Lipetsk: Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University Press; 2024:52-55. (In Russ.).
9. Perevozchikov M.A. Philosophy of corporate culture. *Modern problems of science*. Collection of scientific works of graduate students based on the results of the annual scientific and practical conference. Moscow: Scientific Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health Press; 2024:53-57. (In Russ.).
10. Sidorenko I.N. The phenomenon of the city in the problem field of the philosophy of culture and the philosophy of violence. *Modern urbanism: social well-being and digital transformation of the city*. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference. Minsk: Ministry of Education of the Republic of Belarus, Belarusian State University Press; 2024:372-377. (In Russ.).
11. Tetenkov N.B. The "Secret" of K'erkegaard's pseudonyms. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta = Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2022;22(4):106-112. (In Russ.).
12. Tsaregradskaya T.V. The Music of Fausto Romitelli: Concerning the Question of "Musical Material". *Music Scholarship*. 2024;(1):81-90.
13. Horkheimer M., Adorno T.V. *Dialectics of Enlightenment. Philosophical fragments*. Trans. from German by M. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg: Medium Publ., Yuventa Publ.; 1997. 312 p. (In Russ.).
14. Kondakova A.S. "The past" and its criticism in the history of philosophy of the 20th century. *Studia Culturae*. 2019;(41):39-46. (In Russ.).
15. Mikhailov I.A. New publicity: modern discussions in Germany. *Filosofskaya mysl' = Philosophical Thought*. 2023;(12):42-52. (In Russ.).

Информация об авторе

И.Н. Плеханов – аспирант кафедры философии, политологии и теологии.

Information about the author

I.N. Plekhanov – Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Political Science and Theology.

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ HISTORICAL SCIENCE

Научная статья
УДК 93/94 (929.6+929.7)
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-43-52

ГЕРБ НА ГРАФСКОЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ДОСТОИНСТВО И ЕГО ВЕРСИИ ГЕНЕРАЛА ОТ КАВАЛЕРИИ, АТАМАНА ДОНСКОГО ВОЙСКА ГРАФА М.И. ПЛАТОВА

Анатолий Иванович Агафонов

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия
anatoly-agafonov@yandex.ru

Аннотация. Герб графа М.И. Платова и его версии впервые рассматриваются в научной литературе, исследуется их происхождение, композиция, символика, роль и значение в закреплении в исторической памяти народов России и Европы образа генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска. Высочайше утвержденный герб М.И. Платова, малоизвестный современникам, распространялся в самостоятельных, приписанных версиях, которые играли важную роль в визуализации, укреплении авторитета «вихрь-атамана».

Доказывается, что эти версии являются неутвержденными, тесно связаны с процессами формирования исторической памяти и общественного сознания в России.

Версии графского герба М.И. Платова сохраняли геральдическую преемственность, но дополнялись новыми фигурами, которые раскрывали страницы его боевой и гражданской службы, отношения донского атамана с венценосными особами, военной и государственной элитой России и Европы.

Подчеркивается, что версии гербов являются в то же время самостоятельными геральдическими и художественными произведениями.

По мнению авторов неутвержденных гербов, включенные в их состав награды, дополнения и изменения поднимали и закрепляли высокий статус гербообладателей, показывали их роль и заслуги в истории России.

Гербовые портреты и версии герба графа М.И. Платова отражали представления современников о его роли в истории страны, процесс формирования донского дворянства, состояние геральдической традиции в России.

Самостоятельные, неутвержденные гербы являлись важным этапом в развитии российского гербоведения: одни и сейчас являются своеобразным напоминанием «славных имен и событий», другие использовались преимущественно для решения личных, имущественных и общественных задач на протяжении одного поколения, стали историческими фактами в жизни гербообладателей.

Гербовый гравированный портрет М.И. Платова и версии гербов восходят к донской живописной и гербовой традиции второй половины XVIII – начала XIX в. Они, сохраняя художественные и композиционные особенности, входят в состав донского и российского военного портрета, российской геральдики.

Ключевые слова: граф М.И. Платов, версии герба М.И. Платова, самобытные, неутвержденные гербы, Донское Войско, Российская империя, донское дворянство, геральдика

Для цитирования: Агафонов А.И. Герб на графское Российской империи достоинство и его версии генерала от кавалерии, атамана Донского Войска графа М.И. Платова // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 43–52.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

THE COAT OF ARMS OF THE COUNT'S RUSSIAN EMPIRE DIGNITY AND ITS VERSION OF THE GENERAL OF CAVALRY, ATAMAN OF THE DON ARMY COUNT M.I. PLATOV

Anatoly I. Agafonov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

anatoly-agafonov@yandex.ru

Abstract. The coat of arms and its versions of Count M.I. Platov are considered for the first time in the scientific literature, their origin, composition, symbolism, role and significance in consolidating the image of a cavalry general, a military ataman of the Don Army in the historical memory of the peoples of Russia and Europe. The highly approved coat of arms of M.I. Platov, little known to contemporaries, was distributed in independent, attributed versions, which played an important role in visualization, strengthening the authority of the “whirlwind chieftain”.

It is proven that these versions are unconfirmed and are closely connected with the processes of formation of historical memory and public consciousness in Russia.

The versions of the Count's coat of arms of M.I. Platov retained heraldic continuity but were complemented with new figures that revealed the pages of his military and civil service, the relations of the Don Ataman with crowned persons, the military and state elite of Russia and Europe.

It is emphasized that the versions of the coats of arms are at the same time independent heraldic and artistic works.

According to the authors of the unapproved coats of arms, the awards, additions and changes included in them raised and consolidated the high status of the coat of arms holders, showed their role and merits in the history of Russia.

The coat of arms portraits and versions of the coat of arms of Count M.I. Platov reflected the ideas of his contemporaries about his role in the history of the country, the process of formation of the Don nobility, and the state of the heraldic tradition in Russia.

Independent, unapproved coats of arms were an important stage in the development of Russian heraldic studies: some are still a kind of reminder of “famous names and events”, others were used primarily to solve personal, property and social problems over the course of one generation and became historical facts in the lives of the coat of arms holders.

The coat of arms engraved portrait of M.I. Platov and versions of coats of arms go back to the Don painting and coat of arms tradition of the second half of the 18th – early 19th century. They, preserving artistic and compositional features, are part of the Don and Russian military portrait, Russian heraldry.

Keywords: Count M.I. Platov, versions of the coat of arms of M.I. Platov, original, unapproved coats of arms, Don Army, Russian Empire, Don nobility, heraldry

For citation: Agafonov A. I. The Coat of Arms of the Count's Russian Empire Dignity and Its Version of the General of Cavalry, Ataman of the Don Army Count M.I. Platov. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):43-52. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Герб на графское Российской империи достоинство графа М.И. Платова ранее не являлся предметом научного изучения, как и его версии, приписанные, самостоятельные и неутвержденные. Не исследовалось их происхождение, композиция, символика и содержание, их связь с местом гербообладателей в военной иерархии, жизнью политической элиты страны.

29 октября 1812 г. император Александр I возвел в графское Российской империи достоинство генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска М.И. Платова.

Между высочайшим указом о пожаловании титула, изготовлением герба и подписью патента на герб проходило немало времени. Причины разные – отсутствие квалифицированных художников, низкий уровень создания и оформления проектов гербов, нехватка денег, бюрократическая волокита и другие обстоятельства. Примерно четыре года ожидал составления и утвержде-

ния своего герба, получения диплома граф М.И. Платов. Наконец 15 марта 1816 г. император Александр I утвердил герб донского атамана (рис. 1). В ноябре 1816 г. он был доставлен со всем сопровождением (шкатулка, герб, грамота, кисти, печати и т. д.) гербообладателю.

Рис. 1. Герб графа Матвея Ивановича Платова на графское Российской империи достоинство (цветная векторная версия А.И. Агафонова) / Fig. 1. The coat of arms of Count Matvey Ivanovich Platov on the dignity of a count of the Russian Empire (A.I. Agafonov's color vector version)

«В щите, имеющем голубое поле, изображены регалии, принадлежащие Войску Донскому, и на середине в маленьком красного цвета щитке, покрытом дворянской короной, находится воин в одеянии того Войска с булавою, сидящий на белом коне, обращенном влево. В нижнем серебряном поле означены в большом количестве пушки и знамена. В золотой вершине, разрезанной к середине двумя диагональными от верхних углов чертами, черный орел коронованный, имеющий в лапах скипетр и державу.

Щит покрыт графской короной с тремя шлемами, крайние два увенчаны дворянскими коронами с изображением на них крестообразно двух всемиловнейше пожалованных сабель и бриллиантового пера на шапке. Средний шлем имеет графскую корону, на поверхности которой парит Всероссийский черный орел, держащий лавровую и масличную ветви. Намет на щите золотой, подложенный голубым и красным. По сторонам щита поставлены в красном и синем одеянии два воина, держащие в руках: с правой стороны – пожалованное Атаманскому полку знамя, а с левой – Георгиевский бунчук. Внизу щита девиз: “ЗА ВЕРНОСТЬ, ХРАБРОСТЬ И НЕУТОМИМЫЕ ТРУДЫ”.

Граф Матвей Иванович Платов по Именному Его Величества государя императора Александра I 1812 года октября 29 дня Высочайшему указу в знак признательности к Войску Донскому и во изъявление особенного Монаршего благоволения к усердной службе и ревностным трудам атамана оного, помянутого генерала от кавалерии Платова, способствующего вверенными

ему силами поражению врага Отечества, Всемиловейше возведен с потомством в графское Российской Империи достоинство, а 15 марта 1816 года герб рода Платовых Высочайше утвержден» [1, с. 5].

К концу XVIII – началу XIX в., когда донские чиновники стали получать дворянские гербы, в Российской империи сложилась достаточно четкая система их приобретения. Родовой герб рассматривался как внешний признак принадлежности к дворянству, его наличие выделяло обладателей из среды себе подобных и подчеркивало определенный статус в государстве. Право соискателя на герб вытекало из признания государством дворянских прав его и потомков (отдельного рода), реального обладания правами и привилегиями высшего сословия Российской империи.

Лица, получившие дворянский герб, имели право употреблять его «во всех честных и пристойных случаях, письмах, печатях, на домах и домовых вещах и везде, где честь его и другие случающиеся обстоятельства того потребуют, употреблять по своему изволению и рассуждению, так как и другие нашей Империи дворяне оную вольность и преимущества имеют» [2, с. 44]. В грамотах часто содержалось обращение к графам, баронам, князьям, дворянам и другим титулованным лицам Российской империи, владельцам других земель и государств признавать и почитать наравне с собой нового обладателя прав и привилегий и герба, не чинить ему ни под каким видом обид и препятствий.

В 1821–1822 гг., к 70-летию со дня рождения донского атамана, в Москве вышла в свет монография Н.Ф. Смирного, адъютанта М.И. Платова по «дипломатической части» с 1809 по 1818 г. [3]. По его мнению, М.И. Платов родился 6 августа 1751 г. в ст. Старочеркасской Земли Донского Войска [3, с. 1].

Точную дату рождения установил в 1902 г. И.М. Сулин, когда в метрической книге церкви Святых Апостолов Петра и Павла ст. Старочеркасской обнаружил запись от 8 августа 1753 г.: «Родился у казака Ивана Платова сын Матвей» [4, с. 3; 5, с. 334]. Это подтверждают слова Платова из доношения войсковому атаману генерал-лейтенанту А.И. Иловайскому от 24 ноября 1783 г.: «Родился я здесь в Черкасском, старшинской сын, от роду мне тридцать первой год...» [цит. по: 6, с. 20]. Однако во многих изданиях, как ранее, так и в настоящее время, и в нижнем храме Покрова Пресвятой Богородицы Новочеркасского Патриаршего Вознесенского войскового кафедрального всеказачьего собора приводится дата, которую предложил биограф атамана Н.Ф. Смирный.

На первой странице монографии представлен гравированный портрет графа М.И. Платова с гербом в медальоне (рис. 2).

Матвей Иванович Платов (08.08.1753–03.01.1818) – граф (29.10.1812), генерал от кавалерии (29.09.1809), войсковой атаман Войска Донского (с 12.08.1801), почетный доктор права Оксфордского университета (1814). «Из старшинских Войска Донского детей», отец – войсковой старшина Иван Федорович Платов.

Кавалер орденов российских: Св. Апостола Андрея Первозванного; Св. Александра Невского с алмазными знаками к ордену; Св. Великомученика и Победоносца Георгия 2-го, 3-го и 4-го класса; Св. Равноапостольного кн. Владимира I, II и III степени; Св. Анны I степени; Св. Иоанна Иерусалимского Командорского креста.

Кавалер орденов иностранных: австрийских королевских – Военного Марии Терезии III степени и Св. Леопольда II степени; прусских королевских – Черного Орла и Красного Орла II степени.

Также пожалована именная золотая медаль с изображением императрицы Екатерины II и надписью «За ревностную и усердную службу Донского Войска полковнику Матвею Платову» – за сражение на р. Калалах в 1774 г.; серебряная медаль «В память Отечественной войны 1812 года»; золотая сабля с надписью «За храбрость», украшенная алмазами (за Персидский поход 1796 г.); сабля, декорированная драгоценными камнями, подарена гражданами Лондона в 1814 г.; золотая табакерка, украшенная алмазами, с портретом императора Александра I; золотая табакерка, отделанная бриллиантами, от императора французов Наполеона Бонапарта; золотая табакерка, инкрустированная бриллиантами, от короля Пруссии Фридриха Вильгельма III.

За преследование неприятеля награжден в 1813 г. бриллиантовым пером с императорским вензелем и лаврами для ношения на головном уборе. По воспоминаниям современников, «султан или перо, украшенное алмазами и рубинами, очень большой ценности... Он слишком тяжел, чтобы его носить; но во всех важных случаях граф держит эту награду в руке» [7, с. 231]. За сражение при Альтенбурге 24 сентября (6 октября) 1813 г. пожалован портрет императора Александра I, украшенный бриллиантами, для ношения на шее. Во время пребывания М.И. Платова в Лондоне принц-регент Соединенного Королевства Великобритании и Ирландии Георг Август Фридрих (будущий король Георг IV) подарил ему свою портретную миниатюру в обрамлении бриллиантов [8].

Следует сказать, что это не первый гравированный портрет донского атамана. В 1808–1813 гг. изготавливались гравированные портреты с его самобытными (неутвержденными) дворянскими гербами [9].

Н.Ф. Смирный поместил в монографии графский герб М.И. Платова с дополнениями и изменениями, что позволяет говорить о нем как о самостоятельной, неутвержденной версии. Прежде всего, автор стремился показать роль и место донского атамана в жизни и истории России через визуальный образ, а также через его сопровождение – герб и символику. Гербовый портрет М.И. Платова не только иллюстрация к монографии, знакомство читателей с «вихрь-атаманом», героем военных кампаний второй половины XVIII – начала XIX в., он раскрывал и показывал скрытые от читателей события, происходившие в среде высшего генералитета и дворянской элиты Российской империи.

Отечественная война 1812 г. и заграничные походы русской армии в 1813–1815 гг. завершились блестящей победой России. Но борьба генеральских группировок в армии [10] за место в высшей аристократии и рядом с российским императором продолжалась. Она перешла в область исторической памяти и общественного сознания. К 20-м гг. XIX в. вышли в свет многочисленные мемуары, воспоминания и статьи, авторами которых часто являлись ушедшие в отставку, а также подростки в чинах и должностях старшие офицеры и генералы – участники кампаний эпохи Наполеоновских войн. Они стремились заявить о своем выдающемся или значительном вкладе в разгром армии Наполеона Бонапарта и его союзников при нашествии в Россию и за рубежом. «Седые генералы» отодвигались в тень событий, подвергались необъективной критике современников. Такая же тенденция намечалась и во французской мемуаристике [11, с. 70–80, 150–181].

В эпоху наполеоновских кампаний имя, дела и слава М.И. Платова были широко известны в России и Европе, но мирное время требовало решения новых задач – восстановления страны, проведения экономических и финансовых реформ, укрепления политической власти, других преобразований. Важное значение имела защита Российской империи и ее императора, русской армии, казаков и донского атамана от нападков и необъективной критики. Особенно в этом преуспевали английские и французские сатирики, с 1813 г. они публиковали и распространяли альбомы и отдельные сатирические листы в своих странах и за рубежом [12, 13].

Рис. 2. Портрет графа Матвея Ивановича Платова, генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска, с гербом на графское Российской империи достоинство. Гравер А.Г. Ухтомский. 1821 / Fig. 2. Portrait of Count Matvey Ivanovich Platov, General of cavalry, military ataman of the Don Army, with the coat of arms of the count's dignity of the Russian Empire. Engraver A.G. Ukhtomsky. 1821

Представленный в монографии гравированный гербовый портрет М.И. Платова являлся своеобразным посланием современникам и будущим поколениям о военных подвигах и наградах донского героя. Помещенный в медальоне герб донского атамана долгие годы считался оригинальным, потому как не все имели доступ к материалам Департамента герольдии Правительствующего сената и незначительным тиражам Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи. Протографом гравированного портрета войскового атамана послужил его живописный портрет, созданный английским художником Т. Филлипсом в Лондоне в июне-июле 1814 г.

Известно, что положение и роль генерала или чиновника в Российской империи зависели не только от чинов и занимаемой должности, но и от числа наград и их статуса. Это постарались напомнить и подчеркнуть Н.Ф. Смирный и академик А.Г. Ухтомский в новой версии герба М.И. Платова, созданной А.Г. Ухтомским по просьбе Н.Ф. Смирного и распоряжению Департамента герольдии Правительствующего сената в 1820 г. (рис. 3).

Рис. 3. Версия герба графа М.И. Платова. Авторы Н.Ф. Смирный и А.Г. Ухтомский / Fig. 3. Version of the coat of arms of Count M.I. Platov. The authors are N.F. Smirny and A.G. Ukhtomsky

тая медаль в 30 червонцев, пожалованная М.И. Платову императрицей Екатериной II за сражение при р. Калалах 3 апреля 1774 г., а также серебряная медаль «В память Отечественной войны 1812 года», обе на Андреевской ленте. Под наградами расположен девиз: «За верность, храбрость и неутомимые труды».

Современники, историки, любители военной фалеристики и униформологии легко по знакам орденов узнают и устанавливают пожалования награжденного, их статус, назначение и содержание, в данном случае – графа М.И. Платова.

Помещение знаков орденов в состав версии герба показывало и подчеркивало статус гербообладателя, его место в военной иерархии и составе политической элиты страны. В действительности граф М.И. Платов был награжден всеми высшими орденами Российской империи, за исключением Императорского военного ордена Св. Великомученика и Победоносца Георгия 1-го класса, а также различными высшими орденами иностранных государств. Немногие генералы и даже фельдмаршалы могли гордиться такой коллекцией наград и пожалований.

Гербовый щит и военная арматура под малым гербовым щитом повторяют таковые из утвержденного графского герба. Щитодержатели – казаки лейб-гвардии Казачьего и Атаманского Платова полков знамена держат, обнимая древко. Бунчук и знамя на локтевом изгибе, что является отступлением от правил обращения со знаменами и штандартами.

Униформа казаков соответствует платовской эпохе. Они одеты в полукафтаны образца 1814 г., подвес (портупея) образца 1818 г. (отличается от классической версии). Важная особенность – сабель нет! Неизвестно, почему адъютант генерала от кавалерии графа М.И. Платова полковник Н.Ф. Смирный и гравер А.Г. Ухтомский не заметили этих важных деталей.

За дворянскими коронами и гербовым щитом отсутствует намет сине-красный – из ординарных цветов Донского Войска, утвержденных императрицей Екатериной II. Он наличествует в официальной версии графского герба М.И. Платова (см. рис. 1), практически во всех гербах войсковых атаманов и выдающихся генералов Донского Войска. Добавлен золотой, определявший высокий статус гербообладателя.

Данная версия самобытная, неутвержденная, приписанная (созданная после смерти М.И. Платова в 1818 г.), не включена в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, Сборник гербов российского дворянства, не внесенных в Общий гербовник. В то же время создание гравированного гербового портрета М.И. Платова и новой его версии стало важным вкладом в развитие военного и атаманского портрета на Дону, российской геральдики.

После его смерти 3 января 1818 г. единственным прямым наследником по мужской линии являлся граф Иван Матвеевич Платов – младший. Дочери М.И. Платова вышли замуж за донских генералов, соратников донского атамана, героев Русско-турецких войн второй половины XVIII – начала XIX в., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг.: Анна Матвеевна – за генерал-майора К.И. Харитоновой (7-й); Марфа Матвеевна – за полковника С.Д. Иловайского (8-й); Мария Матвеевна – за генерал-майора Т.Д. Грекова (18-й).

По законам Российской империи, они не имели права передавать графское достоинство своим мужьям и детям, наследование титула и достоинства происходило по мужской линии. Редко передача таких протекла по женской линии, но только с высочайшего соизволения. Следует помнить, что на пасынков М.И. Платова – Хрисанфа (Кирсана) Павловича Кирсанова и Екатерину Павловну Кирсанову (дети от второго брака с Марфой Дмитриевной Кирсановой (урожденной Марьиной)) – графское Российской империи достоинство не распространялось.

Поэтому для прямых наследников графа по женской линии обретение и пользование титулом ограничивалось одним поколением. Вероятно, поэтому не встречаются «женские» графские гербы Платовых, да и в замужестве были другие фамилии – Харитоновы, Иловайские, Грековы.

В 1825–1826 гг. граф И.М. Платов – младший изготовил печати, на которых поместил версии своего герба, включавшего неполный рисунок высочайше утвержденного в 1816 г. герба графа М.И. Платова с новыми дополнениями (рис. 4) [14].

Иван Матвеевич Платов – младший (1795, Черкасск Земли Донского Войска – 07.10.1874, Новочеркасск, Область Войска Донского) – граф, полковник, сын генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска графа М.И. Платова.

Участник Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Отличился при взятии крепости Бабадаг – 3 августа 1809 г., при штурме крепости Гирсово – 22 августа 1809 г., при штурме крепости Кюстенджи – 29–30 августа 1809 г. Участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813 – 1815 гг. Отличился в сражениях при Гродно – 17 июня 1812 г., при м. Мир – 27–28 июня 1812 г., под Смоленском – 6–7 августа 1812 г., при Дорогобуже – 12 августа 1812 г., в Бородинском сражении – 26 августа 1812 г., при Малоярославце – 13–14 октября 1812 г. Участвовал в осаде крепости Данциг с 7 по 26 января 1813 г.

В 1820 г. уволен в отставку с мундиром в чине полковника Атаманского полка. Известен своей благотворительностью. Имел собственный конный завод, ежегодно при снаряжении казаков на службу отдавал Донскому Войску от 50 до 60 лошадей. Донскому архиерейскому дому подарил свою загородную дачу с садом (х. Мишкин).

Похоронен в фамильном склепе Платовых в церкви Рождества Пресвятой Богородицы при загородном архиерейском доме в х. Мишкин (дача М.И. Платова) вблизи Новочеркасска.

Жена: с 9 мая 1817 г. – графиня Анна Степановна Платова (урожденная Ефремова), дочь полковника Степана Степановича Ефремова. Похоронена в фамильном склепе Платовых в церкви Рождества Пресвятой Богородицы при загородном архиерейском доме в х. Мишкин (дача М.И. Платова) вблизи Новочеркасска.

Дочь: графиня Марфа Ивановна Платова (1816 – 03.11.1891, Ялта), в замужестве за князем Д.Г. Голицыным, вторым браком – за бароном А.Л. фон Врангелем (с 1879) [15, с. 43–44].

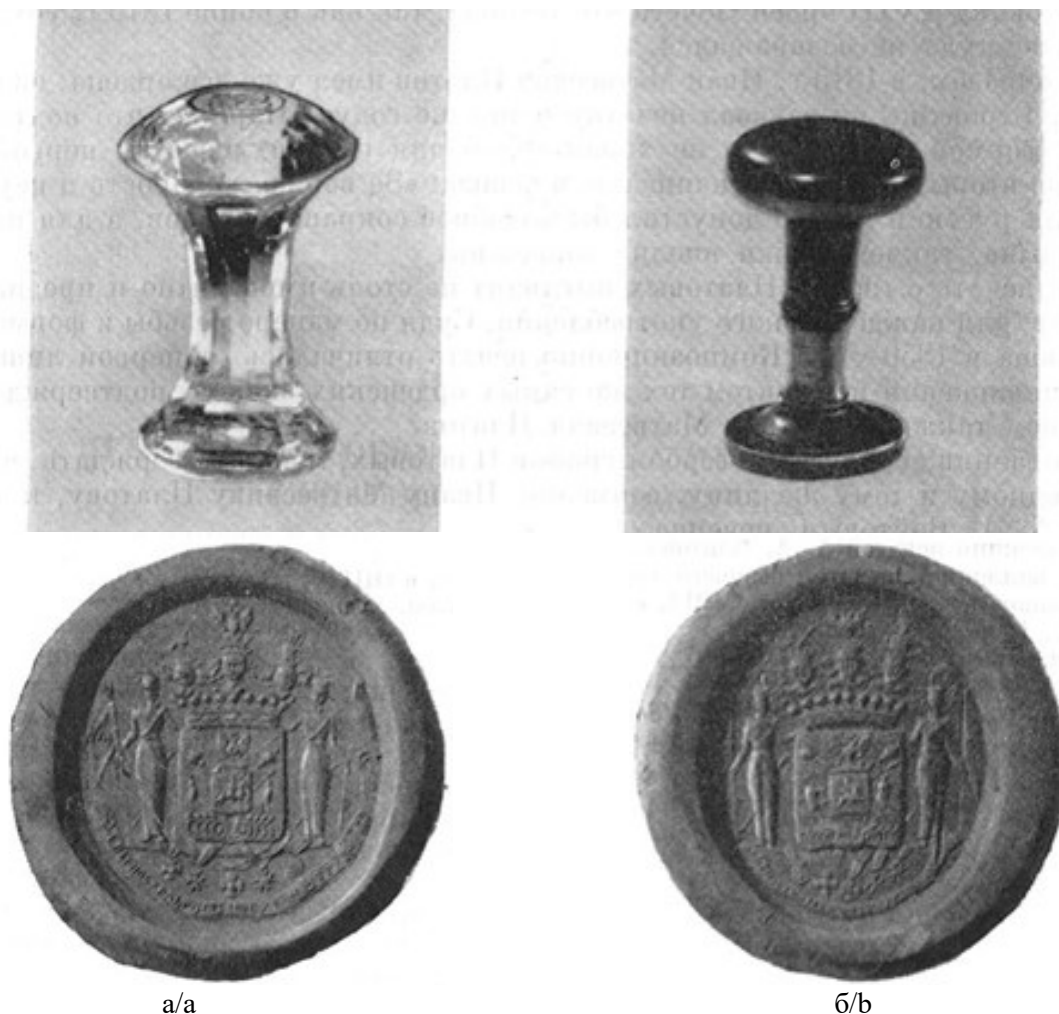

Рис. 4. Печати графа Ивана Матвеевича Платова: а – общий вид первой печати и ее матрица (горный хрусталь); б – общий вид второй печати и ее матрица (дерево, вишня). Государственный Эрмитаж. Санкт-Петербург, Россия / Fig. 4. Seals of Count Ivan Matveevich Platov: a - general view of the first seal and its matrix (Rhinestone); b - general view of the second seal and its matrix (tree, cherry). The State Hermitage Museum. St. Petersburg, Russia

После смерти генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска графа М.И. Платова 3 января 1818 г. осталось большое наследство. Главным благоприобретателем выступал его сын – полковник граф И.М. Платов – младший.

Настоящие версии герба И.М. Платова связаны с функциональным назначением печатей, прежде всего заверение делопроизводственной документации, государственной регистрации, протоколов, деловой и личной переписки и т.д. в процессе хозяйственной, благотворительной, общественной деятельности. Гербы выступали опознавательными атрибутами личности, указателями принадлежности гербообладателя к роду графов Платовых, места в военной и политической иерархии в России и Войске Донском.

Данные версии сохраняют идейную и концептуальную преемственность и связь с официальным гербом графа М.И. Платова и самобытным (приписанным) гербом Н.Ф. Смирного – А.Г. Ухтомского. Они с некоторыми дополнениями и изменениями стали его новыми версиями. Эти же характеристики и техника исполнения сближают версии Н.Ф. Смирного – А.Г. Ухтомско-

го с гербами полковника графа И.М. Платова на печатках. Можно утверждать, что автором гербов на печатках являлся А.Г. Ухтомский или они были созданы в его мастерской в Петербурге.

Герб графа И.М. Платова не имеет подложки звезды ордена и орденской цепи Св. Апостола Андрея Первозванного, а также намета над дворянскими шлемами. Щитодержатели – казаки лейб-гвардии Казачьего и Атаманского Платова полков в форме образца 1814 г., присутствуют сабли, знамя и бунчук держат «к ноге от себя» на вытянутой руке. Под гербом, как и в версии Н.Ф. Смирного – А.Г. Ухтомского, только на орденской ленте Св. кн. Владимира представлены награды И.М. Платова на лентах орденов: Св. кн. Владимира IV степени; Св. Анны II степени; Французского ордена Почетного легиона кавалер; прусского королевского Pour le Mérite («За заслуги»); дворянская серебряная медаль «В память Отечественной войны 1812 года». Девиз графского герба «За верность, храбрость и неутомимые труды» – полукругом под всем гербом.

Композиционные отличия от ранних версий гербов позволяют утверждать, что перед нами новые версии герба генерала от кавалерии, войскового атамана Донского Войска графа М.И. Платова. Они свидетельствовали и закрепляли принадлежность гербообладателя к роду Платовых, показывали его самостоятельное место на фамильном древе.

Итак, борьба высшего генералитета и военно-политической элиты после Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1815 гг. не прекратилась с уходом из жизни ее важнейших деятелей. Она распространилась в область исторической памяти и общественной мысли, с одной стороны, закрепления личных притязаний на родовую память в контексте российской и региональной хозяйственной и социальной жизни – с другой.

В 20-х гг. XIX в. в русской геральдике расширился поиск новых визуальных форм поддержки, развития и укрепления личного авторитета старых гербообладателей и новых поколений с учетом современных военно-политических и общественных реалий. Эти процессы затронули и дворянство Земли Донского Войска.

Изменились условия формирования и использования донской и южнороссийской геральдики. Если в XVIII в. ее развитие протекало от неутвержденных гербов малороссийско-польской геральдической традиции к современному российскому гербоведению, то в XIX в. – от высочайше утвержденных гербов к самостоятельным гербам нового поколения через наследование, дробление, создание новых боковых ветвей титулованной знати и, соответственно, новых версий неутвержденных гербов.

Новое движение к самостоятельным (неутвержденным, приписанным) гербам являлось средством индивидуализации заслуг нового поколения гербообладателей, в основе которых лежали военные, семейные, общественные и другие причины.

Версии герба не утверждались российскими императорами, использовались обладателями преимущественно на протяжении одного поколения. Они представляют собой военный, культурный и исторический реликт российской истории, истории российского и донского дворянства, предмет научного изучения геральдики и сфрагистики.

Список источников

1. Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи. СПб.: Сенат. тип., 1816. Ч. 9. 170 с.
2. История 5-го Донского казачьего войскового атамана Власова полка 1812–1912 / сост. В.В. Пузанов. Саратов: Тип. П.С. Феокритова, 1913. 668 с.
3. Смирный Н.Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова : в 3 ч. М.: Тип. С. Селивановского, 1821. Ч. 1. 237 с.
4. Сулин И.М. Странички прошлого // Донские областные ведомости. 1902. № 1. 1 янв.
5. Платов Матвей Иванович. Граф, войсковой атаман Донского войска // Донцы XIX века. Новочеркасск, 1907. Ч. 1. С. 334–369.
6. Сапожников А.И. Граф Матвей Иванович Платов: опыт научной биографии : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995.
7. Сапожников А.И. Атаман Платов и войско Донское в мемуарах британского офицера // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. IV. Тр. Гос. ист. музея. М., 2005. Вып. 147. С. 225–238.
8. Агафонов А.И. Донские генералы в Военной галерее Зимнего дворца. 2-е изд. Ростов н/Д.: Омега Паблицер, 2012. 269 с.

9. Агафонов А.И. Самобытные (неутвержденные) дворянские гербы М.И. Платова на гравированных портретах // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 2. С. 27–35.
10. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году: малоизвестные и неизвестные факты на фоне знаменитых событий. М.: РОССПЭН, 1999. 190 с.
11. Тартаковский А.Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
12. Успенский В.М., Россомахин А.А., Хрусталева Д.Г. Медведи, казаки и русский мороз: Россия в английской карикатуре до и после 1812 года. СПб.: Арка, 2014. 251 с.
13. Les russes à Paris. Paris: Vallardi, 1814. 20 f.
14. Покорна А.А. Две печати с гербом гр. Платовых // Тр. Гос. Эрмитажа. Т. 12: Нумизматика. Л.: Тип. Гос. Эрмитажа, 1971. С. 186–188.
15. Коршиков Н.С. Дворяне и графы Платовы. Ростов н/Д.: NB, 2004. 258 с.

References

1. *The general Coat of Arms of the noble families of the All-Russian Empire*. St. Petersburg: Senate Printing House; 1816, part 9. 170 p. (In Russ.).
2. Puzanov V.V., comp. *The history of the 5th Don Cossack Host Ataman Vlasov regiment 1812–1912*. Saratov: Printing House of P.S. Feokritov; 1913. 668 p. (In Russ.).
3. Smirny N.F. *The life and exploits of Count Matvey Ivanovich Platov*: in 3 parts. Moscow: Printing House of S. Selivanovsky; 1821, part 1. 237 p. (In Russ.).
4. Sulin I.M. Pages of the past. *Donskie oblastnye vedomosti = Don Regional Gazette*. 1902;(1). (In Russ.).
5. Platov Matvey Ivanovich. Count, military chieftain of the Don Army. *Don Cossacks of the 19th century*. Novocherkassk, 1907;(1):334-369. (In Russ.).
6. Sapozhnikov A.I. *Count Matvey Ivanovich Platov: the experience of scientific biography*. Dissertation Thesis. St. Petersburg, 1995. (In Russ.).
7. Sapozhnikov A.I. Ataman Platov and the Don Army in the memoirs of a British officer. *The Epoch of 1812. Research. Sources. Historiography*. IV. Proceedings of the State Historical Museum. Moscow, 2005;(147):225-238. (In Russ.).
8. Agafonov A.I. *Don generals in the Military Gallery of the Winter Palace*. 2nd ed. Rostov-on-Don: Omega Publisher; 2012. 269 p. (In Russ.).
9. Agafonov A.I. Original (unapproved) noble coats of arms of M.I. Platov on engraved portraits. *Izv. vuzov. Sev.-Kavk. region. Obshchestv. nauki = Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2024;(2):27-35. (In Russ.).
10. Bezotosny V.M. *Don generals and ataman Platov in 1812: little-known and unknown facts against the background of famous events*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1999. 190 p. (In Russ.).
11. Tartakovsky A.G. *The year 1812 and Russian memoirs: an experience of source study*. Moscow: Nauka Publ.; 1980. 312 p. (In Russ.).
12. Uspensky V.M., Rossomakhin A.A., Khrustalev D.G. *Bears, Cossacks and Russian frost: Russia in English caricature before and after 1812*. St. Petersburg: Arka Publ.; 2014. 251 p. (In Russ.).
13. *The Russians in Paris*. Paris: Vallardi Publ.; 1814. 20 p. (In French).
14. Pokorna A.A. Two seals with the coat of arms of gr. the Platovs. *Proceedings of the State Hermitage Museum. Vol. 12: Numismatics*. Leningrad: Printing House of the State Hermitage Museum, 1971:186-188. (In Russ.).
15. Korshikov N.S. *Nobles and Counts Platov*. Rostov-on-Don: NB Publ.; 2004. 258 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Агафонов – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии.

Information about the author

A.I. Agafonov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of History and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; одобрена после рецензирования 25.06.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 17.06.2024; approved after reviewing 25.06.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94+908
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-53-59

ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ В 1920-е ГОДЫ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Алмаз Рафисович Гапсаламов

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета,
Елабуга, Республика Татарстан, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-8045-623X>, gapsalamov@yandex.ru

Аннотация. В историографии дано достаточно много оценок проводимых в нашей стране преобразований в сфере промышленности, описаны как достижения, так и провалы государственной политики 1920-х гг. Тем не менее в своем большинстве данные исследования затрагивают общегосударственные процессы, а региональной проблематике уделяется недостаточно внимания. Представленное исследование направлено на изучение проблем развития промышленной сферы Татарской АССР в 1920-е гг. и проведения мероприятий советской власти по их разрешению.

Применяется исторический подход, используются принципы историзма, объективности и системности. Анализируются проблемы индустриального сектора экономики Татарской АССР в 1920-е гг. и причины, их вызвавшие. Выделяются общие вопросы, свойственные всем республикам и территориям страны, а также специфические, присущие конкретной республике. Данные трудности переплетались между собой, заставляя советскую власть в короткие сроки принимать верные/неверные решения. Рассматриваются действия государства по постепенному разрешению сложных вопросов и подготовке плацдарма для будущего роста промышленности.

Ключевые слова: промышленность, тресты, совнархоз, проблемы, СССР, Татарская АССР

Для цитирования: Гапсаламов А.Р. Проблемы эффективности советской индустрии в 1920-е годы: региональный аспект // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 53–59.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

PROBLEMS OF EFFICIENCY OF SOVIET INDUSTRY IN THE 1920S: REGIONAL ASPECT

Almaz R. Gapsalamov

Elabuga Institute of the Kazan Federal University, Elabuga, Republic of Tatarstan, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-8045-623X>, gapsalamov@yandex.ru

Abstract. Historiography has provided quite a lot of assessments of the industrial reforms carried out in our country, describing both the achievements and failures of the state policy of the 1920s. However, most of these studies touch upon national processes, paying insufficient attention to regional issues. The presented study is aimed at studying the problems that characterized the development of the industrial sector of the Tatar ASSR in the 1920s and the measures taken by the Soviet government to resolve them.

The historical approach is applied, the principles of historicism, objectivity and consistency are used. The result of the study was a detailed analysis of the problems of the industrial sector of the economy of the Tatar ASSR in the 1920s and the reasons that caused them. Using the example of the republic, the author highlights the general problems inherent in all republics and territories of the country, as well as specific ones inherent in a particular republic. These difficulties were intertwined, forcing the Soviet government to make correct/incorrect decisions in a short time. The author shows the actions of the Soviet government to gradually resolve complex issues and prepare a springboard for future industrial growth.

Keywords: industry, trusts, economic council, problems, USSR, Tatar ASSR

For citation: Gapsalamov A.R. Problems of Efficiency of Soviet Industry in the 1920s: Regional Aspect. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):53-59. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Советская, а затем и российская историография представлена достаточно большим объемом научных работ, в которых подробно описывались достижения и провалы советской экономики. В фокусе внимания исследователей в основном находились значимые процессы, затрагивающие либо в целом экономику, либо ее отдельные отрасли, и только в редких случаях для примера приводились проблемы регионов и тем более отдельно взятых предприятий [1–5].

Цель нашей статьи – частично устранить данный пробел. На примере Татарской АССР рассмотрим проблемы ее индустриального развития в 1920-е гг. Несмотря на то что они были одного типа с общегосударственными, тем не менее существовали и уникальные, которые не вписывались в канву традиционных проблем.

Формирование новой государственности, политический и экономический кризис требовали от советской власти применения экстраординарных и быстрых решений. А.С. Сенявский, размышляя о рассматриваемом периоде, писал: «Слишком жесткими были реалии исторической ситуации: фактически тотальная блокада молодого постреволюционного Советского государства враждебным капиталистическим окружением, сохраняющаяся угроза внешней агрессии при нарастании вероятности большой войны, военная слабость при отсутствии экономической базы для технического перевооружения армии. И невероятно трудными, казалось бы, фантастическими, являлись в этих условиях объективно стоявшие перед страной задачи (ключевой из которых была необходимость индустриального рывка), помноженные на “социалистический проект” комплексной модернизации. И все это – при полном отсутствии внешних источников инвестирования и возможности опираться исключительно на собственные силы, при крайней ограниченности необходимых внутренних ресурсов для инвестирования в реконструкцию промышленности и нарастающих сомнениях в возможности их мобилизовать...» [6, с. 171].

Для понимания всей сложности ситуации можно привести данные Р.А. Белоусова, который указывает, что в течение 1920 г. по отношению к 1913 г. в Советской России было получено угля 27 %, нефти – 42,7 %, руды – 1,7 %, чугуна – 2,4 %, паровозов – 14,8 %, вагонов – 4,2 % и т.д. Голод охватил районы с населением 43 млн человек [7, с. 30]. Пострадали все регионы страны, в особенности Татарская республика. Не только экономические и организационные проблемы терзали регион, по-прежнему была недостаточно сильна и авторитетна действующая власть. Вплоть до начала 1920-х гг. на территории Казанской губернии, а позже Татарской АССР происходили стихийные выступления населения, недовольного действиями большевиков.

Все это не могло не отразиться на эффективности промышленности республики. Проблемы начального периода характеризовались трудностями сохранения еще существующих предприятий и организации нового, необходимого промышленного производства. К середине 1921 г. промышленность республики находилась в критическом состоянии, когда перед татарским совнархозом вплотную стоял вопрос о закрытии заводов, которые кое-как еще работали. Катастрофически не хватало сырья и людей на производстве. Закрытие или простой предприятий, мизерные заработные платы, произвол новых и саботаж прежних директоров вынуждали трудящихся искать новые рабочие места. По статистике, число прогулов на производстве доходило до половины рабочего времени и в среднем равнялось 39,5 %. Все это отражалось на объемах производства готовой продукции. В целом к 1921 г. они не превышали 3–30 % (по ряду отраслей) от довоенных потребностей страны [8, л. 2].

Архивные данные показывают страшную картину, когда по производству валяльной обуви произошло сокращение в 5 раз, льняных тканей – на 71 %, кожевенных товаров – на 87 % [9, л. 175]. В топливной промышленности вместо 19,2 тыс. куб. саженей дров было заготовлено только 4930 куб. (25 %), угля – вместо 25,8 тыс. пудов только 729 пудов (3 %) и т. д. Во многом сокращение производства готовой продукции было обусловлено кризисом, который заключался в отсутствии сырья из-за продолжающейся Гражданской войны в ряде регионов России, логистики его доставки, а также недостаточной организации и наличия рабочей силы, в результа-

те чего механическая промышленность была насыщена сырьем в объемах не более 16 % от необходимой заявки, текстильная – 14,1 %, кожевенная – 43,3 %, химическая – 72,3 %. В среднем вся промышленность Татарской АССР была удовлетворена в сырье в размере, не превышающем 36,1 % [8, л. 29].

Отдельное место занимало финансирование промышленных предприятий. Фактическое его выполнение также носило непоследовательный характер. По представленным сметам было выделено не более 18 % от денежной заявки, по производственным операциям – 57 %. В среднем по всем важнейшим потребностям (топливо, сырье, финансирование) промышленность республики была в 1921 г. удовлетворена в размере 27,1 % [8, л. 29–30].

Данный анализ преимущественно показывает среднее медианное значение, применимое для традиционных отраслей индустрии. Однако статистические данные указывают на то, что и в стратегически важных для советской власти отраслях была примерно схожая ситуация. В Таткожтресте, Татшвейтресте, Татваленке, на Текстильфабрике, которые обслуживали потребности армии, наблюдались кадровые и сырьевые проблемы, результатом чего стал простой или закрытие ряда предприятий. Производство товаров промышленного назначения составляло не более 20 % от довоенного уровня [9, л. 219].

В первые годы советской власти выявились и другие сложности, связанные с постепенным разрастанием бюрократического аппарата, недостаточной численностью не только квалифицированных специалистов, но и низкоквалифицированной рабочей силы. Последний пункт был особенно важным. В условиях безработицы предприятия не всегда находили необходимую рабочую силу. Это объяснялось тем, что предлагаемая заработная плата зачастую не покрывала базовые потребности, в результате чего условия работы на предприятиях становились непривлекательными. Несмотря на увеличение среднемесячной зарплаты рабочих на 109 % от довоенного уровня по всем трестам Татарской АССР, рост этот был неравномерным по отдельным категориям. Так, у рабочих низших квалификаций рост заработной платы достигал до 120–150 % от довоенных показателей, у квалифицированных рабочих – не более 63 % [10, л. 80]. Исследователь И.А. Гатауллина отмечает различный уровень заработных плат сотрудников одной и той же квалификации, работающих в разных трестах [11, с. 121].

Проблемы неэффективности работы промышленных предприятий и целых отраслей решали кадровыми перестановками и организационными изменениями, административным воздействием и другими формами. Так, в частности, неэффективные предприятия сдавались в аренду. При этом определялись контуры условий передачи государственных предприятий в частные руки, что, видимо, было вызвано как определенной долей опаски, так и экономической и идеологической целесообразностью.

В этой связи в газете «Экономическая жизнь» от 19 июля 1921 г. были указаны следующие условия: «При сдаче в аренду предприятий надлежит отдать предпочтение при прочих равных условиях крупным солидным кооперативным органам и их объединениям (промысловым, потребительским и сельскохозяйственным). Далее, должна быть предоставлена возможность проявления инициативы частным лицам, не исключая прежних владельцев, которые могут оказаться более знакомыми с местными условиями» [12; 13, л. 3]. К аренде допускались наравне с советскими гражданами и иностранные подданные, с которыми заключался договор на общих условиях.

Развертывание нэпа и связанное с этим предоставление ряда послаблений обусловили относительную стабилизацию в промышленном секторе экономики. Правда, это не обеспечивало траекторию ее роста. Архивные данные показывают, что из 66 предприятий, объединенных в тресты, в 1923/24 г. действовало только 41. Наиболее сложная ситуация была в Татпищетресте, где из 10 предприятий бездействовало 6, и в Татсиликаттресте, где из 11 предприятий простаивало 8 [14, л. 7–7 об]. Интересно проследить причины, мешавшие вводу в строй трестированных предприятий. Так, некоторые не были оборудованы силовыми установками и промышленными приспособлениями. Паровая кондитерская фабрика «Светоч» и Плетневский завод искусственных минеральных вод не закончили ввод оборудования, один из двух дрожжевых заводов не действовал по причине как частичной своей разрушенности, так и недостаточно обеспеченного сбыта конечной продукции [14, л. 7об. – 8].

Вплоть до 1924/25 г. республиканские тресты были убыточными. И если в 1921/22 г. убытки трестированной промышленности составляли 1 млн р., в 1922/23 г. – 1,1 млн р., то в 1923/24 г. – 1,8 млн р. [9, л. 219]. Одной из основных причин убыточности предприятий трестов, как подчеркивают сами участники данных процессов, были недостатки организационного характера, в частности, не вполне удачный подбор руководящего состава (например, в Кожтресте и Лесотресте), чрезмерно раздутый служебный аппарат правлений трестов, слабая постановка бухгалтерского, статистического и иного учета.

Так, результаты 1923/24 г. могли окончательно выяснить только в середине 1925 г. Архивные данные указывают, что руководители вышеупомянутых трестов даже по истечении третьего квартала были уверены, что работают прибыльно, и лишь при окончательном подсчете выяснились крупные понесенные ими убытки [15, л. 69]. Вообще отсутствие своевременной информации становилось бичом молодой советской экономики. В этой связи еще в 1923 г. было передано распоряжение [16, л. 41], предусматривающее своевременное информирование центральных органов власти обо всех процессах, происходивших в Татарской АССР.

Новая экономическая политика предполагала получение предприятиями широких хозяйственных возможностей. Но, как показало время, на практике руководители не всегда могли и даже хотели воспользоваться представившейся возможностью. Некоторые тресты работали без надлежащего анализа условий рынка и без его изучения, что выражалось в отсутствии твердого задания, намеченного ассортимента изделий, приспособления к потребностям рынка. Большую роль в убыточности предприятий трестов сыграли повторявшиеся несколько раз в течение года снижения предельных цен на готовые изделия, что особенно сильно отразилось на деятельности Кожтреста и Металлотреста [15, л. 70].

Руководство республики было заинтересовано в поиске слабых мест промышленного развития. В частности, в середине 1924 г. комиссией Рабоче-крестьянской инспекции республики была осуществлена проверка предприятий, которая выявила проблемы, связанные с высоким износом оборудования и организационными трудностями.

Накопившийся пул проблем решено было исправить кардинально путем реорганизации всей управленческой вертикали промышленности республики. Уже в январе 1925 г. руководящий состав Татарского совнархоза был обновлен персонально. Вместо Президиума создан новый Совет народного хозяйства (Постановление от 16 января 1925 г. № 13) [15, л. 70].

Следующим шагом стали реорганизации в составе трестов, в которых «подчищали» наиболее неэффективные предприятия. Первым трестом в ходе масштабной реорганизации стал Татодержда. После окончания Гражданской войны трест потерял государственные заказы на пошив военной одежды и не имел постоянного заказа на пошив гражданской, что лишало его перспектив на будущее. Поэтому еще 22 октября 1924 г. совнархоз постановил концентрировать все производства треста на двух предприятиях (№ 5 и 6), переведя остальные две фабрики (№ 1 и 2) на консервацию (правда, уже 31 января 1925 г. трест был полностью ликвидирован). Борьбу с убыточностью трестов продолжили путем изъятия из состава Кожтреста текстильной фабрики им. В.И. Ленина и другими похожими реорганизациями.

Одновременно с реорганизациями внутри трестированной промышленности государство стало увеличивать финансирование на покрытие капитальных работ. Так, если в 1923/24 г. капитальные затраты составляли 623,2 тыс. р., в 1924/25 г. – 768,8 тыс. р., то в 1925/26 г. – уже 1866,3 тыс. р. [17, л. 15]. Выделяемые суммы главным образом направлялись на расширение, реконструкцию и на капитальный ремонт, в редких случаях – на строительство новых предприятий.

Следующим этапом борьбы с убыточностью трестов стало налаживание взаимодействия совнархоза с местными финансовыми органами, выражавшееся в рассмотрении промфинпланов трестов путем участия представителей этих органов в заседаниях совета Татарского совнархоза, где планы утверждались. Помимо этого, промфинпланы согласовывались с профсоюзами, а также местными отделениями Госбанка и Промбанка. Одновременно производственные программы трестов составлялись при участии управляющих заводами, затем прорабатывались управлением государственной промышленности и ревизионной комиссией совнархоза и только после их резолюции поступали на рассмотрение непосредственно самого совнархоза, а уже далее в ВСНХ и на утверждение в экономическое совещание при СНК Татарской АССР.

Постепенно выстраивалась не только управленческая, но и производственная, а также финансовая вертикаль функционирования социалистической промышленности. Притом не надо путать со временем индустриализации, оставалось еще несколько лет до начала периода сверхцентрализации экономики. Тем не менее уже в этот период стали просматриваться очертания будущей системы. Фактически по наитию промышленность страны выстраивалась в каркас линейной модели управления экономикой. Централизованное управление постепенно превращалось в единственно правильный способ управления, когда генерирование команд осуществлялось преимущественно сверху, а все нижестоящие элементы становились лишь послушными исполнителями. Этому же способствовало и то, что как страна, так и Татарская республика постепенно вступали в период роста своей индустрии.

Однако во второй половине 1920-х гг. стали возникать противоречия между рыночными механизмами хозяйствования и нарождающимися элементами плановой экономики. Дальнейший рывок мог произойти только при условии выбора правильного пути развития, одновременное использование рыночных и командных механизмов не могло придать взрывной характер. Все очевиднее становился факт, что нэп оказывался весьма неэффективной моделью для решения модернизационных задач [18, с. 19; 19, с. 123].

Но если советской власти удалось решить многие организационные проблемы, степень выполнения команд возросла кратно, иерархия управления также давала свои положительные результаты, то оставался ряд вопросов, которые невозможно было решить кавалеристским наскоком.

Серьезной проблемой, тормозившей рост показателей республиканской индустрии, являлся не только физический (в среднем достигавший 30–40 %), но и моральный износ оборудования, так как силовые установки предприятий, машины, оборудование, здания и сооружения были сильно устаревшими (средний срок действия котлов, к примеру, был равен 30 годам, а в отдельных случаях доходил до 50 лет) и требовали коренной перестройки и замены. Статистические данные государственной плановой комиссии при Совете министров ТАССР показывают, что по отдельным отраслям износ составлял: в жировой промышленности – 35 %, кожевенной – 39 %, пищевой – 30 %, текстильной – 39 %, лесной – 34 %, силикатной – 28 %, металлической – 32 % [20, л. 36], а по отдельным предприятиям достигал 80 % [21, л. 171–173]. Кроме того, к середине 1920-х гг. по-прежнему недостаточным был и амортизационный фонд предприятий, который не покрывал физический износ имущества (только на 1 октября 1926 г. остаток амортизационного фонда составлял 2,465 тыс. р., в то время как износ был равен 10,137 тыс. р.), что являлось следствием низких норм амортизационных отчислений, применяемых в промышленности. С другой стороны, само имущество уже к этому моменту было весьма изношено.

В завершение нашего исследования необходимо указать на наличие огромной массы проблем, которые стояли перед социалистической промышленностью в начале 1920-х гг. На примере Татарской АССР нами выделяются общие проблемы, свойственные всем республикам и территориям страны, а также специфические, присущие конкретной республике. Данные трудности переплетались между собой, заставляя советскую власть в короткие сроки принимать верные/неверные решения. Исследование показало возможность руководства республики находить ответы на большинство существующих проблем, тем не менее недостаточная мощь государства рассматриваемого периода не давала их решить в полном объеме.

Несмотря на эти проблемы, в целом в Татарской республике была сформирована достаточно устойчивая индустриальная база и подготовлен плацдарм для новых качественных преобразований, которые стали реализовываться в СССР в завершающей трети 1920-х гг.

Список источников

1. *Алексеев В.В.* Распад СССР в контексте теории модернизации и имперской эволюции // Отечественная история. 2003. № 5. С. 3–19.
2. *Алексеев С.Е.* Исследователи о возрождении административно-командной системы управления промышленностью Урала на рубеже 1920–1930-х гг. // Россия в XX в.: история и историография: сб. науч. ст. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2002. С. 173–188.

3. Бокарев Ю.П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы: источники, методы исслед., этапы взаимоотношений. М.: Наука, 1989. 310 с.
4. Быстрова И.В. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920 – 1980-е гг.: экономические аспекты развития // Экономическая история. Ежегодник. 2003. М.: РОССПЭН, 2004. С. 234–248.
5. Красильщиков В.А. Вдгонку за прошедшим веком. Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. М.: РОССПЭН, 1998. 264 с.
6. Сенявский А.С. Была ли альтернатива свертыванию новой экономической политики? // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 3. С. 168–182.
7. Белоусов Р.А. Исторический опыт планового управления экономикой СССР. М.: Мысль, 1983. 319 с.
8. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 101.
9. ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 569.
10. ГА РТ. Ф. Р-990. Оп. 1. Д. 105.
11. Гатауллина И.А. Среднее Поволжье в годы новой экономической политики: социально-экономические процессы и повседневность: дис. ... д-ра ист. наук. Казань, 2009. 565 с.
12. Экономическая жизнь. 1921. 19 июля.
13. ГА РТ. Ф. Р-851. Оп. 1. Д. 40.
14. ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 403.
15. ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 440.
16. ГА РТ. Ф. Р-787. Оп. 1. Д. 224.
17. ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 359.
18. Сенявский А.С. Новая экономическая политика: современные подходы и перспективы изучения // НЭП: экономические, политические и социокультурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2006. С. 5–25.
19. Соколов А.С. Сворачивание нэпа: экономические факторы // Вопросы теоретической экономики. 2020. № 2. С. 122–129.
20. ГА РТ. Ф. Р-4580. Оп. 1. Д. 219.
21. ГА РТ. Ф.П-15. Оп. 9. Д. 15.

References

1. Alekseev V.V. The collapse of the USSR in the context of the theory of modernization and imperial evolution. *Otechestvennaya istoriya = Russian History*. 2003;(5):3-19. (In Russ.).
2. Alekseev S.E. Researchers on the revival of the administrative-command system of industrial management in the Urals at the turn of the 1920s-1930s. *Russia in the 20th century: History and historiography*. Collection of scientific articles. Ekaterinburg; Ural University Publishing House; 2002:173-188. (In Russ.).
3. Bokarev Yu.P. *Socialist industry and small peasant farming in the USSR in the 1920s: sources, research methods, stages of relationships*. Moscow: Nauka Publ.; 1989. 310 p. (In Russ.).
4. Bystrova I.V. The military-industrial complex of the USSR in the 1920s - 1980s: economic aspects of development. *Economic history*. Yearbook. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003:234-248. (In Russ.).
5. Krasil'shchikov V.A. *In pursuit of the past century. The development of Russia in the 20th century from the point of view of global modernizations*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 1998. 264 p. (In Russ.).
6. Senyavsky A.S. Was there an alternative to curtailing the New Economic Policy? *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Questions of Theoretical Economics*. 2020;(3):168-182. (In Russ.).
7. Belousov R.A. *Historical experience of planned management of the USSR economy*. Moscow: Mysl' Publ.; 1983. 319 p. (In Russ.).
8. *State Archives of the Republic of Tatarstan (SART)*. Fund R-787. In. 1. File 101. (In Russ.).
9. *SART*. Fund R-787. In. 1. File 569. (In Russ.).
10. *SART*. Fund R-990. In. 1. File 105. (In Russ.).
11. Gataullina I. A. *Middle Volga region during the New Economic Policy: socio-economic processes and everyday life*. Dissertation Thesis. Kazan, 2009. 565 p. (In Russ.).
12. *Ekonomicheskaya zhizn' = Economic Life*. 1921. 19th July. (In Russ.).
13. *SART*. Fund R-851. In. 1. File 40. (In Russ.).
14. *SART*. Fund R-787. In. 1. File 403. (In Russ.).
15. *SART*. Fund R-787. In. 1. File 440. (In Russ.).
16. *SART*. Fund R-787. In. 1. File 224. (In Russ.).
17. *SART*. Fund R-4580. In. 1. File 359. (In Russ.).
18. Senyavsky A.S. New economic policy: modern approaches and study prospects. *NEP: economic, political and sociocultural aspects*. Moscow: ROSSPEN Publ.; 2006:5-25. (In Russ.).

19. Sokolov A.S. Curtailment of NEP: Economic Factors. *Voprosy teoreticheskoi ekonomiki = Issues of Theoretical Economics*. 2020;(2):122-129. (In Russ.).
20. SART. Fund R-4580. In. 1. File 219. (In Russ.).
21. SART. Fund P-15. In. 9. File 15. (In Russ.).

Информация об авторе

А.Р. Гапсаламов – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и менеджмента.

Information about the author

A.R. Gapsalamov – Candidate of Science (Economics), Associate Professor, Head of the Department of Economics and Management.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 03.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 03.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья
УДК 94(470+57) «17/1917»
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-60-66

К ВОПРОСУ ОБ ОЗЕЛЕНЕНИИ ГОРОДА НАХИЧЕВАНИ-НА-ДОНУ В XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Сергей Сергеевич Козлов

Ростовский государственный медицинский университет Минздрава РФ, Ростов-на-Дону,
Россия

sid.220788@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

Аннотация. Благоустройство городов включает в том числе и озеленение, которое было частью деятельности городского общественного управления. Рассматривается опыт в этой области города Нахичевани-на-Дону, жители которого с самого основания обустраивали сады, высаживали фруктовые деревья. Не всегда этот опыт был положительным из-за отсутствия полива, позже сады и парки стали закладываться в более подходящих местах, например у Соборной площади. Южная часть ее позже получила название Бульварной. В 1880-е гг. был высажен Александровский сад на западной окраине Нахичевани. Он расположился там, где были снесены городские кузницы. Сад стал любимым местом отдыха горожан. В то же время появились и зеленые насаждения на северо-восточной окраине города, более известные как Балабановские рощи. Городское общественное управление поделило их на несколько участков. Уходом за рощами занимались садовник и лесничий, они прореживали заросшие участки и формировали просеки для прогулок по рощам. Также были созданы сады Приказчицкого и Коммерческого клубов. На одной из окраин появился городской питомник Общества физического, сельскохозяйственного труда.

Ключевые слова: Нахичевань-на-Дону, городские сады, Балабановские рощи, Александровский сад, озеленение города

Для цитирования: Козлов С.С. К вопросу об озеленении города Нахичевани-на-Дону в XIX – начале XX века // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 60–66.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

ON THE ISSUE OF LANDSCAPING IN NAKHICHEVAN-ON-DON IN THE 19TH AND EARLY 20TH CENTURY

Sergey S. Kozlov

Rostov State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

sid.220788@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-5205-9060>

Abstract. Urban improvement includes landscaping – part of the city’s public administration. We consider the experience in this area of the city of Nakhichevan-on-Don, whose residents from the very beginning have been planting orchards and fruit trees. Not always this experience was positive because of the lack of irrigation, later gardens and parks began to be laid in more suitable places, such as at the Cathedral Square. Its southern part was later named Boulevard. In the 1880s, the Alexander Garden was planted on the western outskirts of Nakhichevan. It was located where the city forges were demolished. The garden became a favorite place for citizens to relax. At the same time, green spaces appeared on the north-eastern outskirts of the city, better known as the Balabanov groves. The city public administration divided them into several sections. A gardener and a forester were engaged in the care of the groves, they thinned out overgrown areas and formed clearings for walks through the groves. The gardens of the Clerk and Commercial Clubs were also created. On one of the outskirts, a city nursery of the Society of Physical, Agricultural Labor appeared.

Keywords: Nakhichevan-on-Don, city gardens, Balabanov groves, Alexander Garden, city landscaping

For citation: Kozlov S.S. On the issue of landscaping in Nakhichevan-on-Don in the 19th and early 20th century. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):60-66. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Вопросы благоустройства городов Юга России во второй половине XIX в. являются малоизученной и актуальной темой. Забота о благоустройстве городов возлагалась, согласно городскому положению от 16 июня 1870 г. [1, с. 823–824], на городское общественное управление, а именно на городскую управу и городскую думу. Одной из сфер их деятельности по благоустройству было озеленение города и разбивка парков, скверов и бульваров. В этом плане очень интересен опыт ведения благоустройства парков и озеленения г. Нахичевани-на-Дону, основанного в 1779 г. армянами, переселенными из Крыма по указу Екатерины II, возле крепости св. Димитрия Ростовского [2, с. 878–879].

Очень ценными являются сведения о благоустройстве и внешнем облике города, оставленные путешественниками, проезжавшими через Нахичевань. В 1812 г. Дон, в том числе и Нахичевань, посетил генерал И.А. Безбородко. Он оставил следующую заметку: «Был в гостинице в городе, город многолюдный, регулярно расположены улицы. Строения в армянском вкусе. Дома чистые, по большей части покрыты черепицею. Есть и хорошие каменные дома. Церквей каменных несколько, довольно огромные! Садов много. Положение города прекрасное – на горе при реке Дон» [3, с. 8].

Крупный промышленник А.Н. Демидов, покровитель искусств и науки, путешествуя по Югу России, принял приглашение нахичеванцев и посетил город. Он отмечал: «Нахичевань – город замечательный своей наружностью, свидетельствующей, впрочем, о господствующей здесь торговой деятельности. Народонаселение Нахичевани отличается смышленостью и ловкостью в торговле... Хотя Нахичевань находится не в таком счастливом географическом положении, как Ростов, зато жители ее несравненно способны к торговым сделкам, нежели ростовские... В доказательство их ловкости достаточно будет сказать, что они овладели почти всею торговлею Донского бассейна. По причине своих многочисленных базаров Нахичевань превратилась в богатое складочное место, способное, в случае надобности, наводнить товарами все окрестные ярмарки... Многочисленные магазины этого небольшого города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными, преимущественно персидскими, товарами. Улицы здесь прямые и так же, как дома, содержатся в большой чистоте» [4, с. 308–320].

Слова восхищения, оставленные такими знаменитостями, их высокая оценка есть результат впечатления не только от благоустроенного вида города, его застройки, но и от работы городского общественного управления, торгово-промышленного потенциала. По благоустроенному городскому хозяйству в 1840 г. Нахичевань стала третьим городом на Юге России, уступая лишь Одессе и Таганрогу [5, с. 81].

В отличие от многих городов Екатеринославской губернии Нахичевань с первых лет своего существования была хорошо озеленена. В центре города обильные зеленые насаждения превратили окружающую собор площадь в место летнего отдыха горожан. На 1822 г. в г. Нор-Нахичевани проживало 275 крестьян [6, с. 41]. Занимались в городе садоводством, виноградарством, огородничеством и т. д. В связи с тем, что одним из распространенных занятий среди населения было шелководство, повсюду сажали тутовые деревья, крупные массивы которых, в частности сады Чорчопова, находились на юго-восточной окраине города. Во второй половине XIX в. тутовые деревья постепенно заменялись декоративными, а в приусадебных садах – фруктовыми. На всех улицах и линиях с двух сторон, а также по периметру площадей были посажены акации, вязы, клены, серебристые и туркестанские тополя, ясень и другие деревья, разросшиеся кроны которых не только очищали воздух, но и создавали прохладу в жаркое летнее время [7, с. 48–49].

Армяне, переселившись из Крыма, где природа богата растительностью, на первых же порах, построив себе жилища и получив большие участки, взялись в каждом дворе сажать деревья и устраивать сады. Вначале все утопало в деревьях. Но почва и климат мало этому благоприят-

ствовали, в особенности постоянный восточный ветер, который к концу лета сушил все, и отсутствие воды в городе. К тому же колонисты, не будучи достаточно осведомлены о характере почвы и о климате, не всегда были удачны в выборе пород деревьев. Более всего в первое время сажали шелковицу (тютину), деревья сохли, редко какие переживали второе десятилетие [8, с. 292].

Габриел Патканян вспоминал о садах на берегу Дона. Он писал: «Я помню, что до шестидесятих годов был роскошный сад у купца Кирилла Ивановича Чорчопова, там же был маленький родник. Сын Чорчопова Кари Кириллович молодым человеком устраивал там, а затем на площадке, настлав дощатый пол, пикник с танцами и музыкой, с разноцветными бумажными фонарями» [8, с. 292]. Там же, по сведениям Г. Патканяна, были сады С. Чорчопова, М. Бабаенкова, позже на их месте был построен завод «Акса́й» [8, с. 292].

Забота об озеленении города отразилась в ряде постановлений городской управы, начиная со второй половины XIX в. В 1873 г. рассматривался вопрос о зеленых насаждениях в виде аллей, занимавших большую часть Бульварной площади, а в 1881 г. – о необходимости иметь новые зеленые массивы. Вот что писал об этом в 1873 г. городской голова Хатранов: «В каждом городе ... существуют общественные сады, бульвары и т.п. увеселительные места. Не говоря о том, что эти места составляют истинное украшение города, они имеют также для общественной жизни весьма важное значение, как места для увеселения, развлечения и отдыха после трудов и главное для общения людей. Кроме того, места эти имеют и значение для населения города. В Нахичевани, как известно, ничего подобного не существует, а потому я обращаюсь настоящим докладом к городской думе и прошу разрешить устройство бульвара, по прилагаемому при сем проекте на площади пред торговым рядом г. Хатранова, начиная от угла, прямо женской гимназии и до самого конца этих рядов. Вся площадь, занимаемая этим бульваром, составляет 900 кв. саж.» [9, л. 1]. Таким образом был учрежден городской бульвар у центральных площадей города. 11 апреля и 8 мая 1880 г. было принято постановление городской управы по ремонту бульвара Гостиной площади против Коммерческого клуба, а также по переносу на средства города на новое место городских кузниц, хотя, как нам известно, этот проект был подвергнут критике. Городская управа на ремонт бульвара на Гостиной площади израсходовала 604 р. 58 к. и на установление нового бульвара – 1885 р. 95 к. [9, л. 4].

Очередной план города был составлен в 1893 г. и подписан городским головой М.И. Балабановым. На центральной оси города, на западной окраине помечен Александровский сад. На северной части города возникли больница, стрельбище между русским Софиевским и армянским кладбищами, а также зеленые насаждения – Балабановская роща [10].

В начале XX в. появились новые, значительные по площади зеленые насаждения городского питомника Общества физического, сельскохозяйственного труда [11, л. 5].

Нахичевань страдала от ветров северных и восточных, которые разыгрывались в окружающих город степях. Чтобы создать заслон от вредоносных ветров, было решено насадить парк с северной стороны города [8, с. 294]. Городской голова М.И. Балабанов выхлопотал в Новочеркасске в областном правлении разрешение на снабжение города из Персиановского войскового лесничества достаточным количеством саженцев разных пород [8, с. 294].

Приезжали агрономы, город дал в их распоряжение рабочих, и за одно лето выросли три рощи, называемые Балабановскими [8, с. 294].

Во второй половине XIX в. власти города решили засадить расположенные в северной его части земли различными деревьями и кустарниками. К концу XIX в. эти искусственные насаждения представляли из себя три крупных зеленых массива площадью около 100 десятин, или приблизительно 10 га [12, с. 168].

С первых же дней основания эти рощи стали предметом особой заботы со стороны городского управления Нахичевани-на-Дону [13, с. 102]. На одном из заседаний городской думы отмечалось, что «...названная выше роща, несомненно, уже и в настоящем своем виде является лучшим украшением города и указывает на полезную заботливость городской думы об увеличении растительности, свидетельствующим о культурных стремлениях нахичеванского городского управления» [14, л. 1].

Тогда же в мае 1903 г. городской управой Нахичевани-на-Дону с этой целью были намечены следующие меры: «1) центральная продольная аллея должна быть усыпана тырсой и утрамбована для гуляния пешеходов; 2) две боковые продольные аллеи предполагалось “шоссировать” для движения экипажей; 3) с восточной и южной стороны должны были быть установлены массивные ворота с калитками с обеих сторон. Для шоссейных работ было предложено использовать 95,7 м³ песка на сумму 1148 р. 40 к. и 215,32 м³ камня на сумму 3229 р. 80 к. Для тырсовой дорожки предполагалось использовать 80,68 м³ щебня на сумму 1452 р. На сооружение и укрепление ворот намечалось израсходовать 44 тыс. кирпича на сумму 618 р.» [14, л. 5].

Однако, как можно судить на основе сохранившихся документов, в ходе работ смета благоустройства Балабановской рощи была значительно превышена: на замощение тырсовых дорожек в реальности было потрачено 3214 р. 36 к., укладка шоссе обошлась в 10 128 р. 30 к. В ходе работ дополнительно потребовалась будка сторожа, которая обошлась в 150 р. Общая сумма работ составила 13 492 р. [14, л. 16].

Гласный городской думы М.И. Балабанов подал 1 и 2 апреля 1899 г. два заявления на имя нахичеванского-на-Дону городского головы, для доклада думе [10, л. 5]. В первом заявлении М.И. Балабанов приводит распоряжение управы об уширении панели перед зданиями гимназий, театра и городского училища и ломки для сего мостовой незаконной, указывая на то, что никому, кроме думы, по закону не предоставлено права ломать существующие мостовые и прокладывать новые аллеи, просит вопрос этот повернуть на обсуждение думы [11, л. 5]. Во втором же заявлении указано на вырубку во второй городской роще 4–5-летних деревьев для употребления их на колья к уличным посадкам [11, л. 5]. Гласный думы, найдя такой способ эксплуатации городского имущества нехозяйственным, предлагает в помощь управе образовать «особую садовую комиссию» [11, л. 5].

В отношении первого заявления городская управа объяснила городскому голове, что панель на Бульварной площади с уничтожением существования бульвара является почти единственным в городе местом для гуляния по будням, в особенности же в праздничные дни здесь бывает масса публики, «ширина же панели настолько незначительна, что крайне стесняется гулянье» [11, л. 5]. Обстоятельство это давно уже обращает на себя внимание городской управы, и вопрос об уширении панели напрашивается сам по себе. Косвенное подтверждение этого можно найти в самом заявлении гласного Балабанова, который, однако, вопрос этот решает иным способом, а именно посадкой нового ряда деревьев. Таким образом уширение панели помимо тех неправильностей, которые находит гласный Балабанов, само по себе является необходимым и вызывается потребностью в просторном месте для гуляния [11, л. 5]. На работы, по расчетам Балабанова, требовалось не более 200 р., которые выделяются из годового бюджета города, ассигнации на содержание садов, бульваров и проч. (ст. 25 сметы) [11, л. 5]. Во втором заявлении гласного М.И. Балабанова выявляется факт вырубки деревьев из второй рощи (Балабановские рощи). В своем ответе городская управа пишет: «Деревья вырубались не с целью употребления их на колья и не из хозяйственного расчета, а потому, что по правилам лесоводства такая вырубка, через определенные промежутки времени, рекомендуется как полезная мера для роста леса» [11, л. 5]. По этим правилам лиственные деревья должны находиться на расстоянии друг от друга не меньше одной сажени, между тем в настоящее время местами промежутки между деревьями 1 аршин и менее [11, л. 5]. Выкапывать эти деревья, как предлагает г. Балабанов, также не рекомендуется, так как при копке неминуемо потревожились и повредились бы корни соседних деревьев. Этими соображениями руководствовалась городская управа при вырубке деревьев и ими же будет руководствоваться и в будущем при вырубке как в Балабановской роще, так и на других участках [10, л. 6]. М.И. Балабанов же предлагает: «Если вырубленные деревья городская управа не употребила бы на колья, то надо было их продавать на дрова, или обложить ими участки для защиты, как это делалось ранее» [11, л. 6]. Большим компромиссом в данном споре стало решение пригласить опытного лесовода [11, л. 6].

Им стал городской садовник А.В. Вольский. Он сразу же приступил к работе: «Обращаю внимание на рощу, которой требуется необходимость правильной обрезки и разчищении, без которой будут задержаны их рост ... а также через эту лушину может приютиться различный бродячий народ. Так как в роще № 1 бывает много гуляющей публики, то я, Вольский, покор-

нейше прошу городскую управу о назначении сторожа по средней роще, где находится водопровод. Нахичевань н/Д» [11, л. 7].

В 1899 г. городским лесничим был осуществлен осмотр рощ и вынесено решение о проведении работ [11, л. 12]. При осмотре лесных насаждений города Нахичевани-на-Дону 6 октября оказалось, что на первом участке Балабановской рощи вследствие несвоевременных очисток насаждений от сорных трав, а также из-за неправильной обрезки ветвей и обнажения почвы произошло угнетение насаждений. Прежде всего, отметил лесничий, требуется рыхление почвы земледельческими орудиями, особенно в тех местах, где насаждения не сомкнулись. Там же, где насаждения сомкнулись и велась обрезка ветвей или не велась, необходима немедленная прорубка всех угнетенных деревьев и оставление наиболее сильных экземпляров, но так, чтобы полог насаждений не размыкался [11, л. 12]. На средней и третьей дачах необходимо сделать рыхление почвы с удалением сорных трав, особенно пырея.

Также лесничий выявил, что «в каждой части и третьей дачи, где ряды насаждений состоят друг от друга на 10–12 футов и где нет ильмовских пород, а также ясеня, остролистного и полевого клена, необходима осенняя вспашка на глубину $\frac{1}{2}$ –3 вершка с боронением, в то же время и высокого бурьяна, и в течение 1900 г. необходима трех-четырёхкратная очистка почвы от сорных трав копанием, культивированием и ручной мотыгой в рядах» [11, л. 12].

Весной же 1901 г. необходима посадка дуба между рядами. Для удобства вытаскивания срубленных при прореживании для уменьшения стесненности и складирования в сажени необходимо в каждой части, а также и в северной «балабановской даче» прорубить 3 сажени просеки с востока на запад. Вообще же для прочности всех насаждений города Нахичевани-на-Дону необходимо введение в них дуба, который совершенно отсутствует, ибо посадки из ильмовых пород, ясеня, остролиста и полевого клена не могут быть удовлетворительными [11, л. 12].

Излюбленными местами летнего гуляния горожан были городские сады, среди которых выделялся Александровский, находящийся на западной окраине справа при въезде в Нахичевань из Ростова-на-Дону. На том месте, где Александровский сад, от Ростово-Нахичеванского шоссе до берега Дона была глубокая балка, в которую вливался поток воды со всей прилегающей к ней Георгиевской площади, с каждым годом углубляя и расширяя ее [8, с. 293]. Нахичеванский летописец Г. Патканян приводил такие сведения об основании сада: «Наконец в восьмидесятых годах решили тут создать сад, засыпав балку. Над балкой были кузни. Их удалили и началась усиленная засыпка балки, причем сюда свозили землю с котлованов всех построек и мусор. Балку завалили, насадили деревья, однако они шли плохо из-за отсутствия поливки. Но к концу восьмидесятых годов, когда в городе появился водопровод и в сад провели трубы, он сразу ожил, и до сих пор идет хорошо. Одно время в этом саду Чахирьян устроил театр-ротонду, пригласил лучший оркестр, лучших артистов. Сад этот не только для нахичеванцев, но и всему Ростову служил местом летнего гуляния. Однако театр и ротонда сгорели, вновь их не выстроили, теперь сад поддерживается распоряжением Северо-Кавказского железнодорожного управления» [8, с. 293].

Его главный вход подчеркивался рустованными столбами – опорами металлических ворот. Площадка перед воротами ограничивалась с боков высокими объемами, увенчанными четырехгранными сферическими покрытиями со шпильями. Дорические колонны этих сооружений связывали их со стоящей по оси входа триумфальной аркой, завершенной ступенчатым верхом с вазами по краям [7, с. 49–50].

В начале XX в. расположенный с южной стороны соборного храма зеленый массив был переоборудован в Приказчицкий и Коммерческий сады. Они были снабжены скамьями для отдыха, киосками для продажи цветов и прохладительных напитков, эстрадами-раковинами с партером для зрителей и летними клубными зданиями; по сторонам аллей и на клумбах разводили садовые цветы. В саду Коммерческого клуба с сословно ограниченным входом имелась детская площадка, фонтан; летом на эстраде ежедневно играл духовой оркестр, часто выступали приезжавшие на гастроли артисты. От Бульварной площади сады были отделены каменной балюстрадой на подпорных стенках, которая в двух местах, по сторонам городского театра, прерывалась широкими лестницами. В конце первого десятилетия эти лестницы закрыли, поскольку

часть сада Коммерческого клуба выделили для Екатерининской женской гимназии, а сада Приказчицкого клуба – для детской игровой площадки, называвшейся в обиходе «Иордань».

Кроме фонтана в саду Коммерческого клуба, в центральной части города имелось еще два: один – в саду севернее соборного храма, другой – к востоку от него, у площади Льва Толстого. Первый имел высоту более 6 м с огромной (диаметром более 4 м) высоко приподнятой чашей, второй, простой по формам и масштабный по своему окружению, завершал перспективу 2-й Соборной улицы, придавая ей известную законченность [7, с. 50–51].

В начале 90-х гг. XIX в. городскому голове М.И. Балабанову удалось купить корпус каменных лавок у Хатранова и других. Сломали все лавки к югу от собора Сурб Григор Лусаворич, начиная от 19-й линии, по Бульварной площади и до 25-й линии, где был разбит бульвар, построили ротонду Коммерческого клуба, на углу – Екатерининскую женскую гимназию [8, с. 293]. Снесли бульвар ввиду проведения на этом месте линии трамвая и устроили широкий асфальтовый тротуар с посаженными в два ряда деревьями, со скамейками, по которому всегда гуляла публика.

В 90-х гг. городская дума издала обязательное постановление об устройстве на всех улицах и в переулках тротуаров и насаждении деревьев по бровке этих тротуаров [8, с. 293]. Так, в 1893 г. «городской управой заготовлено 1438 саженцев для рассадки по улицам и площадям города. Предстоящей весной предполагается закончить посадку деревьев на Софиевской, Соборной и Георгиевской улицах и засадить Екатерининскую площадь растительными тополями и замощенные в прошлом году линии 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14, 16, 18» [15, с. 1].

Итак, в заключение исследования можно сделать вывод, что после первых неудач разведения садов в городе вследствие отсутствия полива жители Нахичевани стали закладывать их в более подходящих местах. В центре города сооружается бульвар вдоль центральных площадей Нахичевани, разбиваются сады на окраинах города: Александровский сад, Балабановские рощи. Городское управление заботилось об этих садах, проводило посадку новых и обрезку старых деревьев. Эти сады стали любимым местом горожан, где можно отдохнуть в тени деревьев и насладиться природой.

Список источников

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 45 : в 3 отд. Отд. 1: № 47862–48529. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1874. 897 с.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое : С 1649 по 12 декабря 1825 года. Т. 20 : 1775-1780. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 1041 с.
3. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным : в 10 ч. М.: Т-во тип. А.И. Мамонтова, 1908. Ч. 10. 497 с.
4. Демидов А.Н. Путешествие в южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 году Анатолием Демидовым, украшенное рис. Раффе. М.: Тип. А. Семена, 1853. 543 с.
5. Бархударян В.Б. История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / под ред. С. Дароян, В. Хачатурян; пер. с арм. Н. Григорова. Ереван: Айастан, 1996. 528 с.
6. Богданян А. Из прошлого (о переселении армян на Дон) : краткий исторический очерк. Ростов н/Д.: Ростиздат, 1947. 55 с.
7. Халпахчян О.Х. Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ереван: Айастан, 1988. 166 с.
8. Келле-Шагинов И. Моя единственная жизнь: дневники и воспоминания. Ростов н/Д.: Старые русские, 2015. 320 с.
9. Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. 91. Оп. 1. Д. 57.
10. Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 3. Оп. 25. Д. 237.
11. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 168.
12. Сидоров В. С. Энциклопедия старого Ростова и Нахичевани-на-Дону. Ростов н/Д.: ДГПБ, 1993. Т. 1. 224 с.
13. Казаров С.С. Балабановские рощи как место исторической памяти донских армян // История повседневности. 2023. № 2. С. 100–109.
14. ГАРО. Ф. 91. Оп. 1. Д. 1195.
15. Ведомости Нахичеванской-на-Дону городской Думы. 1893. № 8.

References

1. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection.* Vol. 45: in 3 sections. Section 1: No. 47862-48529. St. Petersburg: Printing House of the 2th Department of Owners of His Imperial Majesty's Chancellery; 1874. 897 p. (In Russ.).
2. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection.* From 1649 to 12th December 1825. Vol. 20: 1775-1780. St. Petersburg: Printing House of the 2th Department of Owners of His Imperial Majesty's Chancellery; 1830. 1041 p. (In Russ.).
3. Shchukin P.I., publ. *Papers related to the Patriotic War of 1812.* In 10 parts. Moscow: A.I. Mamontov Printing House Partnership; 1908. Part 10. 497 p. (In Russ.).
4. Demidov A.N. *Travel to southern Russia and Crimea through Hungary, Wallachia and Moldavia made in 1837 by Anatoly Demidov.* Decorated fig. Raffé. Moscow: Printing House of A. Semen; 1853. 543 p. (In Russ.).
5. Barkhudaryan V.B. *History of the Armenian colony New Nakhichevan (1779-1917).* Ed. by S. Daroyan, V. Khachatryan. Transl. from Armenian by N. Grigorov. Yerevan: Aiastan Publ.; 1996. 528 p. (In Russ.).
6. Bogdanyan A. *From the past (about the resettlement of Armenians to the Don): a brief historical sketch.* Rostov-on-Don: Rostizdat Publ.; 1947. 55 p. (In Russ.).
7. Khalpakhch'yan O.Kh. *Architecture of Nakhichevan-on-Don.* Yerevan: Aiastan Publ.; 1988. 166 p. (In Russ.).
8. Kelle-Shaginov I. *My only life: diaries and memories.* Rostov-on-Don: Starye russkie Publ.; 2015. 320 p. (In Russ.).
9. *State Archive of the Rostov Region* (hereinafter – SARR). Fund 91. In. 1. File 57. (In Russ.).
10. *Russian State Archive of the Navy.* Fund 3. In. 25. File 237. (In Russ.).
11. SARR. Fund 91. In. 1. File 168. (In Russ.).
12. Sidorov V.S. *Encyclopedia of old Rostov and Nakhichevan-on-Don.* Rostov-on-Don: Don State Public Library Press; 1993. Vol. 1. 224 p. (In Russ.).
13. Kazarov S.S. Balabanov groves as a place of historical memory of the Don Armenians. *Istoriya povsednevnosti = History of Everyday Life.* 2023;(2):100-109. (In Russ.).
14. SARR. Fund 91. In. 1. File 1195. (In Russ.).
15. *Vedomosti Nakhichevanskoi-na-Donu gorodskoi Dumy = Gazette of the Nakhichevan-on-Don City Duma.* 1893;(8). (In Russ.).

Информация об авторе

C.C. Козлов – кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории.

Information about the author

S.S. Kozlov – Candidate of Science (History), Assistant of the Department of History.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 27.07.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 09.07.2024; approved after reviewing 27.07.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья

УДК 93/94

doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-67-73

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, В РОССИИ (X – XVIII ВЕКА)

Евгений Александрович Паламарчук¹, Ирина Анатольевна Семенцова^{2✉},
Ольга Васильевна Толопченко³

^{1,2,3} Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Россия

^{1,2} Филиал Московского университета им. С. Ю. Витте в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

³ tolopchencko.olga@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются основные тенденции процесса эволюции заботы в России о детях-сиротах и детях, оставшихся без родительского попечения, как одной из социальных функций государства. Анализируется ряд нормативно-правовых установлений разных лет, в которых закреплены нормы, регулирующие работу домов призрения на Руси и в России в разные временные периоды. Сделан вывод, что зарождение государственной системы социального призрения происходит в годы правления Петра Великого, но лишь к концу XVIII столетия меры по решению проблемы защиты детей, относящихся к указанным категориям, стали приобретать централизованный государственно-правовой характер. Данная статья будет полезна студентам, магистрам, аспирантам и все лицам, интересующимся историко-правовыми аспектами регулирования воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: социальное призрение, дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей, семья, помощь, опека, забота, воспитательные дома

Для цитирования: Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Толопченко О.В. Социально-правовые аспекты защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в России (X – XVIII века) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 67–73.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SOCIAL AND LEGAL ASPECTS OF PROTECTING THE RIGHTS OF ORPHANS AND CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE IN RUSSIA (10th-18th CENTURIES)

Evgeny A. Palamarchuk¹, Irina A. Sementsova^{2✉}, Olga V. Tolopchenko³

^{1,2,3} Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

^{1,2} Branch of Witte Moscow University in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia

¹ epalamar@mail.ru

² irina_semen@inbox.ru✉

³ tolopchencko.olga@yandex.ru

© Паламарчук Е.А., Семенцова И.А., Толопченко О.В., 2024

Abstract. The authors consider the main trends in the evolution of care in Russia for orphaned children and children left without parental care as one of the social functions of the state. The article analyzes a number of legal regulations of different years, which enshrine the norms governing the operation of care homes in Russia and in Russia in different time periods. The authors concluded that the emergence of state social care occurred during the reign of Peter the Great, but only by the end of the 18th century, measures to solve the problem of protecting children belonging to these categories began to acquire a centralized state-legal character. This article will be useful for students, masters, postgraduates and all persons interested in the historical and legal aspects of regulating the upbringing of children left without parental supervision.

Keywords: social charity, orphans, children left without parental care, family, help, guardianship, care, educational homes

For citation: Palamarchuk E.A., Sementsova I.A., Tolopchenko O.V. Social and Legal Aspects of Protecting the Rights of Orphans and Children Left without Parental Care in Russia (10th-18th Centuries). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):67-73. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Проблема защиты прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, была актуальна во все времена. Если ее современное состояние достаточно хорошо изучено, то период X – XVIII вв., хотя и не обделен вниманием ученых, до сих пор не становился предметом специального комплексного изучения, в связи с чем считаем наше обращение к нему весьма своевременным и актуальным. Между тем на протяжении обозначенных нами веков поддержка указанных категорий детей постепенно эволюционирует от ранних видов помощи в рамках общины и церковной благотворительности, не носивших системного характера, до превращения в направление государственной социальной политики. Таким образом, данный материал проливает свет на один из важнейших аспектов российской государственности, связанный с развитием социальной функции государства и ее правовым обеспечением.

Для начала обратимся к вопросу о понятии «семья». Четкого научного определения последнего не существует. Оно многогранно и в каждой культуре, в каждом обществе существенно различается. Определение, которое, на наш взгляд, наиболее полно раскрывает указанный феномен, дает Российская социологическая энциклопедия: «Семья – это общественный механизм воспроизводства человека, отношения между мужем и женой, родителями и детьми, основанная на этих отношениях малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной моральной ответственностью и взаимопомощью» [1, с. 462].

Основными в семье являются воспитательная и защитная функции.

На современном этапе семья и государство тесно взаимодействуют в вопросах защиты детей: первая решает эту задачу на бытовом, второе – на правовом уровне. При этом лишь государство обладает такими механизмами регулирования, которые в комплексе воздействуют на каждого ребенка в обществе. Однако правовое регулирование, вне всякого сомнения, должно базироваться на историческом опыте с учетом характерных для него негативных и позитивных явлений, поскольку именно анализ исторических фактов позволяет сформировать систему защиты прав детей.

Обращаясь к первобытной эпохе, Ф. Энгельс констатировал состояние, при котором «мужья живут в многоженстве, а их жены одновременно – в многомужестве», в связи с чем «дети тех и других считаются общими детьми их всех...» [2, с. 23]. Можно предположить, что при коллективном воспитании ребенок не мог остаться без защиты, так как воспитание и защита детей возлагались на всю общину. Таким образом, в догосударственный период феномен сиротства в том понимании, которое он приобрел позднее, не существовал.

В то же время следует подчеркнуть, что основы формирования более современного вида семьи, традиции заботы о слабых и немощных у восточных славян были заложены ещё в период язычества. Уже тогда у них существовали различные обряды и нормы, посвященные устройству детей, оставшихся без родителей. В русском обычном праве упоминается о сыновстве или усыновлении. Усыновление совершалось или через женитьбу на вдове брата (пример – усыновление Святополка Владимиром), или посредством фактического приема усыновленного в дом,

или путем заключения специального договора между усыновителем и усыновленным. Наиболее распространенным примером усыновления являлся прием зятя («приймачество»), к которому прибегали в случае отсутствия сыновей [3, с. 534–535]. «Приймачество» становится и одним из способов выживания сирот, которые, как правило, входили в качестве «приймаков» в семьи пожилых людей, не имевших наследников и нуждавшихся в помощи по хозяйству [4, с. 26].

Первый же прецедент проявления заботы о сиротах со стороны светской власти связан с именем Ярослава Мудрого. Им было основано сиротское училище, в котором за счет княжеских средств содержалось и проходило обучение 300 подростков мужского пола [5]. Владимир Мономах в своей «Духовной детям» завещал защищать сирот.

Формы устройства детей-сирот в разные периоды истории имели свои особенности.

Первые основы соответствующего правового регулирования были заложены в период существования Древнерусского государства.

В дальнейшем, на протяжении длительного времени, именно система церковного (монастырского и приходского) призрения сирот, основанная на религиозных догматах любви к ближнему, остается доминирующей. В частности, осиротевших детей нередко свозили к имеющимся в каждом приходе скудельницам (общим могилам). Состоявшие при последних скудельники среди прочего заботились о сиротах, одновременно занимаясь и их воспитанием. Существовали же они за счет добровольных пожертвований местного населения [5, с. 126].

Целый ряд правил, касающихся детей указанных категорий, содержит Соборное уложение 1649 г. В годы правления царя Алексея Михайловича серьезной социальной проблемой стало умерщвление «засорных» (незаконнорожденных) младенцев их матерями, стремившимися таким образом скрыть совершенный ими грех. Соборное уложение устанавливало в качестве наказания за данное преступление смертную казнь: «А будет которая жена... в блуде приживет с кем детей, и тех детей сама, или кто по ее велению погубит, а сыщется про то допряма, и таких незаконных жен и кто по ее велению детей ее погубит, казнить смертью безо всякой пощады, чтоб на то смотря, иные такова незаконного и скверного дела не делали и от блуда уняли» (гл. XXII, ст. 26) [6, с. 131].

В то же время, вплоть до середины XVII в., когда были созданы приказы, занимавшиеся призрением бедных и сирот, никаких специализированных заведений подобного рода, будь то церковного или светского характера, в России не существовало. Лишь после того, как в споре за доминирование между светской и церковной властями победу одерживает первая, забота об этих детях обретает «государственно-церковный характер» [7, с. 18]. Сама идея государственного попечения о детях-сиротах возникает во второй половине XVII – начале XVIII в., когда, по существу, закладывается база для постепенного формирования системы общественного призрения. В 1681 г. высказывается необычная для того времени мысль о распространении мер социального призрения на детей, похищенных нищими [8, с. 16].

Смерть царя поставила на этих планах крест, но сама разработка подобного указа, по нашему мнению, обозначила тенденцию постепенного смещения центра тяжести в решении анализируемой проблемы в сторону государства.

Осознание властью необходимости отношения к защите детей-сирот как к государственной проблеме происходит уже в XVIII в. В 1713 г. Новгородский митрополит Иов распорядился выделить средства на содержание младенцев, нашедших пристанище во всех основанных им приютах [9, с. 67]. Отсюда питомцев направляли в учрежденные им же школы, по окончании которых они вливались в ряды церковнослужителей, служилых людей или посадского населения.

Этот опыт был одобрен Петром I. В Указе от 4 ноября 1715 г., согласно которому в Москве и иных крупных городах возникали «гошпитали для засорных младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства», содержалась ссылка на «пример Новгородского Архиерея». При этом были созданы условия для того, чтобы «жены и девки», прижившие незаконных младенцев, могли приносить их тайно, оставаясь неузнанными, что рассматривалось как мера по предотвращению детоубийства [10, с. 183]. Петром I были определены монастыри, на которые возлагались разные формы опеки сирот. Новодевичий монастырь был предназначен для приема последних, а Андреевский монастырь, располагавшийся в Пленницах, должен был заниматься обучением сирот и незаконнорожденных мужского пола

[9, с. 68]. У Иова нашлись последователи. Так, Новгородский архиепископ Феодосий (Яновский) в 1721 г. распорядился учредить при Александро-Невском монастыре на средства последнего Славенскую школу, в которой дети церковнослужителей и дети-сироты в возрасте от 5 до 13 лет обучались чтению, письму, грамматике. В том же году один из крупнейших государственных и церковных деятелей Петровской эпохи епископ Феофан Прокопович открыл в столице, в собственном доме, располагавшемся на набережной реки Карповки, школу, в которую принимали детей мужского пола 10–12 лет лиц «всякого звания», включая и сирот. Программа обучения, составленная самим Феофаном, включала широкий круг учебных дисциплин – русский, греческий и латинский языки, историю, географию, арифметику, музыку и рисование, в связи с чем современники окрестили это учебное заведение «очагом разума и духовности». Расходы по содержанию школы владыка взял на себя. Ей же он завещал все свое имущество [11, с. 187].

Указ от 23 октября 1723 г. позволял отдавать беспризорных детей в возрасте до 10 лет «в вечное владение», а тех, кто оказывался в богадельнях, предписывал по достижении 10 лет направлять на флот матросами [12, с. 69].

Таким образом, Петр I, руководствовавшийся во всех своих начинаниях соображениями пользы Отечеству, видел в оказании социальной помощи сиротам возможность сохранения для государства столь необходимых ему человеческих ресурсов и предпринял ряд шагов по усилению и законодательному оформлению роли государства в ее предоставлении. Однако и в его правление эта проблема осталась нерешенной. Годы, последовавшие за смертью реформатора, характеризовались ослаблением внимания властей к делу призрения осиротевших детей.

Значимый перелом в указанной сфере происходит при Екатерине II. Уже в первые годы ее царствования для детей-сирот и детей, оставшихся без родительского попечения, создаются воспитательные дома.

Этими закрытыми учебно-воспитательными учреждениями управлял Опекунский совет [13, с. 17]. Серьезной проблемой стала высокая смертность их обитателей. Так, в 1767 г. в воспитательные дома поступило 1089, а выбыло по причине смерти 1073 ребенка. Столь плачевное положение дел побудило Опекунский совет прибегнуть к практике передачи младенцев, достигших двухмесячного возраста, в крестьянские семьи, где поначалу им надлежало находиться в течение девяти месяцев, а начиная с 1777 г. – до достижения ими двух или трех лет. Затем они возвращались в воспитательный дом. Это позволило снизить показатели смертности в указанном заведении, но сама проблема осталась. Из 32 823 младенцев, переданных в крестьянские семьи с 1768 по 1796 г., выжило лишь 6768 детей [14, с. 64].

Существенным обстоятельством являлось то, что, согласно разработанному еще в 1763 г. уставу воспитательных домов, их обитатели и во время пребывания в приютах, и после выхода из них считались свободными людьми.

Указ предусматривал открытие в каждой губернии приказа общественного призрения (первым стал Новгородский приказ, а к 1800 г. их число возросло до 40) [15, с. 52] и передачу ими соответствующих детей в чужие семьи, соглашавшиеся брать их за определенную плату и отличавшиеся «добронравием». Помимо денег, таким детям выделялась одежда за казенный счет. В случае необходимости в эти семьи направлялся врач или надзиратель с целью оказания помощи. Указ требовал от воспитателей, чтобы ребенок «научился науке или промыслу или ремеслу, и доставлен был ему способ учиться добрым гражданином» [16, с. 31]. При определении направления обучения питомцев надлежало учитывать их социальное происхождение: детей из семей ремесленников обучали ремеслу, торговцев – основам торговли [17, с. 195].

В целом на организацию упомянутых приказов в царствование Екатерины II было израсходовано 330 тыс. р. [12, с. 74], а на содержание воспитательных домов самой императрицей передано в общей сложности 2 000 050 р. [18, с. 66]. В то же время, по замыслу царицы, основные средства на указанные цели должны были поступать от частных благотворителей [19, с. 13].

Приняла у Екатерины эстафету шефства над воспитательными домами (со 2 мая 1797 г.) супруга Павла I императрица Мария Федоровна, выяснив, что весьма острой оставалась проблема детской смертности (за 30 лет из поступивших туда 65 тыс. детей выжило лишь 7 тыс.). Те же, кто вырос, по ее мнению, «оказались менее всех граждан полезными своему отечеству и дошли

до последней стадии падения» [14, с. 66–67]. Марией Федоровной был сделан очередной шаг по пути развития патронажа. Согласно Императорскому указу от 24 декабря 1797 г., подавляющая часть питомцев воспитательных домов передавалась в семьи государственных крестьян, характеризовавшихся «добрым поведением», где мальчики находились до 17, а девочки – до 15 лет [14, с. 67]. Всего стараниями Марии Федоровны в империи было открыто 500 учреждений благотворительного характера, значительная часть которых была ориентирована на помощь детям-сиротам и младенцам из бедных семей.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что X – XVIII вв. стали периодом возникновения и становления на Руси и в России социального призрения сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. На ранних этапах этого процесса роль государства значительно уступала соответствующему вкладу церкви. Первые шаги, в которых можно усмотреть элементы зарождения государственной системы социального призрения, были предприняты в правление Петра Великого. Однако лишь к концу XVIII столетия дело социального обеспечения в целом и социального призрения вышеуказанных категорий детей в частности превращается в часть постепенно формирующейся государственной социальной политики, под которую закладывается необходимая законодательная база, носящая пока еще фрагментарный характер. По нашему мнению, меры по обеспечению защиты беспризорных детей приняли централизованный государственно-правовой характер, а их реализация стала делом государственной бюрократии. По существу, были заложены социальные и юридические основы, позволившие в XIX в. создать определенную систему общественного призрения, тем самым расширить институт опеки и попечительства в России.

Список источников

1. Российская социологическая энциклопедия / под общ. ред. Г. В. Осипова. М.: НОРМА-ИНФРА – М, 1998. 664 с.
2. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства / пер. с нем. СПб.: Лениздат, Команда А, 2014. 256 с.
3. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М.: Территория будущего, 2005. 800 с.
4. *Савельев А. Н.* Формы и виды помощи восточных славян // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2015. № 28. С. 24–29.
5. *Нестеров А. Ю., Прошин М. С.* Ретроспектива социальной защиты и процесса социализации детей, оставшихся без попечения родителей // Человеческий капитал. 2012. № 3. С. 125–133.
6. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии / рук. авт. коллектива А. Г. Маньков. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. 448 с.
7. *Азизбаева Р. Е.* Призрение сирот и незаконнорожденных в России XVIII века : автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2003. 33 с.
8. *Хохидра О. Н.* Государственно-правовое регулирование защиты прав и законных интересов детей в дореволюционной России : автореф. дис. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2008. 26 с.
9. *Черкашина Н. В., Лаврентьева Т. В.* Деятельность духовенства и монашества в призрении незаконнорожденных детей и сирот // Право и государство: теория и практика. 2018. № 9. С. 65–69.
10. *Селютин Е. Н.* Государственная правовая политика в отношении сирот в России: исторический опыт и современное состояние // Среднерусский вестн. обществ. наук. 2014. № 6. С. 182–190.
11. *Гусакова В. О.* Светское и религиозное просвещение и воспитание в эпоху Петра I // Учен. зап. Новгородского гос. ун-та. 2023. № 3. С. 186–189.
12. *Буряк Е. М.* «Милостивая Русь». Законодательное оформление общественного призрения в рамках социальной политики в России XVIII века // Вестн. Удмуртского ун-та. 2016. № 4. С. 68–76.
13. *Жилыева С. К.* История призрения сирот в России как государственная проблема в XVIII веке // История государства и права. 2010. № 2. С. 13–19.
14. *Быстров А. А.* «Сохранение жизни неповинных младенцев»: воспитательные дома в России в XVIII – начале XX века // Человек. 2011. № 3. С. 58–72.
15. *Хазова Ю. О.* Обращение к истории социальной поддержки: приказы общественного призрения // Ист. науки. 2010. № 5. С. 52–53.
16. Систематизация мировой и отечественной законодательной базы, научных разработок и опыта организации социализации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : науч.-аналит. обзор / авт.-сост. Н. А. Шайденко. Тула: ТППО, 2022. 151 с.

17. Черкашина Н. В. Роль приказов общественного призрения по содержанию и обучению незаконнорожденных детей // Вестн. Владимирского юрид. ин-та. 2010. № 3. С. 193–201.
18. Фруменкова Т. Г. Екатерина II и И. И. Бецкой (1764–1767 гг.) // Вестн. Герценовского ун-та. 2009. № 2. С. 63–67.
19. Азерникова И. П. Деятельность вдовствующей императрицы Марии Федоровны: истоки благотворительности в России // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2010. № 30. С. 12–17.

References

1. Osipov G.V., ed. *Russian sociological encyclopedia*. Moscow: NORMA-INFRA Publ.; 1998. 664 p. (In Russ.).
2. Engels F. *Origin of family, private property and state*. Transl. from German. St. Petersburg: Lenizdat, Komanda A Publ.; 2014. 256 p. (In Russ.).
3. Vladimir-Budanov M.F. *Review of the history of Russian law*. Moscow: Territoriya budushchego Publ.; 2005. 800 p. (In Russ.).
4. Savel'ev A.N. Forms and types of assistance to the Eastern Slavs. *Intellektual'nyi potentsial XXI veka: stupeni poznaniya = Intellectual Potential of the 21th Century: Stages of Knowledge*. 2015;(28):24-29. (In Russ.).
5. Nesterov A.Yu., Proshin M.S. Retrospective of social protection and the process of socialization of children left without parental care. *Chelovecheskii kapital = Human Capital*. 2012;(3):125-133. (In Russ.).
6. Man'kov A.G., head of the aut. team. *Cathedral code of 1649: text, comments*. Leningrad: Nauka Publ., Leningrad Department; 1987. 448 p. (In Russ.).
7. Azizbaeva R.E. *The charity of orphans and illegitimate in Russia of the 18th century*. Dissertation Thesis. Moscow, 2003. 33 p. (In Russ.).
8. Khokhidra O.N. *State-legal regulation of the protection of the rights and legitimate interests of children in pre-revolutionary Russia*. Dissertation Thesis. Nizhny Novgorod, 2008. 26 p. (In Russ.).
9. Cherkashina N.V., Lavrent'eva T.V. The activities of the clergy and monasticism in the charity of illegitimate children and orphans. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: Theory and Practice*. 2018;(9):65-69. (In Russ.).
10. Selyutina E.N. State legal policy in relation to orphans in Russia: historical experience and current state. *Srednerusskii vestn. obshchestv. nauk = Central Russian Bulletin of Social Sciences*. 2014;(6):182-190. (In Russ.).
11. Gusakova V.O. Secular and religious education and education in the era of Peter I. *Uchen. zap. Novgorodskogo gos. un-ta = Scientific Notes of Novgorod State University*. 2023;(3):186-189. (In Russ.).
12. Buryak E.M. “Gracious Russia”. Legislative registration of public charity within the framework of social policy in Russia of the 18th century. *Vestn. Udmurtskogo un-ta = Bulletin of Udmurt University*. 2016;(4):68-76. (In Russ.).
13. Zhilyaeva S.K. History of charity of orphans in Russia as a state problem in the 18th century. *Istoriya gosudarstva i prava = History of State and Law*. 2010;(2):13-19. (In Russ.).
14. Bystrov A.A. “Preservation of the life of innocent babies”: educational houses in Russia in the 18th - early 20th century. *Chelovek = The Human Being*. 2011;(3):58-72. (In Russ.).
15. Khazova Yu.O. Appeal to the history of social support: orders of public charity. *Istoricheskie nauki = Historical Sciences*. 2010;(5):52-53. (In Russ.).
16. Shaydenko N.A., comp. *Systematization of the world and domestic legislative framework, scientific developments and experience in organizing the socialization of orphans and children left without parental care*. Scientific and analytical review. Tula: TPPO Publ.; 2022. 151 p. (In Russ.).
17. Cherkashina N.V. The role of public charity orders for the maintenance and training of illegitimate children. *Vestn. Vladimirskogo yurid. in-ta = Bulletin of the Vladimir Law Institute*. 2010;(3):193-201. (In Russ.).
18. Frumenkova T.G. Catherine II and I.I. Betskaya (1764-1767). *Vestn. Gertsenovskogo un-ta = Bulletin of the University of Herzen*. 2009;(2):63-67. (In Russ.).
19. Azernikova I.P. The activities of the Dowager Empress Maria Fedorovna: the origins of charity in Russia. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta = Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2010;(30):12-17. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. А. Паламарчук – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, РИ ВГУЮ; профессор кафедры гражданского права и процесса, Филиал МУ в г. Ростове-на-Дону.

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Филиал МУ в г. Ростове-на-Дону; доцент кафедры уголовного права и криминологии, РИ ВГУЮ.

О.В. Толопченко – кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук.

Information about the authors

E. A. Palamarchuk – Doctor of Science (History), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, RI ARSUJ; Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Branch of the MU in Rostov-on-Don.

I. A. Sementsova – Candidate of Science (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure, Branch of the MU in Rostov-on-Don; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology, RI ARSUJ.

O.V. Tolopchenko – Candidate of Science (Pedagogics), Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Sciences.

Статья поступила в редакцию 19.08.2024; одобрена после рецензирования 13.09.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 19.08.2024; approved after reviewing 13.09.2024; accepted for publication 20.09.2024.

Научная статья
УДК 93/94
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-74-83

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПОХОДЕ СУЛТАНОВ БАХТЫ-ГИРЕЯ (ДЕЛИ-СУЛТАНА) И МУРАД-ГИРЕЯ НА КАБАРДУ ВЕСНОЙ 1729 ГОДА

Дмитрий Владимирович Сень

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
dvsen@sfnedu.ru

Аннотация. Анализируются замысел, организация и условия реализации похода на Кабарду весной 1729 г., возглавляемого султанами Бахты-Гиреем (Дели-султаном) и Мурад-Гиреем. Рассматриваются основные дискуссионные вопросы изучения темы, связанные с количеством сил, выступивших в поход, с его причинами и поводами (имевшими особое значение именно для Бахты-Гирея), с последовательностью боевых действий и т.п. Приводятся новые аргументы в пользу мнения о том, что войско султанов не было многотысячным и что кабардинцы, вероятно, могли даже численно превосходить его. В научный оборот вводятся новые документальные источники, позволяющие уточнить уже сложившиеся в историографии оценки боевых действий, а также состава противостоящих друг другу сил. Впервые в историографии подробно аргументировано мнение об участии калмыков, традиционно поддерживавших Бахты-Гирея, в боевых действиях. Критически разбирается тезис о штурме нападающими так называемых Крымских стен и что их отступление действительно имело место и переросло в бегство. Выявлены новые данные, сообщающие о гибели в Кабарде султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея, намеренное убийство которых, судя по всему, изначально не входило в планы князей Кургокиных.

Ключевые слова: Баксанская битва, военный поход, Кабарда, калмыки, Крымское ханство, Кубань, султан Бахты-Гирей

Для цитирования: Сень Д.В. Новые данные о походе султанов Бахты-Гирея (Дели-султана) и Мурад-Гирея на Кабарду весной 1729 года // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 74–83.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

NEW DATA ON THE CAMPAIGN OF SULTANS BAKHTY-GIRAY (DELHI-SULTAN) AND MURAD-GIRAY AGAINST KABARDA IN THE SPRING OF 1729

Dmitriy V. Sen'

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
dvsen@sfnedu.ru

Abstract. The concept, organization and conditions of the campaign against Kabarda in the spring of 1729, led by the sultans Bakhty-Giray (Delhi-Sultan) and Murad-Giray, are analyzed. The main controversial issues of the study of the topic are considered, related to the number of forces that set out on the campaign, its reasons and causes (which were of particular importance for Bakhty-Giray), the sequence of military actions, etc. New arguments are presented in support of the opinion that the army of the sultans was not many thousands strong and that the Kabardians could probably even outnumber it. New documentary sources are being introduced into scientific circulation, allowing us to clarify the assessments of military operations that have already been established in historiography, as well as the composition of the opposing forces. For the first time in historiography, the opinion about the participation of Kalmyks, who traditionally supported Bakhty-Giray, in military operations has been substantiated in detail. The thesis about the attackers storming the so-called Cri-

mean walls and that their retreat actually took place and turned into a flight is critically examined. New information has been revealed that reports the death of the sultans Bakhty-Giray and Murad-Giray in Kabarda, whose deliberate murder, apparently, was not originally part of the plans of the princes Kurgokin.

Keywords: The Battle of Baksan, military campaign, Kabarda, Kalmyks, Crimean Khanate, Kuban, Sultan Bakhty-Giray

For citation: Sen' D.V. New Data on the Campaign of Sultans Bakhty-Giray (Delhi-Sultan) and Murad-Giray against Kabarda in the Spring of 1729. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):74-83. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

История похода на Кабарду в апреле 1729 г. войска двух султанов – Бахты-Гирея (Дели-султана) и его брата, кубанского сераскера Мурад (Имеат)-Гирея – по-прежнему содержит немалые лакуны. До сих пор (по сравнению с достижениями советской археографии) не были введены в оборот новые исторические источники, верифицирующие или дополняющие потенциал уже накопленной источниковой базы. Ключевые обстоятельства и события апрельского похода 1729 г. реконструированы в науке весьма приблизительно, включая представления о цели и задачах похода, о составе противостоящих друг другу сил и т.п. Ответы на эти и другие актуальные вопросы связаны также с тем, что история указанных событий неотделима от личности кубанского султана Бахты-Гирея, старшего сына крымского хана Девлет-Гирея II, одного из ведущих военно-политических лидеров Северного Кавказа первой трети XVIII в. [1–3].

«Неожиданная» гибель в Кабарде Дели-султана и его родного брата стала одним из главных последствий похода, существенно изменив расклад сил в регионе (учитывая масштаб влияния, оказываемого Бахты-Гиреем на жизнь местных народов, и немалую заинтересованность российского и османского дворов в его устранении). При этом проблематично говорить о том, что крымский хан Менгли-Гирей готовил Бахты-Гирею «смертельную ловушку» в Кабарде, как это утверждала З.Б. Кипкеева [4, с. 27]. Менгли-Гирей не был столь основательно связан с кабардинцами и, судя по всему, вовсе не «давил» на Бахты-Гирея в его решении напасть на Кабарду.

Цель статьи – исследовать замысел и направленность похода султанов Гиреев на Кабарду весной 1729 г., определить состав участников и условия его осуществления, а также реконструировать обстоятельства гибели братьев – султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея. В процессе достижения цели анализировались аргументы других историков по дискуссионным вопросам темы статьи, выявлялись и вводились в научный оборот новые документальные источники, потенциал которых исследовался автором в сравнении с уже известными науке данными.

События весны 1729 г. в Кабарде, повлекшие за собой гибель султана Бахты-Гирея и его родного брата, регулярно упоминаются в трудах по истории Кабарды и Крымского ханства [5; 6, с. 93; 7, с. 62]. Т.Х. Алоев одним из первых исследовал общее и отличительное в истории похода 1729 г., включая Баксанскую битву, на фоне других случаев отражения кабардинцами крымского натиска [5]. Он постарался установить формальных и фактических организаторов похода, обратившись к фигурам хана Менгли-Гирея, султана Бахты-Гирея и князя Асланбека Кайтукина. Реконструируя события похода, историк также писал о штурме войсками братьев-султанов так называемых Крымских стен, предложил аргументы для датировки Баксанской битвы, в том числе опираясь на редкий источник, обнаруженный Ю. Клапротом, – рукопись («летопись крымских государей»), написанную на ногайско-татарском языке [8, с. 110–111; 9, с. 44–45].

Т.Х. Алоев подверг критике сведения из указанной рукописи, относящиеся к подробностям битвы, включая организацию кабардинцами сопротивления войску султанов, и пришел к выводу о разгроме «крымцев» на второй день битвы по итогам «упорного, вязкого сражения, потребовавшего привлечения всей военной мощи страны» [5, с. 192]. Историк прибег к маловерифицируемым допущениям в ходе реконструкции событий, как предшествовавших битве, так и последовавших за ней. Критику построений Т.Х. Алоева о событиях Баксанской битвы осуществил А. Шейхумеров [10]. Он небезосновательно упрекнул коллегу в отсутствии данных, подтверждающих целенаправленные действия крымского хана Менгли-Гирея II по организации

похода на Кабарду, в преувеличении количества войск, задействованных султанами Бахты-Гиреем и Мурад (Имеат)-Гиреем, в недостатке данных для утверждения о штурме крымцами и кубанцами так называемых Крымских стен в апреле 1729 г. и т.п. Так, он резонно заметил: «Раз битва была возле “Крымских стен”, из этого нельзя сделать вывод, что имел место штурм этих самых стен (так можно любую битву под любым городом именовать непременно штурмом этого города)» [10].

В 1728 г. – первой половине 1729 г. положение султана Бахты-Гирея на Кубани вновь упрочилось в том числе из-за состоявшегося туда похода калмыков [2, с. 151–152], после чего Дели-султан вновь стал к весне 1728 г. «действительным султаном» [11, л. 323]. Хан Менгли-Гирей был вынужден примириться со своим мятежным племянником; недаром в Стамбуле говорили, что хан «дает знать Дели-султану, чтоб он удовольствовался в Кабарди и в Кубане сераскером или при хане калгою» [12, л. 129 об.]. Недавно нам удалось установить, что калгайство в итоге было пожаловано Дели-султану, но калгайство особого рода! Весной (в феврале?) 1729 г. на Кубань из Крыма приехал младший брат Бахты-Гирея, который привез «ис Крыму указ, чтоб де ему быть в Кубане калга-солтаном надо всеми кубанскими татарами. С тою де ведомостью о весте калга-солтаном поехал он Бакта-Гирей и по всем улусом, чтоб про то знали...» [13, л. 238].

Правда, в другом источнике 1729 г. говорилось о том, что в феврале из Крыма был прислан «на Кубань калгою» (не вполне ясно – его прислал калга или он был прислан в качестве калги?) тот самый младший брат Дели-султана, а самому Бахты-Гирею «прислано в жалованье много луков, сабель и протчего» [13, л. 225 об.]. Весьма осведомлённый крымчакский хронист Давид Лехно подтверждал отправку ханом Менгли-Гиреем на Кубань к Бахты-Гирею его брата с милостивым ханским словом, благосклонно воспринятым [14, р. 291–292]. При этом хронист ничего не говорил о том, что хан повелевал Дели-султану напасть на Кабарду или он давал ему для этого войско. Более того, один из братьев Мурад-Гирея и Бахты-Гирея, Фатих-Гирей, выступил против похода на кабардинцев, что вызвало гнев Дели-султана [14, р. 292].

Между тем в «летописи крымских государей, написанной на ногайско-татарском языке», использованной Ю. Клапротом, говорилось о том, что Бахты-Гирей и Мурад-Гирей «вступили в Кабарду с мощной армией, чтобы покорить живущих здесь черкесов» [9, с. 44]. Были ли в ее составе собственно «крымцы» – вопрос по-прежнему открытый. Правда, об участии крымцев в кампании 1729 г. сообщается в нескольких источниках, причем от лица кабардинцев. Так, очевидец событий М. Атажукин сообщал весной 1732 г., т.е. *по прошествии нескольких лет*: «Араслан-бек (Асланбек Кайтукин. – Д.С.) з Бахты-Гирей салтаном и сераскер-салтаном (Мурад-Гиреем. – Д.С.), со многими крымскими войсками (курсив наш. – Д.С.) приходил на владение их в Большую Кабарду для взятия их, владельцев, со всем владением в Крым. И тогда оной Бахты-Гирей салтан с сераскер-салтаном от них, кабардинцев, до смерти побиты, и войско их разбито. А он, Араслан-бек, паки с крымским войском в Крым ушел» [15, с. 61].

В другом месте он уточнял: «...хан (Менгли-Гирей. – Д.С.) дав ему, Дели-Салтану, крымское и кубанское войско с сераскер-султаном и Аслам-беком, для взятия их, кабардинских владельцев, и перевезения со всем их владением в Крым, них, Большую Кабарду, отправил; и по прибытии к ним на Большую Кабарду» [15, с. 63].

Из прошения от 1 июня 1742 г. кабардинских князей М. Кургокина с братьями следовало: «И також, когда брат наш Арслан-бек Кайтукин намерен был Кабарду отдать крымцам, и тогда Бахты-Гирей салтана и сераскер салтана с великим числом крымских войск (курсив наш. – Д.С.) на Кабарду приводил, а мы, баксанския князья, будучи в верном подданстве в. и. в. с ними, крымцами, сражение имели, при котором случае помянутых Бахты-Гирей салтана и сераскер салтана убили и войско их разбили. А потом паки помянутой брат наш Арслан-бек Кайтукин, Бети-Гирей сераскер салтана и Арслан-Гирей салтана с крымским войском на нас приводил...» [15, с. 102]. Правда, годом раньше он описывал ситуацию несколько по-другому: «...а потом спустя еще несколько времени ис Крыму сераскер султан з Бахти-Гирей салтаном с войском приходил, и паки от нас они разбиты; и сераскер салтан з Бахты-Гирей салтаном до смерти убиты» [15, с. 46].

Наконец, из прошения кабардинских князей М. Кургокина с братьями от 1 июня 1742 г. следует: «И також, когда брат наш Арслан-бек Кайтукин намерен был Кабарду отдать крымцам, и

тогда Бахты-Гирей салтана и сераскер салтана *с великим числом крымских войск* (курсив наш. – Д.С.) на Кабарду приводил...» [15, с. 102]. Собственно, перед нами – сведения весьма неопределенного характера, которые (независимо от «крымского следа» в составе нападавших) проблематично использовать при анализе количества/состава сил, вторгшихся в Кабарду весной 1729 г. При этом у автора нет полной уверенности в том, что крымцы принимали *заметное* участие в походе 1729 г. на Кабарду.

Документальные источники, в том числе выявленные нами, позволяют скорректировать историографические представления о масштабе похода, его организаторах и составе сил противников Кабарды. Можно предположить, что наибольшую заинтересованность и активность тогда проявил не крымский хан Менгли-Гирей, а кубанский султан Бахты-Гирей, сопровождаемый своим тестем – князем Асланбеком Кайтукиным. Оказывается, что поход был направлен *не против всей Кабарды*, а против князей так называемой баксанской партии – князей Кургокиных (Атажукиных) – Ислама и Мамбета (Магомета); или, как сообщалось в одном источнике, «на кабардинцев на Мамбета Кургокова и на других ево партии горских владельцев» [13, л. 262]; о братьях Кургокиных, противостоявших Дели-султану, см.: [13, л. 268].

В документе за 1748 г., хранившемся в Коллегии иностранных дел, прямо сказано, что «оной Бахта-Гирей, имея при себе кашкатовского владельца Раслан-бека Кайтукина в 1729-м году со всею кубанскою силою ходил под Кабарду *на баксанских владельцев* (курсив наш. – Д.С.), которые свои фамилии и скоты убрав в горы, сами с войски своими при горах, в тесном между речек месте...» [15, с. 172]. Вероятно, подобная направленность похода не могла не отразиться на количестве сил, собранных братьями-султанами; они были не столь велики, как считают некоторые современные историки. Говорить о многотысячном контингенте «крымцев» или «кубанцев» не приходится; скорее всего, их общая численность не превышала 1000–1500 чел.

Один из калмыков «Дондук-Омбина владенья» сообщал российской стороне 2 мая 1729 г. о том, что Бахты-Гирей с войском ходил к «горским черкасом Кургокиным детем (т.е. против Атажукиных. – Д.С.) для укрепления их» с целью приведения «под свою власть», а также, подчеркнем особо, для получения от них *албана* (налога/подати) [13, л. 305]. Братья Кургокины (Атажукины), по словам информанта, предложили Дели-султану приехать к ним «для договору малыми людьми», что тот вскоре и сделал [13, л. 305]. Но почему талантливый и опытный военачальник, каким являлся Бахты-Гирей, якобы поверил столь «прозрачному» и коварному предложению кабардинских князей, позволив заманить себя в ловушку?

Вероятно, данное событие недостоверно, поскольку с гибелью Дели-султана вряд ли произошли бы последующие события, в том числе связанные с битвой. Появились новые данные о составе сил, руководимых братьями-султанами. Оказывается, что помимо ногайцев с Кубани Бахты-Гирей сумел привлечь к участию в походе калмыков, о чем никто, кроме Н.Н. Пальмова [16, л. 319–320], ранее не писал. Итак, это были зайсанги самого наместника Церен-Дондука со своими калмыками, ранее задействованные Дели-султаном «для воровства». Весной 1729 г. они еще оставались на Кубани, а затем отправились с ним в поход на Кабарду [13, л. 238 об., 262, 285].

Удивляться не приходится – у Дели-султана к тому времени были налажены основательные связи с калмыками и с их элитами, включая наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука; он также пользовался немалым уважением и почитанием со стороны рядовых калмыков [2, с. 129–155].

Для похода нашелся еще один «подходящий» повод, связанный с отголосками бунта Джан-Темира Ширинского (Аджи) и Бахты-Гирея против хана Менгли-Гирея. Оставаясь непоиманными, Джан-Темир и Дели-султан какое-то время после мятежа скрывались в «Абазинских горах», после чего их дороги разошлись. Так, Джан-Темир оказался у калмыков. Он проживал у Церен-Дондука и (весной 1729 г.) у ханши Дарма-Балы, причем различные российские представители пытались добиться его убийства или выдачи [13, л. 158; 17, с. 65]. Еще в августе 1730 г. Джан-Темир Ширинский находился в улусах Церен-Дондука «и еще не отпущен» [18, с. 51].

Согласно документам, весной 1729 г. представитель Церен-Дондука зайсанг Замбо ездил в горы к черкесам (видимо, к кабардинцам), чтобы те приняли Джан-Темира «до времени». «Горские мурзы» заявили ему в ответ: «Нам де ево ненадобно, разве привезите голову его» [13,

л. 238]. Тогда Церен-Дондук отправил этого зайсанга к Бахты-Гирею на Кубань «для совету». По словам российского информанта, султан собирался в поход на черкесов *за их отказ* принять Ширинского бая [13, л. 238 об.]. Любопытен пересказ одним калмыком, общавшимся с Дели-султаном на Кубани, его слов и намерений, связанных с намечавшимся походом на Кабарду: «...как де мы сходим в черкасы, и их де черкасы укрепим под свою власть, то де хочет (Дели-султан. – Д.С.) и с рускими воеватца» [13, л. 285].

Переходя к анализу боевых действий в Кабарде, можно согласиться с А. Шейхумеровым в том, что суждение о штурме войсками братьев-султанов так называемых Крымских стен является бездоказательным [10]. В рукописи, найденной Ю. Клапротом, говорится лишь о том, что черкесы «бежали в горы и закрепились в узких ущельях за каменными стенами, которые все еще называются Крымскими» [9, с. 44]. По версии самих кабардинцев, бой имел место «по два дни, и напоследи оное крымское войско от них, кабардинцов, разбито. И как отступя от них пошли прочь, тогда они, кабардинцы, за ними в погоню гоняли и оного Дели-Салтана с сераскер-султаном саблями до смерти изрубили» [15, с. 63].

Согласно «Описанию кабардинского народа» (1748 г.), кабардинцы «учинили бой, и его самого (Дели-султана. – Д.С.) со многими убили, и кубанское его войско разбили, отчего и Раслан-бек (Асланбек Кайтукин. – Д.С.) принужден был бежать на Кубань» [15, с. 172]. Данное сообщение вполне коррелируется с известиями более раннего времени, в том числе сообщенными кабардинской знатью [15, с. 46, 61, 63, 102]. Заметим, что по итогам боя группировка султанов была вынуждена отступить (или даже спастись бегством?). Серьезность поражения, понесенного нападавшими, усугубилась гибелью обоих султанов, которая стала еще одним крупным успехом кабардинцев. Можно утверждать, что гибель Бахты-Гирея, учитывая трансграничный масштаб его военно-политической активности и авторитета, существенно изменила обстановку на Северном Кавказе. В упоминавшейся выше рукописи, цитируемой Ю. Клапротом, содержится такой текст: «В год 1141 (1729 г. н.э.) Бахти-Герей Султан и его брат Мурад-Герей Султан стали мучениками среди черкесов в Кабарде в 28 день священного Рамадана, а Менгли-Герей Султан возвратился в Крым» [9, с. 45]¹.

Т.Х. Алоев резонно заметил, что «крымские войска выступили в поход в священный для мусульман месяц, в который вести наступательную войну против единоверцев не поощрялось» [5, с. 191]. При этом источники не подтверждают мнение о гибели Бахты-Гирея якобы «от руки старшего кабардинского князя И. Мисостова» [6, с. 93]. В исторических источниках, на которые ссылается З.А. Кожев [6, с. 96], подобной информации нет. Другие источники вообще по-иному рисуют картину гибели Гиреев-султанов.

Уже 1 мая 1729 г. П. Кольцов писал из Царицына полковнику Д.Е. Бахметеву и подполковнику В.П. Беклемишеву [13, л. 268–268 об.] о получении письма от тайши Дондук-Даши, в котором говорилось, что, согласно полученным на Кубани данным, «...Бакта-Гирей Дели-салтан ходил в поход под Кабарду с малыми людьми войною (курсив наш. – Д.С.), и тамо де Ислам Мамбет (Кургокины. – Д.С.) самдруг (т.е. вдвоем. – Д.С.), ево Бакта-Гирея убили, и с ним другаго Мурат-Гирея, да из имеющегося при нем войска его побито двести человек (курсив наш. – Д.С.)» [13, л. 268–268 об.].

Эта информация, в том числе о количестве потерь, подтверждает наше мнение, что войско братьев-султанов все же не являлось многотысячным. 2 мая 1729 г. в Царицын был прислан нарочный с очередным письмом от Дондук-Даши, в котором подтверждались и уточнялись подробности похода на Кабарду, гибель обоих султанов, количественные потери их войска («побили татар двести человек, а другие все ушли») и, подчеркну, участие калмыков в боевых действиях [13, л. 269–270, 273].

К слову, потери крымцев по итогам разгромной для них Канжальской битвы (1708 г.) составили *несколько тысяч человек*. Не исключено, что в 1729 г. кабардинцы немного превосходили противника по численности, но все равно – если боестолкновения сторон продолжались *два дня*, то подобное превосходство нельзя признать кратным. Слова историка о том, что «в ходе

¹ При переводе даты на эру от Р.Х. выходит, что гибель султанов в Кабарде случилась 15 апреля 1729 г. по юлианскому календарю, или же 26 апреля 1729 г. – по григорианскому. Следовательно, сама битва не может быть датирована позже 15 (26) апреля 1729 г.?

компания 1729 г. Большая Кабарда, уступая Крымскому ханству в военном потенциале, решительно превзошла его в военной мощи» [5, с. 192], являются определенным преувеличением и нуждаются в серьезном источниковом обосновании.

Продолжая анализировать события и итоги битвы, отметим, что у султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея не было брата по имени Менгли-Гирей, как это усматривается из рукописи, цитируемой Ю. Клапротом (точнее, там речь шла о некоем *султани Менгли-Гирее*, бывшем тогда в Кабарде). Но так звали правящего в Крыму хана¹, не являвшегося инициатором нападения на Кабарду в 1729 г. Нельзя исключать другого – по данным калмыков, полученным российской стороной *спустя несколько дней* после бесславного завершения похода, в нем принимал участие кто-то из братьев-султанов, оставшийся в живых, а также сын султана Бахты-Гирея («...и оные де черкаские владельцы, собрався с войским, ночным временем, ево Бакта-Гирея убили до смерти и при нем же других порубили. А брат де ево Бакта-Гиреев да сын ушли...» [13, л. 305]).

Что касается сына Бахты-Гирея, то важные сведения о нем привел Н.Н. Пальмов, опирающийся на документальные источники тех лет. По его данным, сыну Бахты-Гирея удалось убежать с калмыками, «и он не отпускал их от себя, дабы они были самовидцы, что будет делаться с ним, Бахты-Гиреевым сыном» [16, л. 320]. При этом сын Дели-султана (Гази-Гирей?) просил войска от наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука для того, чтобы калмыки пришли на Кубань и «его б тамо, так же как и отца его, восставили султаном» [16, л. 320]. Наместник, впрочем, не счел возможным исполнить эту просьбу. Правда, Н.Н. Пальмов ошибался, когда писал, что в сражении пали Мурат-Гирей и Арслан-Гирей, братья Бахты-Гирея [16, л. 319–320].

У нас нет достоверных данных об участии в походе 1729 г. султана Арслан-Гирея, действительно приходившегося родным братом султанам Мурат-Гирею и Бахты-Гирею. Зато именно Арслан-Гирей организовал в 1731 г. новый поход на Кабарду [19, с. 28–31]. Как писали весной 1731 г. кабардинские князья, «...и после де Рамазан Байрама хочет (Арслан-Гирей. – Д.С.) к ним быть в Кабарду для отмщения крови брата своего означенного Бахтыгирея коего те кабардинцы в минувших годех при наступлении ж на Кабарду убили...» [19, с. 28].

Возвращаясь к участию калмыков в Баксанской битве, отметим, что Н.Н. Пальмову удалось обнаружить еще один важный источник. Оказывается, Бахты-Гирей был ранен [16, л. 319–320], вероятно, либо в ходе сражения, либо при отступлении своего войска. Собственно, о контактном бое кабардинцев с обоими султанами позже вспоминал М. Атажукин, сообщавший, что они «Дели-Салтана с сераскер-султаном саблями до смерти изрубили» [15, с. 63]. Калмыки пытались спасти Дели-султана; «ухватя» его (т.е. подхватив раненого), «они побежали было прочь», но черкесы их настигли, и калмыки были «принуждены его, Бахты-Гирея, бросить».

Остановимся на одной существенной детали – дело в том, что калмыки традиционно подерживали Дели-султана и несколько раз выручали его из весьма непростых ситуаций, охраняли его и пр. Поэтому непонятно, почему калмыки (а ими оказались улусные люди наместника Калмыцкого ханства Церен-Дондука [13, л. 262], с которым у Дели-султана сложились доверительные отношения) решились оставить раненого султана и не сражаться за его жизнь? Предположим, что преследование кабардинцами врага действительно внесло сумятицу в ряды отступающих. Черкесы добились Бахты-Гирея, а потом, как рассказывал состоящим при Калмыцких делах Д.Е. Бахметеву и В.П. Беклемишеву 13 мая 1729 г. калмык Дапхур, «голову Бахты-Гирея послали к крымскому хану, а кости его из тела вырезавши, взяли к себе» [16, л. 320].

Возможно, что в данном известии отразились как реальные, так и легендарные сведения (например, о едва ли не фактическом расчленении тела убитого султана). Удалось обнаружить оригинальный документ 1729 г., на который некогда ссылался Н.Н. Пальмов. Это краткий пересказ устного сообщения «Четеревых калмыков», Намжи и Дапхура, представленного В.П. Беклемишеву и Д.Е. Бахметеву 13 мая 1729 г. [13, л. 288]: «...кабардинцы по убитии помянутого Бахта-Гирея голову ево послали х крымскому хану, а кости ево ис тела вырезавши, взяли к себе...» [13, л. 288].

Давид Лехно, осведомленный крымчакский хронист того времени, оставил в своем знаменитом «Устном повествовании» немало данных, позволяющих уточнить обстоятельства гибели

¹ Менгли-Гирей II (1724–1730 гг.) – крымский хан и родной брат хана Девлет-Гирея II, отца султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея, приходившийся им дядей.

обоих султанов в Кабарде весной 1729 г., а также существенные детали похода. Их необходимо соотнести с другими источниками. Данные Д. Лехно говорят в пользу мнения о том, что, когда калмыки покинули Бахты-Гирея, он остался один у реки [14, р. 293], причем, вероятно, на этапе отступления своего войска. Пятеро кабардинцев нашли его, узнали и заговорили с ним «почеркесски». Они намеревались даже оставить Дели-султана в живых, но, рассудив (мол, поскольку султан Мурад-Гирей уже мертв, надо убить и Бахты-Гирея, чтобы тот не отомстил за брата), все-таки убили его, предварительно отрубив руку и сняв с него кольцо [14, р. 293].

Действительно, к тому времени султан Мурад-Гирей был жестоко убит (ему отрубили голову) ночью со своими людьми при отступлении [14, р. 294], что тоже подтверждает свидетельства кабардинцев о бегстве противника и погоне за ним. При этом похоже, что и эту часть отступающих охватило смятение. Руку и кольцо Бахты-Гирея кабардинцы принесли для предъявления (объявления) своим «черкесским вождям». Однако те решились отослать руку Дели-султана ханскому сыну (вспомним, что кто-то из султанов Гиреев вернулся живым в Крым), признав совершенное их воинами не «по адату» [14, р. 293]. Кольцо они решили вернуть старшему сыну Бахты-Гирея, надеясь, что тот простит их.

«Извинительные» действия кабардинской знати наводят на мысль о том, что гибель Бахты-Гирея не вполне корректно именовать убийством. Вероятно, подобная цель не ставилась князьями Кургокиными перед воинами, преследовавшими противника. Далее, по словам Д. Лехно, «черкесские вельможи» повели себя великодушно – они организовали отправку *забальзамированного* тела Дели-султана в Бахчи-Сарай для захоронения в ханской усыпальнице [14, р. 294].

По тому же пути спустя несколько дней отправили тело другого султана – Мурад-Гирея, которое даже пришлось искать (косвенно это подтверждает гипотезу о том, что и этого султана кабардинцы изначально не намеревались убивать). Такое обилие «мелких» деталей добавляет, на наш взгляд, доверия рассказу хрониста, они перекликаются со свидетельствами калмыков о манипуляциях кабардинцев с телом Бахты-Гирея. Так, можно полагать, что их рассказ об извлечении костей из тела Бахты-Гирея – искаженная информация о процедурах с его бальзамированием; их же рассказ об отсечении Дели-султану головы можно увязать с аналогичным известием Д. Лехно о судьбе Мурад-Гирея, которому кабардинцы действительно отрубили голову.

В нашем распоряжении имеется еще один информативный источник о гибели султанов, в ряде случаев совпадающий по содержанию с другими известиями, в том числе приведенными выше. Это расспросные речи казака С. Санникова, бежавшего с Кубани от казаков-некрасовцев и допрошенного в Черкасске 7 мая 1729 г. По сведениям бывшего пленника, Бахты-Гирей отправился с «небольшими людьми» к темиргоевским черкесам «для взятка от них обыкновенной дани», которые раньше давали ему ясыря по 1 тыс. чел. «И ожидая от них оной дани, стоял... Бахты-Гирей с небольшими людьми в близости от их черкесских жилищ и назад тому-ж другая неделя оные черкесы собрався и ночным временем били на него Бахты-Гирея неприятельски и его... с братом Сараскером салтаном убили в смерть, а другие-де его люди едва бегом спаслись...» [18, с. 49].

Заметим, что в источнике тоже говорилось о небольшом количестве воинских сил Бахты-Гирея, о бегстве нападавших, об отправке тел обоих султанов в Крым, что, конечно, носит принципиальный характер. Что касается ночного нападения кабардинцев (в тексте они названы темиргоевскими черкесами) на Бахты-Гирея, то это любопытно – упоминание о ночном эпизоде встречается в ряде других независимых источников. По словам С. Санникова, азовский паша отправил своих нарочных для проверки известия о гибели Бахты-Гирея. Вернувшись, они рассказали паше о том, что оба султана действительно убиты «темиргоевскими черкесами» и что их тела повезены копыльскими татарами «для ведома в Крым» [18, с. 49].

Таким образом, подтверждаются многие сведения об отправке тел погибших султанов для упокоения в Крыму (на Ханском кладбище). Могила султана Бахты-Гирея, похороненного, очевидно, в конце апреля – начале мая 1729 г. («в начале месяца Шеввала» [20, с. 52]), и сегодня сохраняется на Ханском кладбище Бахчисарая [20, с. 23, 33]. Насколько известно, об этом никто из специалистов, занимавшихся личностью Бахты-Гирея, ранее не писал. Правда, в том же капитальном сводном каталоге, подготовленном О. Гайворонским, отсутствуют данные о могиле султана Мурад-Гирея [20, с. 22–40], сведений о ней нет и в каталоге 1850 г. [20, с. 49–

59]. Не исключено, что погибший с Дели-султаном его брат, султан Мурад-Гирей, нашел место упокоения на том же кладбище. Но, учитывая обстоятельства его гибели, поиски тела и время его отправки из Кабарды в Крым [14, р. 294], также можно предположить, что захоронение султана все же было сделано в другом месте.

Что касается событий, связанных с реакциями современников на гибель Бахты-Гирея, то, например, видный тайша Дондук-Омбо стал «зело печален». В документальном источнике за 1729 г. прямо говорилось, что «калмыцкие ж владельцы о Бактагиреевой смерти в великой печали находятся и отчаиваются...»; причем ханша Дарма-Бала призвала всех калмыцких владельцев жить в покое с Россией, «объявляя, что надежды их, Бахта-Гирея, не стало» [13, л. 288]. 18 июля 1729 г. надежный информатор В.П. Беклемишева и Д.Е. Бахметева сообщил, что 12 июля с Кубани приехал в «Четерев улус» калмык Марука, посланный братом Бахты-Гирея – Бети-Гиреем, и сыном же Бахты-Гирея, «которые ныне владеют кубанскими татарами» [13, л. 451]. Этот посланец должен был просить по их приказу у наместника Церен-Дондука и «всех владельцев войска, чтоб идти войною в Кабарду и смерть брата своего отомстить» [13, л. 451]. Важно отметить, что хан Менгли-Гирей писал султану Бети-Гирею о том, что необходимо просить такую помощь у калмыков, «а от них де ис Крыму для вспоможения... войска пришлет». Однако подобный поход на Кабарду состоялся лишь в 1731 г. при новом крымском хане – Каплан-Гирее, причем действительно с участием калмыков [19, с. 30–41].

Итак, в статье изучены основные дискуссионные вопросы, связанные с походом на Кабарду весной 1729 г. войска султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея. Их решение не представляется возможным без ввода в научный оборот новых источников, что было осуществлено нами на примере использования документов Национального архива Республики Калмыкия.

Исследование показало, что главным инициатором похода на Кабарду стал кубанский султан Бахты-Гирей, возглавивший его вместе со своим братом. Убедительных доводов о непосредственном участии хана Менгли-Гирея в походе не выявлено. Доказано, что подготовка к походу совпала с очередным укреплением положения султана Бахты-Гирея на Кубани – весной 1729 г. ему был дарован ханом Менгли-Гиреем калгайский чин. Установлены новые факты о количестве и составе войска султанов, которое, судя по всему, не было многотысячным.

Впервые в историографии подробно исследован вопрос об участии калмыков в походе на Кабарду, которые подчинялись Бахты-Гирею и действовали по его указанию. Критически проанализирован тезис о штурме войском султанов так называемых Крымских стен, который следует признать недоказанным. Вместе с тем приведены новые данные в пользу мнения о том, что отступление войска султанов действительно имело место и переросло в бегство. Выявлены новые свидетельства о гибели в Кабарде султанов Бахты-Гирея и Мурад-Гирея, намеренное убийство которых изначально не входило в планы князей Кургокиных.

Список источников

1. Грибовский В.В., Сень Д.В. Кубанский султан Бахты-Гирей: феномен нелегитимной власти в Крымском ханстве первой трети XVIII в. // Тюркологический сб. 2011–2012 : Политическая и этнокультурная история тюркских народов и государств. М.: Восточная литература, 2013. С. 92–137.
2. Сень Д.В. Взаимоотношения калмыков и кубанского султана Бахты-Гирея: тактика и стратегия пограничного сотрудничества (середина – вторая половина 1720-х гг.) // Magna adurgit: historia studiorum. 2019. № 1. С. 125–161.
3. Тепкеев В.Т. Участие калмыков в переговорах о вступлении кубанского султана Бахта-Гирея под российскую протекцию в 1727 г. // Oriental Studies. 2022. Т. 15, № 5. С. 951–962.
4. Кипкеева З.Б. Потомки Чингизхана в истории Северного Кавказа XVIII – XIX вв. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. 330 с.
5. Алов Т.Х. Баксанская битва (у Крымских стен) 26–28 апреля 1729 г.: военно-политические предпосылки и условия успешного отражения Кабардой крымской агрессии // Актуальные проблемы истории и этнографии народов Кавказа : сб. ст. к 60-летию В.Х. Кажарова. Нальчик: Изд-во Ин-та гуманитар. исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 2009. С. 183–194.
6. Кожев З.А. Канжальская битва и динамика кабардино-русских отношений в первой трети XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века : исследования и материалы / отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. С. 82–96.

7. Михайлов А.А. Кабарда в военной истории России первой половины XVIII в. // Канжальская битва и политическая история Кабарды первой половины XVIII века : исследования и материалы / отв. ред. Б.Х. Бгажноков. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2008. С. 51–72.
8. Зайцев И.В. Новая рукопись Шоры Ногмова: Шора Ногмов, шотландские миссионеры, Юлиус Клапрот и турецкие рукописи // *Transcaucasica*. 2015–2016. Вып. 3. С. 102–112.
9. Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии / пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик: Республ. полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.; Эль-Фа, 2008. 318 с.
10. Шейхумеров А. Численность татарского войска в Баксанской битве 1729 года. URL: <https://ametsheykhumer.livejournal.com/126626.html> (дата обращения: 24.07.2024).
11. Национальный архив Республики Калмыкия (НАРК). Ф. И-36. Оп. 1. Д. 33.
12. НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 29.
13. НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 34.
14. Shapira D. A New Source of Information on Circassians, Kabarda and the Kinjal Battle in the Early 18th Century: A Hebrew Chronicle from the Crimean Khanate // *Kafkasya Çalışmaları – Sosyal Bilimler Dergisi / Journal of Caucasian Studies*. 2020. Yıl. 5, № 10. S. 273–296.
15. Кабардино-русские отношения в XVI – XVIII вв. Т. 2 : XVIII в. М.: Изд-во АН СССР, 1957. 424 с.
16. НАРК. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 199.
17. Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев: Сочинение 1761 года. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1995. 152 с.
18. Фелицын Е.Д. Сборник архивных документов, относящихся к истории Кубанского казачьего войска и Кубанской области. Екатеринодар: Тип. Кубанского областного правления, 1904. Т. 1. 306 с.
19. Алов Т.Х. Битва на переправе Жырышты: кабардино-крымская кампания 1731 г. и ее итоги // *Вестн. Кабардино-Балкарского ин-та гуманитар. исследований*. 2018. № 4 (39). С. 27–44.
20. Гайворонский О. Ханское кладбище в Бахчисарайском дворце. Симферополь: Доля, 2006. 64 с.

References

1. Gribovsky V.V., Sen' D.V. The Kuban sultan Bakhty-Giray: the phenomenon of illegitimate power in the Crimean khanate of the first third of the 18th century. *Turkic Collection 2011-2012. Political and ethnocultural history of the Turkic peoples and states*. Moscow: Vostochnaya literatura Publ.; 2013:92-137. (In Russ.).
2. Sen' D.V. Relations between the Kalmyks and the Kuban sultan Bakhty-Giray: tactics and strategy of border cooperation (mid-second half of the 1720s). *Magna adurgit: historia studiorum*. 2019;(1):125-161. (In Russ.).
3. Терпеев В.Т. Participation of Kalmyks in the negotiations on the entry of the Kuban sultan Bakhta-Giray under Russian protection in 1727. *Oriental Studies*. 2022;15(5):951-962. (In Russ.).
4. Kipkeeva Z.B. *Descendants of Genghis Khan in the history of the North Caucasus in the 18th-19th centuries*. Stavropol: Publishing House of North Caucasian Federal University; 2017. 330 p. (In Russ.).
5. Alov T.Kh. The battle of Baksan (near the Crimean walls) 26th-28th April 1729: military-political prerequisites and conditions for the successful repulse of the Crimean aggression by Kabarda. *Actual problems of the history and ethnography of the peoples of the Caucasus*. Collection of articles for the 60th anniversary of V.Kh. Kazharov. Nalchik: Publishing House of the Institute for Humanitarian Research of the Government of the Kabardino-Balkarian Republic and the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2009:183-194. (In Russ.).
6. Kozhev Z.A. The Battle of Kanzhal and the dynamics of Kabardian-Russian relations in the first third of the 18th century. *The Battle of Kanzhal and the political history of Kabarda in the first half of the 18th century: research and materials*. Resp. ed. by B.Kh. Bgazhnokov. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov; 2008:82-96. (In Russ.).
7. Mikhailov A.A. Kabarda in the military history of Russia in the first half of the 18th century. *The Battle of Kanzhal and the political history of Kabarda in the first half of the 18th century: research and materials*. Resp. ed. by B.Kh. Bgazhnokov. Nalchik: Publishing House of M. and V. Kotlyarov; 2008:51-72. (In Russ.).
8. Zaitsev I.V. New manuscript of Shora Nogmov: Shora Nogmov, Scottish missionaries, Yulius Klaprot and Turkic manuscripts. *Transcaucasica*. 2015-2016;(3):102-112. (In Russ.).
9. Klaprot Yu. *Description of trips to the Caucasus and Georgia*. Transl. from English by K.A. Mal'bakhov. Nalchik: Revolutions of 1905 Republican Printing Plant, El'Fa Publ.; 2008. 318 p. (In Russ.).
10. Sheikhumerov A. *The number of the Tatar army in the Baksan battle of 1729*. Available from: <https://ametsheykhumer.livejournal.com/126626.html> [Accessed 24th July 2024]. (In Russ.).
11. *National Archives of the Republic of Kalmykia* (NARK). Fund I-36. In. 1. File 33. (In Russ.).
12. *NARK*. Fund I-36. In. 1. File 29. (In Russ.).
13. *NARK*. Fund I-36. In.1. File 34. (In Russ.).

14. Shapira D. A new source of information on Circassians, Kabarda and the Kinjal battle in the early 18th century: a Hebrew chronicle from the Crimean khanate. *Journal of Caucasian Studies*. 2020;5(10):273-296.
15. *Kabardino-Russian relations in the 16th-18th centuries*. Vol. II: 18th century. Moscow: Publishing House of USSR Academy of Sciences; 1957. 424 p. (In Russ.).
16. *NARK*. Fund R-145. In. 1. File 199. (In Russ.).
17. Bakunin V.M. *Description of the Kalmyk peoples, especially the Torgout people, and the actions of their khans and rulers: work of 1761*. Elista: Kalmyk Book Publishing House; 1995. 152 p. (In Russ.).
18. Felitsyn E.D. *Collection of archival documents related to the history of the Kuban Cossack Host and the Kuban region*. Ekaterinodar: Printing House of the Kuban Regional Government; 1904. Vol. 1. 306 p. (In Russ.).
19. Alov T.Kh. The battle at the Zhyryshchty crossing: the Kabardino-Crimean campaign of 1731 and its results. *Vestnik Kabardino-Balkarskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy = Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Studies*. 2018;(4):27-44. (In Russ.).
20. Gaivoronskiy O. *Khan's cemetery in the Bakhchisaray palace*. Simferopol: Dolya Publ.; 2006. 64 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.В. Сень – доктор исторических наук, профессор Института истории и международных отношений.

Information about the author

D.V. Sen' – Doctor of Science (History), Professor, Institute of History and International Relations.

Статья поступила в редакцию 15.08.2024; одобрена после рецензирования 27.08.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 15.08.2024; approved after reviewing 27.08.2024; accepted for publication 20.09.2024.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCE

Научная статья
УДК 657.31
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-84-90

СПЕЦИФИКА ВЕДЕНИЯ УЧЕТА НЕПРОИЗВЕДЕННЫХ АКТИВОВ В БЮДЖЕТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Мадина Магомедовна Османова

Дагестанский государственный университет народного хозяйства, Махачкала, Россия
osmanovadginh@mail.ru

Аннотация. Понятие произведенных активов весьма специфично и применяется только в бухгалтерском учете бюджетных учреждений, объединяя в себе следующие виды активов: земля, ресурсы недр, водные ресурсы и некультивируемые биологические ресурсы. Главной задачей ведения бухгалтерского учета произведенных активов, выделенных на отдельный счет, является раскрытие их специфики и отражения в учете бюджетных учреждений, получения оценки и признания.

Ключевые слова: произведенные активы, справедливая стоимость, земельные ресурсы, ресурсы недр, водные ресурсы и некультивируемые биологические ресурсы

Для цитирования: Османова М.М. Специфика ведения учета произведенных активов в бюджетных учреждениях // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 84–90.

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0).

Original article

SPECIFICS OF ACCOUNTING FOR NON-PRODUCED ASSETS IN BUDGETARY INSTITUTIONS

Madina M. Osmanova

Dagestan State University of National Economy, Makhachkala, Russia
osmanovadginh@mail.ru

Abstract. The concept of non-produced assets is very specific and is used only in the accounting of budgetary institutions, combining the following types of assets: land, subsurface resources, water resources and uncultivated biological resources. The main problem of accounting for non-produced assets allocated to a separate account is to disclose their specificity and reflection in the accounting of budgetary institutions, obtaining an assessment and recognition.

Keywords: non-produced assets, fair value, land resources, subsurface resources, water and uncultivated biological resources

For citation: Osmanova M.M. Specifics of Accounting for Non-Produced Assets in Budgetary Institutions. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):84-90. (In Russ.).

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0).

Сфера бюджетного учета отличается от традиционного понятия ведения бухгалтерской деятельности в силу того, что преследует несколько иные цели и задачи. Данная сфера, которая реализуется в рамках экономической деятельности участников бюджетного процесса, представляет непрерывную и упорядоченную систему сбора, регистрации и обобщения информации в стоимостном выражении, характеризующую состояние финансовых и нефинансовых активов, обязательств и финансовых результатов. Главной целью бюджетного учета в первую очередь

является обеспечение сохранности имущества и его эффективного использования для выполнения государственных заданий в рамках бюджетного процесса [1].

Имущество, используемое бюджетным учреждением, подразделяется на две группы: нефинансовые и финансовые активы. Данное деление происходит по показателю ликвидности актива, ибо к финансовым активам относятся денежные средства и дебиторская задолженность, что и составляет основу расчетных средств. Все остальные активы признаются нефинансовыми, так как не предназначены для реализации.

Одним из нефинансовых активов являются непроизведенные активы. Следует отметить, что понятие «непроизведенные активы» является специфическим и применяется только в сфере бухгалтерского учета бюджетных учреждений.

Федеральный стандарт бухгалтерского учета «Непроизведенные активы» № 34н от 28.02.2018 для организаций государственного сектора устанавливает единые требования к ведению бухгалтерского учета активов, квалифицируемых в качестве непроизведенных, а также основные требования к информации о непроизведенных активах, раскрываемой в бухгалтерской (финансовой) отчетности [2].

Этот стандарт применяется при ведении бухгалтерского учета в государственных (муниципальных) бюджетных учреждениях с 1 января 2020 г. и, как следствие, находит свое отражение в бухгалтерской (финансовой) отчетности.

К непроизведенным активам, согласно [3], относятся объекты нефинансовых активов, не являющиеся продуктами производства, вещное право на которые закреплено в соответствии с законодательством РФ за учреждением, используемые им в процессе своей деятельности (земля, недра и проч.), а также земельные участки, государственная собственность на которые не разграничена, сведения о которых внесены в Единый государственный реестр недвижимости.

Федеральный стандарт предполагает деление непроизведенных активов на группы с качественно однородными признаками, которые группируются как для целей бухгалтерского учета, так и для раскрытия информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Выделяют следующие группы непроизведенных активов:

1. Земля (земельные участки).
2. Ресурсы недр.
3. Водные ресурсы.
4. Некультивируемые биологические ресурсы.
5. Прочие непроизведенные активы.

В таблице приведена общая характеристика непроизведенных активов.

Классификация непроизведенных активов / Classification of non-produced assets

Группа	Содержание
Земля (земельные участки)	Земельные участки, включая пруды и обводненные карьеры, являющиеся объектами, неразрывно связанными с земельными участками, за исключением зданий и сооружений, построенных на этих земельных участках, водных и биологических ресурсов, находящихся на данных земельных участках, а также искусственно созданные земельные участки – сооружения, созданные на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, или его части путем намыва или отсыпки грунта либо использования иных технологий, признанные после ввода в эксплуатацию земельными участками
Ресурсы недр	Объекты непроизведенных активов в виде разведанных запасов ресурсов недр (нефть, природный газ, уголь, запасы полезных рудных и нерудных ископаемых, в том числе минеральные и термальные источники, залегающие под землей или на ее поверхности, включая морское дно)
Водные ресурсы	Поверхностные и подземные воды, которые находятся в водных объектах и используются, или могут быть использованы
Некультивируемые биологические ресурсы	Живые организмы (животные и растения), естественный рост и воспроизводство которых не находятся под непосредственным контролем и управлением субъекта учета и в отношении которых устанавливается право собственности
Прочие непроизведенные активы	Объекты непроизведенных активов, не включенные в другие группы

Приведенные в таблице объекты произведенных активов, согласно [2], могут быть признаны в бухгалтерском учете в составе нефинансовых активов в случае, если учреждение, во-первых, прогнозирует получение от их использования экономических выгод или полезного потенциала; во-вторых, их первоначальную стоимость можно надежно оценить. Эти критерии весьма значимы как для отражения в учете, так и для раскрытия информации в бухгалтерской (финансовой) отчетности, поскольку полезный потенциал определяет экономическое обоснование признания объекта учета, а его надежная достоверная оценка фиксирует стоимость объекта произведенного актива.

Те объекты произведенных активов, которые не приносят экономических выгод и не имеют полезного потенциала, учитываются на забалансовых счетах [2].

В качестве единицы учета произведенных активов применяется понятие «инвентарный объект», поскольку данная категория активов предусматривает длительный срок их использования и отражение в учете носит индивидуальный характер для каждого вида произведенного актива [4].

В подтверждение вышесказанного рассмотрим счет 103, предназначенный для отражения операций по ведению бухгалтерского учета произведенных активов. Он применяется в разрезе следующих субсчетов (рис. 1).

Непроизведенные активы	1 0 3	0	0		
	1 0 3	1	0	Непроизведенные активы - недвижимое имущество учреждения	
	1 0 3	3	0	Непроизведенные активы - иное движимое имущество	
	1 0 3	9	0	Непроизведенные активы - в составе имущества концедента	
	1 0 3	0	1		Земля (земельные участки)
	1 0 3	0	2		Непроизведенные ресурсы
	1 0 3	0	3		Прочие произведенные активы

Рис. 1. Аналитика счета 103 / Fig. 1. 103rd account analytics

Рассмотрим каждую группу произведенных активов отдельно в части признания, оценки и отражения в учете.

Земельные ресурсы представляют собой участок земной поверхности, позволяющий быть признанным в качестве самостоятельного актива, способного приносить экономическую выгоду и имеющего достоверную оценку.

Отметим, что бюджетные учреждения вправе принимать к бухгалтерскому учету только те земельные участки, которые закрепляются за ними на праве постоянного (бессрочного) пользования, что и определяет их право собственности на данный актив. Это правило касается и искусственно созданных земельных участков.

Активы земельных ресурсов могут приниматься к бухгалтерскому учету в качестве объекта учета в момент признания их первоначальной стоимости, которая является справедливой стоимостью на дату постановки данного объекта на учет. Под первоначальной справедливой стоимостью понимается стоимость земельного участка, который впервые вовлечен в хозяйственный оборот.

Подход к определению справедливой стоимости изображен на рис. 2.

В бухгалтерском учете земельные ресурсы отражаются на счете 103.11 по указаниям о порядке применения бюджетной классификации Российской Федерации (КОСГУ [5]). На статью 330 «Увеличение стоимости произведенных активов» относятся расходы на увеличение стоимости произведенных активов в государственной, муниципальной собственности, не являющихся продуктами производства (земля, ресурсы недр и проч.), права собственности на которые должны быть установлены и законодательно закреплены. По статье 430 «Уменьшение сто-

имости произведенных активов» отражаются доходы от реализации произведенных активов, операции по выбытию произведенных активов.

Рис. 2. Порядок определения справедливой первоначальной стоимости для земельных участков
/ Fig. 2. The procedure for determining the fair initial value of land plots

Процесс формирования первоначальной стоимости земельного ресурса отражается по дебету счета 106.13.330 в корреспонденции со счетами 302, 401, определяющими источники поступления, и т. д.

Сформированная первоначальная стоимость списывается с кредита счета 106.13.430 в дебет 103.11.330. Таким образом в учете делается запись:

Д 103.11.330 К 106.13.430

Объекты произведенных активов не подлежат амортизации, согласно российским стандартам учета, поэтому при списании кредитуется счет 103.13.430 в корреспонденции со счетами, определяющими, куда выбывают земельные ресурсы.

Следующим произведенным активом являются ресурсы недр, представляющие собой участок недр, границы которого определены в соответствии с выданной лицензией на пользование недрами.

Признание в бухгалтерском учете любого объекта произведенных активов осуществляется на основании решений соответствующих органов государственной власти, на которые возложена ответственность и контроль над использованием конкретного вида имущества.

Говоря о справедливой стоимости ресурсов недр, стоит отметить, что она определяется как сумма дисконтированных будущих денежных поступлений, связанных с использованием объектами (поступления от выдачи разрешений, лицензий, налоговые и иные поступления от предоставления права пользования активом) [2].

В бюджетном учете ресурсы недр при их поступлении отражаются на счете 103.32.000 КОСГУ 330, а при выбытии ресурсов недр – на счете 430.

Важным активом в учете бюджетного учреждения также являются и водные ресурсы, представляющие собой водные объекты, предоставляемые в пользование по договору водопользования на платной основе, что еще раз подчеркивает экономическую обоснованность ведения учета водных ресурсов. Принятие к учету данного вида активов хозяйствующим субъектом также определяется органами государственной власти, на которые возложена обязанность ведения учета водных ресурсов и контроль над их использованием.

Под справедливой стоимостью водного ресурса понимается сумма дисконтированных будущих денежных поступлений, связанных с использованием объекта в виде выдачи разрешений, лицензий, налоговых и иных поступлений от предоставления права пользования активами, т. е. все, что определяет экономическое обоснование актива и его способность приносить доход в будущем в виде дисконтированной стоимости будущих доходов.

Данное понятие стоимости весьма условно и привязано к расчетным показателям в текущем периоде, ведь, как правило, расчет дисконтированного дохода является условной единицей, однако иного пути определения стоимости нет, поэтому в ее основе и лежит способность актива приносить доход.

Следующий вид нефинансовых активов – некультивируемые биологические ресурсы.

Рассмотрим порядок определения видов некультивируемых биологических ресурсов в качестве инвентарного объекта (рис. 3).

Рис 3. Определение состава инвентарного объекта некультивируемых биологических ресурсов / Fig. 3. Determination of the composition of the inventory object of uncultivated biological resources

Как видно из рисунка 3, признание биологического ресурса активом также привязано к способности получения дохода от данного актива в виде допустимых изъятий, уловов и т. д.

При определении справедливой стоимости некультивируемых биологических ресурсов также важную роль играет сумма дисконтированных будущих денежных поступлений, связанных с использованием данными объектами.

В силу п. 44 [2] признание объекта произведенных активов в бухгалтерском учете в качестве актива прекращается в случае его выбытия либо когда от объекта произведенных акти-

вов не ожидается поступление будущих экономических выгод или отсутствует полезный потенциал.

Таким образом, важная составляющая любого произведенного актива – его способность приносить доход.

Порядок выбытия объектов произведенных активов представлен на рис. 4.

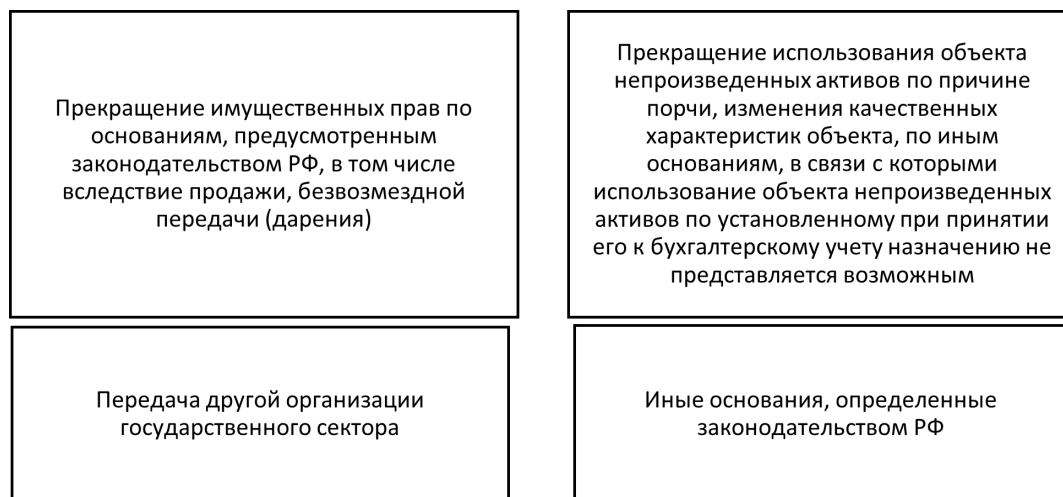

Рис. 4. Прекращение признания в учете актива в качестве произведенного актива
/ Fig. 4. Derecognition of an asset as a non-produced asset

В завершение отметим, что прекращение признания актива в бухгалтерском учете бюджетных организаций в качестве произведенного актива или его списание с баланса учреждения осуществляется в следующих случаях:

- учреждение больше не осуществляет контроль над произведенным активом, не несет расходов по его содержанию, не обладает правом получения экономических выгод, извлечения полезного потенциала, связанных с владением или пользованием данным объектом;
- учреждение не участвует в распоряжении, владении или пользовании выбывшим объектом произведенного актива;
- величина дохода или расхода от выбытия объекта произведенных активов имеет надежную оценку;
- прогнозируемые к получению экономические выгоды или полезный потенциал, связанные с объектом произведенных активов, а также прогнозируемые (понесенные) затраты (убытки), связанные с выбытием объекта произведенных активов, имеют оценку [6].

Согласно [2], доходы, получение которых планируется при выбытии объекта произведенных активов, подлежат первоначальному признанию по справедливой стоимости, т. е. стоимости, которая не может быть ниже стоимости их принятия к учету. В том случае, если договором о реализации выбывающего объекта произведенных активов предусмотрена отсрочка платежа по данному объекту на период, превышающий 12 месяцев, справедливой стоимостью признается сумма, причитающаяся к получению при выбытии объекта произведенных активов, рассчитанная без учета отсрочки платежа. При этом разница между величиной дохода, которая причитается к получению при выбытии объекта произведенных активов, при оплате с учетом отсрочки платежа признается в качестве процентных доходов [2].

Таким образом, нами представлена специфика бухгалтерского учета произведенных активов бюджетных организаций в разрезе их классификационных составляющих и дана их характеристика.

Список источников

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации № 145-ФЗ от 31.07.1998 (ред. от 26.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=lwhf310nop808222977 (дата обращения: 20.03.2024).

2. Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Непроизведенные активы»: приказ Минфина России № 34н от 28.02.2018. URL: <https://base.garant.ru/71948612/> (дата обращения: 20.02.2024).

3. Об утверждении Единого плана счетов бухгалтерского учета для органов государственной власти (государственных органов), органов местного самоуправления, органов управления государственными внебюджетными фондами, государственных академий наук, государственных (муниципальных) учреждений и Инструкции по его применению: приказ Минфина РФ № 157н от 01.12.2010. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=452238&ysclid=lwf51teu5x354034915> (дата обращения: 20.02.2024).

4. О бухгалтерском учете: фед. закон № 402-ФЗ от 06.12.2011. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/?ysclid=lwhf6g93w174205082 (дата обращения: 20.02.2024).

5. Об утверждении Порядка применения классификации операций сектора государственного управления: приказ Минфина России № 209н от 29.11.2017. URL: <https://base.garant.ru/71835192/?ysclid=lwf54gwj8538870016> (дата обращения: 20.02.2024).

6. Об утверждении федерального стандарта бухгалтерского учета для организаций государственного сектора «Основные средства»: приказ Минфина РФ № 257н от 31.12.2016. URL: <https://base.garant.ru/71589050/?ysclid=lwf58fm83r565777520> (дата обращения: 20.02.2024).

References

1. *Budget code of the Russian Federation No. 145-FZ of July 31, 1998 (rev. from February 26, 2024)*. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/?ysclid=lwhf310nop808222977 [Accessed 20th March 2024]. (In Russ.).

2. *On approval of the federal accounting standard for public sector organizations “Non-produced assets”: Order of the Ministry of Finance of Russia No. 34n of February 28, 2018*. Available from: <https://base.garant.ru/71948612/> [Accessed 20th February 2024]. (In Russ.).

3. *On approval of the Unified chart of accounts for government bodies (government agencies), local governments, governing bodies of state extra-budgetary funds, state academies of sciences, state (municipal) institutions and the Instructions for its application: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 157n of December 1, 2010*. Available from: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=452238&ysclid=lwf51teu5x354034915> [Accessed 20th February 2024]. (In Russ.).

4. *On accounting: federal law No. 402-FZ of December 6, 2011*. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122855/?ysclid=lwhf6g93w174205082 [Accessed 20th February 2024]. (In Russ.).

5. *On approval of the Procedure for applying the classification of operations of the public administration sector: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 209n of November 29, 2017*. Available from: <https://base.garant.ru/71835192/?ysclid=lwf54gwj8538870016> [Accessed 20th February 2024]. (In Russ.).

6. *On approval of the federal accounting standard for public sector organizations “Fixed assets”: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation No. 257n of December 31, 2016*. Available from: <https://base.garant.ru/71589050/?ysclid=lwf58fm83r565777520> [Accessed 20th February 2024]. (In Russ.).

Информация об авторе

М.М. Османова – младший научный сотрудник, Научно-образовательный центр компетенций в сфере земельно-имущественных отношений.

Information about the author

M.M. Osmanova – Junior Researcher, Scientific and Educational Competence Center in the Field of Land and Property Relations.

Статья поступила в редакцию 03.04.2024; одобрена после рецензирования 12.05.2024; принята к публикации 20.09.2024.
The article was submitted 03.04.2024; approved after reviewing 12.05.2024; accepted for publication 20.09.2024.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ BOOKS REVIEW

Рецензия на книгу

doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-91-97

**Новое исследование истории казачества и Донского края
(Тикиджьян Р.Г. Донское казачество и крестьянство
на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической
модернизацией (1855–1939 гг.). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2024. 334 с.)**

Сергей Алексеевич Кислицын

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Для цитирования: Кислицын С.А. Новое исследование истории казачества и Донского края (Тикиджьян Р.Г. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939 гг.). Ростов н/Д.: ДГТУ, 2024. 334 с.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 91–97.

Book Review

**A New Study of the History of the Cossacks and the Don Region (Tikidzh'yan R.G.
Don Cossacks and Peasantry at the Turning Point of Historical Epochs: Between Imperial
and Soviet Socialist Modernization (1855-1939). Rostov-on-Don: DSTU Press; 2024. 334 p.)**

Sergey A. Kislitsyn

South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

For citation: Kislitsyn S.A. A New Study of the History of the Cossacks and the Don Region (Tikidzh'yan R.G. Don Cossacks and Peasantry at the Turning Point of Historical Epochs: Between Imperial and Soviet Socialist Modernization (1855-1939). Rostov-on-Don: DSTU Press; 2024. 334 p.). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):91-97. (In Russ.).

Р.Г. Тикиджьян давно и продуктивно занимается историей и культурой донского казачества [1–4]. В новой научной монографии известного донского историка высказываются суждения по проблеме роли и места донского казачества и крестьянства в процессах России и СССР второй половины XIX – первой половины XX в. Анализируются причины и последствия участия донского казачества и крестьянства в ходе буржуазно-либеральных реформ и кризисов, в революциях и Гражданской войне, их сложные отношения с новой советской властью в период строительства основ социалистического общества в 1920–1930-х гг.

Автор посвящает данный труд, который является обобщением его многолетних исследований и поисков, светлой памяти своих учителей и научных наставников, известных российских историков Ростовского государственного университета 1960–1990-х гг. Монография отражает не только взгляды автора на проблему, но и освещает процесс изучения истории казачества ведущими учеными, начиная с ушедших классиков казаковедения и заканчивая современными историками. Подчеркивается, что с 2000-х гг. вновь возникла объективная необходимость серьезного научного обобщения и переосмысления основных проблем этой сложной и многоплановой темы, анализа результатов и перспектив работы научных школ и направлений, российского «исторического регионоведения», кавказоведения и казаковедения. Синтез исторического и историографического подходов позволил автору, с одной стороны, сделать новые интересные наблюдения и подкрепить свои позиции авторитетом известных исследователей, с другой – уйти от личных оценок острых дискуссионных во-

просов и их политизации. Отметим, что развернутый обзор научной литературы имеет и вполне самостоятельное научное значение.

Но главным образом в монографии представлен авторский анализ истории казачества и его взаимоотношений с крестьянством на основе источников истории казачества и неказачьего населения Юга России. В обобщенном виде раскрываются актуальные, спорные и дискуссионные теоретические и прикладные проблемы изучения этно- и социогенеза донского казачества с XV до первой половины XX в., анализируются военно-политические, социокультурные и экономические трансформации казачества и неказачьего населения XIX – XX вв. Исследуются политико-правовая, социально-экономическая, этносоциальная характеристики донского казачества в пореформенный период истории 1860–1890 гг. и в начале XX в. в Области Войска Донского и на Юге России.

Р.Г. Тикиджьян считает, что популярное в историографии определение в исторической парадигме российского и донского казачества как народа, субэтнуса, ставшего служилым сословием, вполне обосновано. Казачество как весьма сложный саморазвивающийся социальный, политический, этнический и культурный феномен постоянно находилось под давлением государственно-бюрократической машины, а с 60-х гг. XIX в. – в контексте объективных, инновационных законов развития формирующегося модернизирующегося индустриального общества. Практический отказ самодержавного государства от признания этнической сущности казачества с начала XIX в. в итоге привел к противоречиям в политике, к ошибкам в регулировании отношений между государством, казачьими сообществами и формирующимся гражданским обществом в России в конце XIX – начале XX в. Не избежали этих ошибок и лидеры нового Советского социалистического государства, а впоследствии и некоторые лидеры возрождающегося «неоказачества».

В монографии отмечается, что реформы 1860–1870-х гг. дали стимул к гражданскому развитию земли донских казаков и всего Приазовья. В это время происходит геоэкономическое и социокультурное разделение Области Войска Донского на своеобразные социально-экономические зоны: быстро развивающуюся торгово-промышленную, урбанизированную Юго-Западную (Приазовье, Нижний Дон и Восточный Донбасс) и более консервативную аграрно-сырьевую, сельскую и общинную Северо-Восточную (Средний Дон, Сальский степной (калмыцкий) округ, Верхний Дон). Углубляется социокультурный раскол в донском обществе, переплетая и сталкивая сословно-классовые, корпоративно-групповые, а иногда и этнокультурные интересы. На Нижнем Дону вокруг крупных городских центров к 1914 г. постепенно формируется новая полиэтническая, субкультурная общность – донцов, ростовцев и нахичеванцев, горожан, селян и казаков, составной частью которой и является самобытная традиционная казачья культура.

По мнению автора, имеющаяся положительная социокультурная динамика находилась в противоречии с политико-правовой и экономической неоднородностью населения края. Усиливающиеся экономические и социально-классовые разногласия привели к социокультурному (казаки и неказачи), острому межсословному (казаки и иногородние крестьяне) и даже внутрисословному расколу в среде самих донских казаков. Подчеркивается роль личностей российских императоров и реформаторов, войсковых и выборных атаманов, лидеров политических партий в центре и на местах, преемственности и преемников в реализации стратегического курса модернизации. В частности, самодержавие в конце XIX – начале XX в., оказавшись заложником «вялотекущей» консервативной, экономической модернизации, не смогло до конца осознать значимость выравнивания темпов и создания либеральных политических условий ее дальнейшей успешной, бесконфликтной реализации. Опасаясь «расказачивания» и раскола казачьей общины, имперское правительство так и не решилось применить механизмы столыпинской аграрной реформы к казачьим сообществам на Юге России.

Р.Г. Тикиджьян подробно освещает дискуссию о социальном составе донского казачества. Он уважительно излагает особое мнение Л.И. Футорянского, но солидаризируется с позицией большинства ростовских истоков, что к 1917 г. среди казачьего населения станиц и хуторов бедняки составляли 24,6 %, середняки – 51,6 %, зажиточные кулаки – 24 %. Он выделяет небольшую, но весьма сплоченную социально-корпоративную группу донских помещиков, войсковых чиновников и офицеров, частных владельцев (до 1,4 %), всячески стремившихся сохранить свои земли (3 310 347 дес.) и привилегии. При этом среди коренного крестьянства бедняков насчитывалось до 30 %, середняков – 48–52 %, зажиточных-кулаков – 17–18 %. В составе иногороднего крестьянского населения беднота представляла до 57 %, середняки – 30–32 %, зажиточные-кулаки – 12–13 %.

Эта ситуация в совокупности с иными факторами – политического размежевания, сословных, религиозных и этнических традиций – способствовала в итоге более частым колебаниям этих социальных и этнокорпоративных групп между лагерем революции и контрреволюции. Возникла более широкая социальная база слоев зажиточного казачьего и коренного крестьянского населения, не поддерживавшего революционные, леворадикальные преобразования новой советско-коммунистической власти и РКП(б), в первую очередь по аграрному, земельному вопросу. Часть представителей казачества и коренного крестьянства Дона и Юга России стремилась выработать собственную позицию – так называемого третьего пути, разрешения их на «самостийном» Дону, Кубани и Тереке путем компромисса с казачеством. Вывод не очень корректен, так как формулировка союза казачества с казачеством плюс коренное крестьянство, которое относилось к казачеству очень сдержанно, выглядит странной.

Справедливо автор считает, что для анализа периода революции и «большой и малой гражданской войны» 1917–1922 гг. важны такие факторы, как специфика расселения разных групп населения по территории ОВД, наличие удобных земель, гендерный, этнический и конфессиональный состав казаков, коренных и иногородних крестьян по нижнедонским и верхнедонским округам, особенности землепользования и аренды земли. Не менее важен учет настроений и ожиданий достаточно большого и сложного, «текучего страта» сельских наемных рабочих и промысловиков и, конечно, униженное, практически бесправное социально-правовое положение большей части иногородних крестьян и сельхозрабочих при наличии последствий межсословных «психологических травм» между казаками и неказачьим населением, нанесенных событиями революции 1905–1907 гг. (так, автор отмечает использование самодержавием казачества как главной военно-полицейской силы для разгрома революционных сил).

Но при всей первостепенной значимости аграрного вопроса, подчеркивается в монографии, во многом проблемы взаимоотношений между иногородним населением, крестьянством и казачеством обострялись и в связи с наличием сложных вопросов: политико-правового, этнокультурного (казаки, армяне, донские крестьяне-хохлы, цацапы, донские калмыки, донские немцы и поляки, наличие еврейской диаспоры и др.), социально-корпоративного, межсословного характера. Данная ситуация, соответственно, предопределяла на ряде этапов нарастание напряженности. Не стоит сбрасывать со счетов и проблемы специфической политической культуры населения, особенно казачества, отсутствие опыта социально-классового и этноконфессионального компромисса, недостаток взаимопонимания между партийно-политическими лидерами, казачьими станично-хуторскими атаманами, «местечковыми» партийно-политическими лидерами многосложного и мозаичного донского сообщества этой эпохи.

Опираясь именно на обиженных и униженных казакманской политикой коренных крестьян и иногородних, активно пополнявших ряды Красной армии, местные ревкомы и трибуналы, указывает автор, лидеры советского правительства и РКП(б) применили по отношению к казачеству политику массового террора: репрессии, массовые казни и расстрелы заложников, выселение и переселение (депортации) целых станиц и хуторов, ограничения в правах и даже культурно-бытовых традициях. Эту практику по своим масштабам, формам и последствиям современные казаки и некоторые исследователи сравнивают даже с «геноцидом» или «элементами геноцида». Р.Г. Тикиджьян пишет, что дискуссия обострилась после публикации работ ряда авторов, по мнению которых политика по отношению к казакам с 1918 по 1933 г. определяется как «геноцид казачьего народа». Большинство историков отмечают, что произошла политизация проблемы, что в итоге сказалось на ее научности и объективности. Мы же считаем, что исторические факты, взятые в комплексе, а не выборочно, полностью отвергают этот подход. Более того, понятие геноцида вообще неприменимо к этой проблеме, так как массовый террор осуществляли все противостоящие стороны. Российская и советская власть в отличие от Германии и Турции, что принципиально важно, сознательно не проводила политику геноцида по отношению к каким-либо народам.

Р.Г. Тикиджьян считает, что активистам возрождения казачества и ученым, гражданскому сообществу и государству уже вполне ясно, что в братоубийственной Гражданской войне победителей не оказалось. По его мнению, это доказали и последующие события 1920-х – начала 1930-х гг., периода так называемой малой гражданской войны, перехода к нэпу, первых социалистических преобразований в аграрном секторе экономики и проведения массовой коллективизации. На наш взгляд, это верно только частично. Во-первых, большевики в конкретно-историческом смысле ре-

ально разгромили белые армии, в том числе и белоказачьи формирования. Во-вторых, красное казачество составляло в отдельные периоды до 30 % от всех казаков. В-третьих, в годы Великой Отечественной войны подавляющее большинство советского казачества поддержало власть и героически воевало на фронтах. Гражданская война для казачества, конечно, была братоубийственной, но имела определенный социальный смысл, и победу в ней все-таки одержала Красная армия вместе с красными казаками.

Далее в книге рассматривается проблема казачьей эмиграции и судьбы казаков-реэмигрантов в Советской России в 1920–1930-е гг. Автор исходит из решений большевистской партии и советского правительства по реабилитации казаков, принятых в 1920-х гг. Фиксируется основное внимание на судьбах реэмигрантов и подчеркивается, что именно по ним как «политически неблагонадежным», «саботажникам и подкулачникам» прошли первые массовые чистки и репрессии в 1926–1929 гг. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании, так как во время Великой Отечественной войны именно такое население стало источником формирования частей полицаев и коллаборационистов. Недопустимо забывать, и это позднее отмечает автор, что большинство казачьей эмиграции во главе с Красновым стало на сторону фашизма.

Одной из центральных является глава «Новая экономическая политика и проблемы взаимоотношений казачества, крестьянского и иногороднего населения Дона в 1921–1929 гг.». В ней рассматривается процесс подготовки важнейших решений по казачьему вопросу, в частности вовлечения казачества в советское строительство, изложенному в докладе С.И. Сырцова в 1925 г. на апрельском пленуме ЦК РКП(б). Этот момент был освещен ранее в научной периодике, в том числе нами [5, 6]. Но автор ввел в оборот новые данные, углубляющие сюжет, и раскрыл его в интересном ракурсе, что очень важно, так как в некоторой части историографии эта история замалчивается или отмечается скороговоркой. Причина понятна – доклад Сырцова и решения Пленума полностью снимают вопрос о каком бы то ни было целенаправленном казачьем геноциде со стороны большевизма.

Опасаясь, что недоброжелательное отношение казаков затруднит восстановление сельского хозяйства и ослабит обороноспособность Северо-Кавказского региона, большевистское руководство осуществило в середине 1920-х гг. комплекс проказачьих мероприятий в общем русле политики «лицом к деревне». Автор высказывает мнение, что даже ликвидация «кулацких верхов», а с ними и части зажиточных середняков казачьих страт в период сплошной коллективизации в конце 1920–1930-х гг. не привела к окончательному расколу и размыванию «социально близких», т. е. беднейших и средних, слоев казачества в массе колхозников. Действительно, в период реализации сталинского варианта ускоренной «социалистической модернизации» применения военно-мобилизационных, административно-командных механизмов управления использование проверенных Гражданской войной репрессивных, насильственных методов вновь привело к трагедии не только для остатков казачьего донского «субэтнуса-сословия», но и большей части коренного и иногороднего крестьянского населения Дона, всего Юга России.

В итоге, как показал опыт, к 1936 г. властям все же пришлось смириться с существованием крупных сообществ, пусть «колхозных», но все же казаков. Этот тезис требует приведения дополнительных аргументов.

Итак, в условиях обострения внешнеполитической ситуации накануне Второй мировой войны Советское государство и правящая партия снова вернулись к тактике социального согласия и даже к попытке конструирования обновленного поколения «советских казаков» в рамках установления колхозно-кооперативного строя в деревне. Была развернута кампания «За советское казачество», началось создание не только территориально-милиционных, но и отдельных специальных кавалерийских казачьих частей в составе РККА накануне и в период Великой Отечественной войны (1936–1945 гг.).

Но специальной, отдельно определявшейся «казачьей политики» как самостоятельного постоянного направления в 1920–1930-х гг. не было. Изначально, еще в годы Гражданской войны и «военного коммунизма», была определена «стратегическая линия» в казачьем вопросе, политика поэтапного «расказачивания», проводившаяся через отмену и постепенные изменения сословно-правового, военного и хозяйственно-поземельного статуса, отчасти уклада жизни казачества.

Такая политическая линия весьма логично вписывалась в стратегию уничтожения сословий и классов отжившего свое феодально-буржуазного общества. Предполагалось окончательное «окрестьянивание» казачества, перевод большей его части в статус нового советского «колхозно-

кооперативного» крестьянства в период глобальных преобразований аграрного сектора экономики в ходе форсированной «социалистической модернизации» и построения «основ социализма». Причем дуализм данной стратегической линии состоял в применении на разных этапах различных методов политической тактики ее проведения и применения, в ситуации наличия двух сложившихся различных подходов к решению казачьей проблемы, в самой политической элите, ее высшем и среднем звене.

В работе отмечается, что в целях сохранения и удержания власти в острых кризисных ситуациях, в периоды переломных политических моментов, большевистская партийная элита по необходимости учитывала и использовала военные и культурно-бытовые, хозяйственные традиции, особенности казачества как сословия и субэтнической группы, но лишь до определенного нужного ей эффективного (либо неэффективного) результата. Следует особо подчеркнуть, что при этом всегда учитывалось и даже использовалось устойчивое негативное и предвзятое отношение большей части иногороднего, городского и сельского населения регионов Юга России, в том числе и Дона к казакам.

В условиях такого политического дуализма в «казачьем вопросе» периодически возникали рецидивы репрессивной (наступление и ограничения) или либеральной (отступление и компромиссы) тактики в отношении казачества, с учетом мнений тех государственных лидеров и партфункционеров, которые пользовались наибольшим авторитетом на данном историческом этапе.

Ряд историков считает, что результаты подготовки и проведения, а затем реализация основных решений специального «казачьего» Пленума ЦК РКП(б) в апреле 1925 г. вернули политику союза с трудовым казачеством, использования его полезных военных, хозяйственных и культурно-бытовых черт и традиций. Архивные источники действительно свидетельствуют, что уже с 1924–1925 гг. казаки и красные партизаны более активно привлекаются в советские органы власти и самоуправления, расширяется прием в Коммунистическую партию, в территориальные военно-милиционные части. Это было связано и с успешным проведением земельной реформы, уравнительным землепользованием и земледелием, дальнейшим разложением остатков казачьей общины, постепенным превращением казаков из бывшего военного сословия в обычных крестьян-земледельцев, будущих колхозников. В 1925–1928 гг. в Донской области была проведена военно-милиционная реформа, в ходе которой созданы специальные мобильные части, куда активно привлекалось на службу и казачье население.

Принимавшиеся важные государственные и партийные документы в отношении казачьих сообществ Юга России и практика их реализации на местах показывают, что, провозглашая политику «лицом к деревне», «лицом к казачеству», лидеры РКП(б) все же имели в виду лишь ту его трудовую часть, которая мыслилась ими как реальная или потенциальная социальная опора формирующегося режима. Это не замедлило сказаться на отношениях власти и казачества в условиях острого кризиса хлебозаготовок 1928–1929 гг. и начавшегося свертывания нэпа, а затем и нового курса на сплошную коллективизацию сельского хозяйства. Очередное изменение «генеральной линии» правящей партии, резкий переход к применению уже проверенных на практике административно-репрессивных мер по отношению к казачьим сообществам и части зажиточного коренного крестьянства показали во многом искусственный, отчасти вынужденный характер прежней кампании, в условиях сохранения «идеологической и политической диктатуры» иногородних на местах, с учетом их доминирующего положения в среднем эшелоне партийно-советской системы власти и управления бывших казачьих областей.

Власти опять вернулись к методам репрессивного расказачивания и раскрестьянивания периода кризиса хлебозаготовок, в условиях свертывания нэпа и перехода к сплошной коллективизации 1929–1933 гг., в контексте нового сталинского курса форсированного «построения основ социалистической экономики».

В книге Р.Г. Тикиджяна особо подчеркнуто, что при этом всегда учитывалось и использовалось устойчивое негативное и предвзятое отношение большей части иногороднего, городского и сельского населения регионов Юга России к казакам. В условиях такого политического дуализма в «казачьем вопросе» периодически возникали рецидивы репрессивной (наступление) или либеральной (отступление) тактики в отношении всего или конкретной части казачьего населения, отдельных его групп и категорий, с учетом мнений тех партийно-политических лидеров, которые пользовались наибольшим авторитетом в центре и на местах.

Несмотря на обусловленное коммунистической идеологией неприятие казачьих сообществ и стремление к их «расказачиванию», десословизации, правительственные, партийные и военные ор-

ганы власти Советской России – СССР в 1920–1930-х гг. вполне доброжелательно относились к привлечению «классово-близких», так называемых советских казаков-колхозников как части колхозно-кооперативного советского крестьянства в Красную армию. При этом данная система считалась уже состоявшейся и объективно необходимой для новых «советских поколений», выросших и воспитанных при советской власти.

В специальной главе монографии рассматривается военная служба казачества и отношение казаков к ней. На первом этапе, в 1923–1929 гг., кавалерийские подразделения переменного состава к исходу 1920-х гг. были созданы уже во всех казачьих округах Северо-Кавказского края, в том числе на Дону. Позднее эта же тенденция возобладала на втором этапе – с 1936 по 1942 г., только после практики репрессивного раскулачивания с элементами расказачивания и завершения сплошной коллективизации на Дону и Северном Кавказе.

Нельзя забывать, что позиции отдельных групп казаков крестьянского населения на разных этапах истории и в разных областях жизнедеятельности, по мнению Р.Г. Тикиджьяна, были различны, а зачастую противоположны и непримиримы. Эта ситуация отразилась в итоге и на участии таких групп казачества и крестьянского населения бывших казачьих областей в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., движении казачьего коллаборационизма и сепаратизма на казачьих окраинах юга Советской России. Переход части казаков на службу в войска германского вермахта, в казачьи подразделения полковника фон Панвица и генерала П. Н. Краснова, попытки создания государства «Казакия» на территориях юга-востока России в годы Второй мировой войны, по мнению ряда исследователей, в том числе автора, конечно, во многом связаны с жесткими мерами унитарной и репрессивной политики большевизма в Советской России.

После войны в связи с участием казаков-эмигрантов и коллаборационистов из населения казачьих территорий Юга России в 1942–1945 гг. в составе войск германского вермахта бывшая советская проказачья политика была постепенно свернута. Правящая в СССР «неосталинская» номенклатура потребовала забыть о казачестве как военном и этнокультурном сообществе, определив при этом целый ряд правовых, административных и идеологических табу, даже на некоторые исторические, фольклорные и музейные исследования в 1960–1970-е гг.

В конце 1980-х гг. в ходе начавшегося сложного и неоднозначного процесса возрождения казачества одной из основных и самых остродискуссионных тем сразу же стала проблема оценки «расказачивания» как в политическом, этнокультурном, так и в научно-историческом аспектах, что подчеркивает ее непреходящую актуальность и необходимость дальнейшего более глубокого изучения.

Очень важно, что автор связывает в заключении своей работы процессы возрождения и проблемы формирования «неоказачества» на Юге России и на Дону (Ростовская и Волгоградская области) с предыдущими историческими эпохами и оценивает исторический опыт и перспективы взаимоотношений казаков и неказачьего населения с институтами современного Российского государства на рубеже XX – XXI вв.

Достоинства книги Р.Г. Тикиджьяна многочисленны и очевидны, но вместе с тем имеются определенные уязвимые места. Они в основном вызваны своеобразным жанром – совмещение историографических сюжетов и собственного исторического исследования автора. В результате не всегда ясно, где излагается точка зрения историков, а где его собственные суждения. Автор постоянно выходит за рамки заявленной хронологии, дает оценки или сюжеты более раннего или более позднего этапа истории. В ряде случаев, излагая то или иное мнение, он отсылает читателя к большой группе авторов, хотя среди них часто нет единства по тому или иному вопросу или даже вообще нет определенности. Особенно это касается истории казачьего псевдогосударственного образования «Всеволокое войско Донское» Краснова, казачьего национализма и шовинизма, численности белых и красных казаков, позиций бывшего иногороднего крестьянства после Гражданской войны и т. д. Представляется, что автор недостаточно раскрыл значение трудов таких выдающихся казачеведов, как А.П. Пронштейн, Н.А. Мининков, В.Н. Королев, А.И. Агафонов, исследователей казачества первой трети XX в. Д.С. Бабичева, И.М. Дедова, К.Н. Хохульникова, А.П. Кожанова, П.А. Голуба, В.П. Трута и др. Но эти неизбежные издержки легко объяснимы масштабом поставленной в книге задачи и сложной формой исследования, которое в целом является значительным вкладом в историографию истории казачества и крестьянства на переломе исторических эпох конца XIX – начала XX в.

Список источников

1. Тикиджьян Р.Г. Донское казачество: история и современность : учеб.-метод. пособие к спецкурсу. Шахты: ШТИБО, 1992. 48 с.
2. Тикиджьян Р.Г. История и культура народов Донского края и казачества. Ростов н/Д.: Донской изд. дом, 2010. 448 с.
3. Тикиджьян Р.Г., Скорик А.П. Донцы в 1920-е годы: очерки истории. Ростов н/Д.: СКНЦ ВШ, 2010. 244 с.
4. Тикиджьян Р.Г., Водолацкий В.П., Скорик А.П. Казачий Дон: очерки истории и культуры : учеб. пос. Ростов н/Д.: Терра, 2005. 448 с.
5. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов. Из истории формирования антисталинского сопротивления в советском обществе в 1920–1930-е гг. М.: Ленанд, 2013. 254 с.
6. Кислицын С.А. Политическая власть и донские казаки в первой половине XX века. М.: Ленанд, 2018. 348 с.

Список источников

1. Tikidjan R. G. *Don Cossacks: history and modernity*. Teaching and methodological manual for special course. Shakhty: Shakhty Technological Institute of Domestic Services Press; 1992. 48 p. (In Russ.).
2. Tikidjan R.G. *History and culture of the peoples of Don Region and Cossacks*. Rostov-on-Don: Don Publishing House; 2010. 448 p. (In Russ.).
3. Tikidjan R.G., Skorik A.P. *Don residents in the 1920s: Outlines of the History*. Rostov-on-Don: North Caucasus Science Center of the Higher School Press; 2010. 244 p. (In Russ.).
4. Tikidjan R.G., Vodolatsky V.P., Skorik A.P. *Cossack Don: essays on history and culture: study village*. Rostov-on-Don: Terra Publ.; 2005. 448 p. (In Russ.).
5. Kislitsyn S.A. *Chairman of the Soviet Russian Sovnarkom Sergey Syrtov. From the history of the formation of anti-Stalinist resistance in Soviet society in the 1920s and 1930s*. Moscow: Lenand Publ.; 2013. 254 p. (In Russ.).
6. Kislitsyn S.A. *Political power and Don Cossacks in the first half of the 20th century*. Moscow: Lenand Publ.; 2018. 348 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С.А. Кислицын – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author

S.A. Kislitsyn – Doctor of Science (History), Professor.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-98-101

II Всероссийская конференция с международным участием «Черноморский регион и Кавказ в международных отношениях» (Ростов-на-Дону, 23–24 мая 2024 г.)

Элима Адамовна Исраилова¹, Инга Александровна Мезинова², Игорь Миронович Узнародов³✉

^{1, 2, 3} Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия

¹ elima84@mail.ru

² dayainga@gmail.com

³ iguz2010@yandex.ru ✉

Для цитирования: Исраилова Э.А., Мезинова И.А., Узнародов И.М. II Всероссийская конференция с международным участием «Черноморский регион и Кавказ в международных отношениях» (Ростов-на-Дону, 23–24 мая 2024 г.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 98–101.

Conference materials

2nd All-Russian Conference with international participation “The Black Sea Region and the Caucasus in International Relations” (Rostov-on-Don, May 23-24, 2024)

Elima A. Israilova¹, Inga A. Mezinova², Igor M. Uznarodov³✉

^{1, 2, 3} Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

¹ elima84@mail.ru

² dayainga@gmail.com

³ iguz2010@yandex.ru ✉

For citation: Israilova E.A., Mezinova I.A., Uznarodov I.M. 2nd All-Russian Conference with international participation “The Black Sea Region and the Caucasus in International Relations” (Rostov-on-Don, May 23-24, 2024). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):98-101. (In Russ.).

23–24 мая в Ростовском государственном экономическом университете (РИНХ) проходила II Всероссийская конференция с международным участием «Черноморский регион и Кавказ в международных отношениях», соорганизаторами которой выступили кафедра мировой экономики и международных отношений учётно-экономического факультета РГЭУ (РИНХ), Северо-Кавказский научный центр высшей школы Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета и Институт международных отношений Пятигорского государственного университета.

Географическое положение Черноморско-Каспийского региона с древнейших времён определило его особое значение – здесь проходили многие торговые пути, которыми пользовались народы Евразии и Африки, пересекались и взаимодействовали различные культуры и цивили-

зации. Территории также были богаты природными ресурсами, что привлекало и сегодня продолжает привлекать внимание различных государств к региону и в том числе служит причиной существования здесь напряжённости. Отношения между народами в регионе в XXI в. можно охарактеризовать как весьма сложные, которые зачастую доходят до вооружённых конфликтов. А близость к Ближнему и Среднему Востоку только повышает градус напряжённости. Актуальность проблематики конференции также подтверждается повышенным вниманием к региону крупных мировых акторов международных отношений.

В конференции приняли участие ведущие учёные-международники из высших учебных заведений и научно-исследовательских структур Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, Грузии, Казахстана и Беларуси, а также практические работники, имеющие отношение к развитию экономических и культурных связей со странами региона. Почётным гостем конференции выступил С.Н. Гончаренко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН, чрезвычайный и полномочный посланник 2-го класса МИД России в отставке, заместитель генерального секретаря постоянного международного секретариата Организации Черноморского экономического сотрудничества в 2016–2022 гг.

На открытии конференции с приветствиями к её участникам обратились Е.Н. Макаренко, ректор РГЭУ (РИНХ); М.А. Боровская, председатель Совета ректоров вузов ЮФО, президент ЮФУ; А.П. Горбунов, председатель Совета ректоров вузов СКФО, ректор Пятигорского государственного университета; Б.М. Гокжаев, чрезвычайный и полномочный посланник 2-го класса МИД России в отставке, член Общественной палаты г. Ростова-на-Дону; Ю.В. Алексеевский, вице-президент Торгово-промышленной палаты Ростовской области; П.О. Войтов, начальник управления международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности правительства Ростовской области.

В рамках пленарного заседания с докладами выступили: И.М. Узнародов, доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений РГЭУ (РИНХ); В.Н. Панин, директор Института международных отношений ПГУ, доктор политических наук, профессор; С.Н. Гончаренко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Европы РАН; Дж. Дж. Квициани, заведующий кафедрой истории народов Кавказа Тбилисского государственного университета, доктор исторических наук, профессор.

Доклад И.М. Узнародова был посвящён политике Великобритании в Черноморско-Каспийском регионе. Автор отметил, что, несмотря на изменившиеся задачи во внешней политике страны после выхода из Европейского союза, её антироссийский характер сохранился. В новой концепции внешней и оборонной политики, обнародованной в марте 2021 г., Россию прямо назвали угрозой НАТО и Соединённому Королевству. После начала специальной военной операции на Украине Лондон стал предоставлять нацистскому режиму в Киеве разную помощь, включающую и поставки оружия, и подготовку ударов по российской территории. Особая активность была проявлена в акватории Чёрного моря, где ещё до начала СВО Великобритании заметно увеличила своё присутствие, стремясь установить контроль за энергетическими ресурсами и серьёзно ограничить возможности нашей страны влиять на политические процессы Южного Кавказа. Автор обратил внимание на участие британских спецслужб в организации террористических актов, чтобы затруднить снабжение новых российских территорий. Приложили руку «специалисты» из Туманного Альбиона и к подготовке атак на российский Черноморский флот. В целом политика Великобритании в Черноморско-Каспийском регионе, имеющая откровенно антироссийский характер, стала частью масштабной геополитической игры, которую она ведёт на международной арене.

В докладе В.Н. Панина была проанализирована политика Соединённых Штатов Америки на Кавказе, которая, по мнению автора, отражает здесь гегемонистские устремления Вашингтона. Активизация американской политики в регионе наблюдалась с начала 1990-х гг., причём не сводилась только к энергетической составляющей. Интересы Вашингтона значительно шире и отражают общие геополитические задачи. Неслучайно Конгресс США принял специальный документ, объявивший Черноморско-Каспийский регион зоной жизненных интересов американского государства. Значение региона выросло в XXI в., что объяснялось его близостью к Большому Ближнему Востоку и Афганистану, которые были источником напряжённости и тер-

рористических угроз. Автор также обратил внимание на то, что сегодня Южный Кавказ рассматривается стратегами США и в плане противодействия своим основным региональным противникам – России, Ирану и Китаю. Конечно, они учитывают и весьма своеобразную позицию Турции, которая является членом НАТО и пытается играть в регионе свою особую геополитическую роль. В итоге США превратились в главного внерегионального игрока, во многом определяющего политическую динамику на пространстве от Балкан до Каспийского моря.

С.Н. Гончаренко в своём выступлении подробно осветил современное состояние и перспективы взаимодействия в рамках Организации Черноморского экономического сотрудничества. Докладчик в деталях рассказал о том, как работает ОЧЭС, как решаются обсуждаемые вопросы. Рассмотрел и политику России, которую она осуществляла в рамках организации с самого начала её создания, способствуя развитию добрососедских отношений между государствами-членами. Особо ценным было то, что в докладе С.Н. Гончаренко опирался на свой опыт работы в организации. Он также остановился на изменениях, которые произошли после начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г., и рассмотрел проблемы, возникающие под давлением руководства Европейского союза, занимающего откровенно враждебную позицию по отношению к России. К сожалению, сегодня текущие политические процессы на Европейском континенте приобрели большое влияние на деятельность ОЧЭС, внося раскол между членами организации и тормозя уже одобренные экономические проекты, которые имеют важное значение для развития региона.

Дж. Дж. Квициани представил основательный анализ грузино-российских отношений в контексте современных геополитических процессов на Кавказе. Он показал весьма противоречивые позиции политических партий республики и неоднозначную ситуацию в общественном мнении. При всей сложности нынешнего грузино-российского взаимодействия в сегодняшней Грузии много людей, выступающих за добрососедские отношения с нашей страной. Находящаяся у власти партия «Грузинская мечта» проводит линию на сохранение нейтралитета в конфликте Запада с Россией, но при этом не отказывается от курса на вступление в Европейский союз. Это не нравится Брюсселю, который оказывает беспрецедентное давление на Тбилиси, стремясь втянуть последний в конфликт с Москвой, который ничем хорошим закончиться не может. Многие определится на парламентских выборах в Грузии 26 октября текущего года.

В рамках конференции также были проведены секции и круглые столы по широкому кругу экономических, политических и социальных вопросов, актуальных для стран региона.

После пленарного заседания в РГЭУ (РИНХ) работу продолжили две секции: 1. «Международные отношения и проблемы безопасности в Черноморском регионе и на Кавказе». 2. «Торгово-экономические отношения в Черноморском регионе и на Кавказе».

Участники первой секции особое внимание обратили на модели противодействия геополитическим конфликтам, векторы социального развития постсоветского Южного Кавказа, деятельность неправительственных организаций в регионе, методологические вопросы моделирования геополитических процессов, возможности оценки рисков региональной безопасности, перспективы научного сотрудничества учёных региона.

Во второй секции конференции прозвучали доклады о реализации национальных экономических интересов России во взаимодействии с Турцией, об иностранных инвестициях и особенностях международных расчётов в условиях санкций, о развитии рынка ценных бумаг и финансовой безопасности, перспективах формирования зелёной экономики, потенциале интеграции технологий в туристической отрасли, о Северном Кавказе как драйвере туристско-рекреационного развития.

23 мая в Южном федеральном университете прошёл круглый стол «Правовое регулирование межгосударственных отношений и внешнеэкономической деятельности в Черноморском регионе и на Кавказе», в ходе которого ведущие учёные обсудили аспекты международного права в новых геополитических реалиях, правовые рамки и влияние на экономику цифровых трансформаций, правовые аспекты технологического предпринимательства.

24 мая конференция продолжила свою работу. В Институте социологии и регионоведения ЮФУ прошёл круглый стол «Россия в геополитическом пространстве Черноморско-Каспийского региона: цели, ресурсы, партнёры, противники». А в Профессорском клубе РГЭУ

(РИНХ) выступили с докладами С.Н. Гончаренко, предложивший взгляд на политику Организации Черноморского экономического сотрудничества изнутри, и М.А. Боровская, рассказавшая о перспективах многостороннего сотрудничества в сфере науки и образования в Черноморском регионе.

Прошедшая конференция, несомненно, внесла весомый вклад в развитие знаний о международных отношениях в Черноморском регионе и Кавказе и будет способствовать продолжению дальнейших исследований в сфере региональной проблематики.

Информация об авторах

Э.А. Исраилова – доктор экономических наук, заведующая кафедрой мировой экономики и международных отношений.

И.А. Мезинова – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики и международных отношений.

И.М. Узнародов – доктор исторических наук, профессор кафедры мировой экономики и международных отношений.

Information about the authors

E.A. Israilova – Doctor of Science (Economics), Head of the Department of World Economy and International Relations.

I.A. Mezinova - Candidate of Science (Economics), Associate Professor of the Department of World Economy and International Relations.

I.M. Uzнародov – Doctor of Science (History), Professor of the Department of World Economy and International Relations.

Материалы конференции
doi: 10.18522/2687-0770-2024-3-102-104

**Итоги проведения Международной научно-практической конференции
«Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено»
(Ростов-на-Дону, 3–4 апреля 2024 г.)**

Роман Игоревич Сухов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
ris@sfedu.ru

Для цитирования: Сухов Р.И. Итоги проведения Международной научно-практической конференции «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено» (Ростов-на-Дону, 3–4 апреля 2024 г.) // Изв. вузов. Сев.-Кавк. регион. Обществ. науки. 2024. № 3. С. 102–104.

Conference materials

**Results of the International Scientific and Practical Conference
“Tourism and hospitality industry: all inclusive”
(Rostov-on-Don, April 3-4, 2024)**

Roman I. Sukhov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
ris@sfedu.ru

For citation: Sukhov R.I. Results of the International Scientific and Practical Conference “Tourism and hospitality industry: all inclusive” (Rostov-on-Don, April 3-4, 2024). *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science.* 2024;(3):102-104. (In Russ.).

Туристская индустрия с каждым годом претерпевает изменения, становится более технологичной, динамичной и универсальной с точки зрения профессиональных знаний, умений и навыков. Поэтому в 2024 г. организационным комитетом было принято решение об изменении формата проведения Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Современные проблемы и технологии в сфере туризма, гостиничного дела, сервиса: российский и зарубежный опыт», которая проводилась ежегодно на протяжении последних 6 лет, и переименовании её в Международную научно-практическую конференцию «Индустрия туризма и гостеприимства: всё включено». Как и в предыдущие годы, рабочими языками конференции для выступлений, дискуссий и публикаций были русский и английский.

Реорганизация конференции затронула в первую очередь формат, тематику исследований, принцип подбора участников конференции и выбор секций для выступления.

Разделение секций по принципу видов деятельности предприятий или специализации исследований на какой-то определенной узкой теме было признано нецелесообразным и не отвечающим происходящему в образовательном процессе и практической деятельности, так как любое туристское предприятие вне зависимости от его географии и основного профиля может создавать проекты, междисциплинарные по своей сути и требующие знаний из смежных областей в рамках индустрии гостеприимства. Эта часть концепции нашла своё отражение в фрагменте названия конференции «всё включено». Каждая из четырех кафедр Института туризма, сервиса и креативных индустрий представляла проекты своих мастерских, включавших работы студентов ЮФУ, сторонних вузов России и зарубежных стран, а также работников туристских предприятий. По этому принципу сформированы четыре секции, работавшие во второй день конфе-

ренции. Среди представленных работ были как групповые междисциплинарные, так и индивидуальные узкоспециализированные исследования.

В пленарной части конференции, проведенной в формате панельной сессии, были представлены наиболее важные для российской и международной практики вопросы, обсуждаемые всеми участниками конференции в формате дискуссии под руководством экспертов по заявленным темам. Среди наиболее важных тем панельной сессии в рамках внутреннего и въездного туризма можно назвать:

– «Использование каркасной концепции в стратегическом планировании развития туристских территорий» (эксперт А. Ю. Александрова, д.г.н., профессор кафедры рекреационной географии и туризма Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия);

– «Глэмпинги как новая реальность туристской инфраструктуры» (эксперт Т.В. Горяйнова, директор АНО «Агентство по туризму и деловым коммуникациям Ростовской области», г. Ростов-на-Дону, Россия);

– «Проблемы и перспективы развития маркетплейсов и тенденций внутреннего туризма в России» (эксперт О.А. Зябко, генеральный директор ООО «Гольфстрим-Тур», президент общественной организации «РСТ-Юг», г. Ростов-на-Дону, Россия);

– «Устойчивое развитие туризма на особо охраняемых природных территориях» (эксперт Д.О. Колосов, директор по устойчивому развитию курорта «Роза Хутор», Краснодарский край, Россия);

– «Устойчивый туризм: почему туроператоры и турагенты не торопятся» (эксперт К.А. Соколов, директор туроператорской компании «Невские Сезоны», г. Санкт-Петербург, Россия);

– «Позиционирование винодельческих брендов Юга России: барьеры и стратегии» (эксперты Л.В. Клименко, д.с.н., профессор кафедры бизнеса в сфере гостеприимства Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия; Д.Д. Кривошеева-Медянцева, к.э.н., доцент кафедры медиапроизводства, Донской государственной технической университет, управляющий директор Ателье вина «Абрау-Дюрсо» в Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– «Проблемы туристического кластера “Новая Анапа”» (эксперт Д.В. Максимов, к.г.н., доцент кафедры международного туризма и менеджмента Кубанского государственного университета, член экспертно-консультативного совета Комитета Законодательного собрания Краснодарского края по вопросам использования природных ресурсов, экологической безопасности, санаторно-курортного комплекса и туризма, г. Краснодар, Россия);

– «Карьерные стратегии в туризме и индустрии гостеприимства» (эксперт С.Г. Горяйнов, к.и.н., доцент, директор Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– «Новые виды туризма: промышленный, научно-популярный, студенческий. Адаптация ожиданий к реальности» (эксперт Р.И. Сухов, к.г.н., заведующий кафедрой туризма Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия);

– «Туризм как структурный элемент в становлении нооэкономики территории» (эксперт М.В. Якименко, к.э.н., заведующий кафедрой технологий управления в индустрии туризма Института туризма, сервиса и креативных индустрий ЮФУ, г. Ростов-на-Дону, Россия).

Вопросы международного туризма обсуждались под руководством экспертов из зарубежных стран:

– A Sustainable Development Strategy for the Tourism Sector: Egypt 2030 (эксперт М.А. Тамер, PhD, профессор Международного университета Короля Сулеймана, директор филиала в Шарм-эш-Шейхе, г. Шарм-эш-Шейх, Арабская Республика Египет);

– «Важности возрождения наследия и культурных маршрутов в развитии туризма в Сирийской Арабской Республике» (эксперт М. Хосейн, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой управления туризмом, Университет Тартуса, г. Тартус, Сирийская Арабская Республика);

– Profiling Indonesian coffee tourism (эксперт Х. Сетийорини, старший преподаватель, Университет Пендидикан, г. Денпасар, Республика Индонезия);

– «Интеграция культуры и устойчивости: переосмысление стратегий развития туризма в Узбекистане» (эксперт С.У. Таджиева, к.э.н., профессор Бухарского государственного университета, г. Бухара, Республика Узбекистан).

Во второй день конференции работали секции, представленные четырьмя проектными мастерскими в формате питч-сессии. Участниками были студенты, аспиранты, сотрудники предприятий индустрии гостеприимства.

В «Мастерской проектов кафедры туризма» была представлена 21 работа. Среди участников – сотрудники туристских предприятий курорта «Роза Хутор»; студенты российских вузов: Южного федерального университета, Гжельского государственного университета, Горно-Алтайского государственного университета, Российского государственного аграрного университета – МСХА им. К.А. Тимирязева, Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, Югорского государственного университета; а также представители зарубежных вузов: Бухарского государственного университета (Узбекистан), Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (Казахстан), Тартусского университета (Сирия), Университета Саньи (Китай). Также в работе секции приняла гостевое участие команда школьников МБОУ «Гимназия № 47» (г. Ростов-на-Дону).

Победителями в разных номинациях стали О.М. Михневич, М.О. Шелепень – «Особенности и специфика организации мероприятий на примере курорта “Роза Хутор”» (курорт «Роза Хутор»); Ю.А. Чернова, О.Н. Журавель – «Проекты гостинично-ресторанных комплексов» (курорт «Роза Хутор»), С.В. Сологубова – «Улучшение качества работы службы сервиса на примере комплекса “Роза Шале”» (курорт «Роза Хутор»); О.В. Калигаева, М.Д. Перепечаев, В.А. Гайдукова – «Проектная лаборатория детского туризма: кейсы по городским маршрутам» (ЮФУ); И.С. Барашкова, А.С. Слепухина, А.С. Федорина, Ю.Е. Десенхо – «Научно-популярный туризм в ЮФУ: ситуационный анализ» (ЮФУ); М.А. Боженькина, Е.М. Гериш – «Региональные особенности развития детско-юношеского туризма на примере Ростовской области» (ЮФУ); Е.С. Трудинова, А.А. Рудик – «Разработка аудиогuida по кольцевому маршруту на Дону (в пределах г. Ростова-на-Дону)» (ЮФУ); В.С. Власова – «Перспективы развития курортной деятельности в Алтайском крае» (ЮФУ).

В «Мастерской проектов кафедры технологий управления в индустрии туризма» было представлено 16 работ студентов ЮФУ. Победителями стали Е.А. Волгина, М.В. Гнатенко, А.В. Зимица, А.В. Сенина – «Перспективы развития научно-популярного туризма в Центральном федеральном округе» (ЮФУ).

В «Мастерской проектов кафедры бизнеса в сфере гостеприимства» была представлена 21 работа студентов Южного федерального университета. Победителями стали А.В. Борцова, В.К. Гаджиева, К.А. Тедеева – «Особенности управления отелем среднего ценового сегмента».

В «Мастерской проектов кафедры организации и технологий сервисной деятельности» было представлено 3 фундаментальных коллективных исследования, в которых приняли участие более 40 студентов Южного федерального университета: «Сервисы адаптации местных сельхозпроизводителей в условиях санкций и ограничений», «Сервисное обслуживание туристских социокультурных проектов», «Организация и проведение научного мероприятия Всероссийская научная конференция “Сервисная индустрия перед вызовами времени”». В силу значимости каждого из проведенных исследований жюри секции решило не распределять места среди этих проектов. Каждый из участников получил именной сертификат.

Результатом конференции стал сборник трудов, в который вошли публикации некоторых участников панельной сессии, а также победителей и призеров проектных мастерских.

Информация об авторе

Р.И. Сухов – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой туризма, Институт туризма, сервиса и креативных индустрий.

Information about the author

R.I. Sukhov – Candidate of Science (Geography), Associate Professor, Head of the Tourism Department, Institute of Tourism, Service and Creative Industries.

Над номером работали: В.В. Дашевская, Т.М. Климчук, М.С. Шипитко

Подписано в печать 27.09.2024. Выход в свет 30.09.2024.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Шрифт Times.

Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 12,48. Тираж 250 экз. Заказ № 9655

Адрес редакции и издателя (для переписки):

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, Южный федеральный университет.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru

Адрес редколлегии: 344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 2, к. 110,
тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ,
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, корп. 1, к. 104, тел. (863) 247-80-51

Magazine released V.V. Dashevskaya, T.M. Klimchuk, M.S. Shipitko

Signed print September 27, 2024. Publication September 30, 2024.

Format 60×84 1/8. Offset paper.

Conv. print. sheets 12.09. Publ. sign 12.48. Edition 250 copies. Order number 9655

Address of Editorial Board and the publisher (for correspondence):

344006, Rostov-on-Don, Bolshaya Sadovaya St., 105/42, Southern Federal University.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru. Web Address: www.izvestiya.sfedu.ru

Address of Editorial Board: 344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 2, of. 110,
phone: (863) 218-40-00, ext. 11-093, ext. 11-094

Printed in the printing department, and corporate souvenirs,

Publishing and printing complex KIBI MEDIA CENTER, SFU,

344090, Rostov-on-Don, Stachki Ave, 200/1, Bildg. 1, of. 104, phone (863) 247-80-51

Научный журнал
**«ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ.
СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ РЕГИОН. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ»**

Рецензируемый журнал «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки», имеющий статус центрального издания, включенного в перечень ВАК, продолжает прием работ по следующим отраслям:

1. Философские науки.
2. Исторические науки.
3. Экономические науки.

Кроме того, публикуются материалы в разделах:
– «Заметки о книгах»;
– «Научная жизнь»;
– «Штрихи к портрету».

Журнал издается с периодичностью 4 номера в год. С электронной версией журнала можно ознакомиться на сайте Научной электронной библиотеки: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=7571. Опубликованные статьи индексируются в российских и международных электронных библиотеках и наукометрических базах данных: РИНЦ, РУКОНТ, «Киберленинка», ЭБС «Университетская библиотека онлайн», ИВИС, Ulrich, EBSCO.

Авторы, сохраняя за собой авторские права на работу и передавая журналу «Известия вузов. Северо-Кавказский регион» право первой публикации, автоматически принимают на себя обязательство не печатать ее ни полностью, ни частично в каком-либо другом издании без указания ссылки на оригинальную публикацию в этом журнале.

Издательские услуги оплачиваются организацией или автором после утверждения статьи на редколлегии.

Оформление работ осуществляется согласно правилам:

1. Представляется статья в электронном виде. Перед заголовком указать индекс УДК.
2. Статья оформляется в формате .doc или .docx (MS Word) через 1,5 интервала, шрифтом Times New Roman размером 14 пт, страницы пронумерованы.
3. Сведения об авторах с указанием автора, ответственного за переписку, **на русском и английском языках.**
4. Полное название организации **на русском и английском языках.**
5. Название статьи и фамилии авторов **на русском и английском языках.**
6. Аннотация **на русском и английском языках** (1000–1500 знаков / 150–200 слов).
7. Ключевые слова **на русском и английском языках (8–10 слов).**
8. Список источников также продублировать на английском языке.

Журнал распространяется по подписке через объединённый каталог «Пресса России», интернет-каталог «Пресса по подписке». Подписной индекс – 70414 (подписка на полугодие).

В неподписной период отдельные номера журнала за нынешний и прошлые годы можно приобрести в редакции.

Адрес для переписки: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, ЮФУ.

Редакция журнала «Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки».

Тел.: (863) 218-40-00, доб. 11-093, доб. 11-094.

E-mail: izvestiya@sfedu.ru.

Адрес в Интернете: www.izvestiya.sfedu.ru.

ISSN 2687-0770. Doi: 10.18522/2687-0770-2024-3.

Известия высших учебных заведений.

Северо-Кавказский регион. Общественные науки.

2024. № 3